

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

I

**С о с т а в и т е л ь
В а л е р и й Ч а л и д з е**

CHALIDZE PUBLICATIONS 1981

**СССР: В Н У Т Р Е Н Н И Е
П Р О Т И В О Р Е Ч И Я**

I

**С о с т а в и т е л ь
В а л е р и й Ч а л и д з е**

INTERNAL CONTRADICTIONS IN THE USSR

Number 1, edited by Valery Chalidze

Articles and documents illustrate various types of conflicts (social, national, economic , etc.) in the USSR. Also included are descriptions of social sub-cultures in the USSR.

Copyright © 1981 by Valery Chalidze

Published by: Chalidze Publications

505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in the USA

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя	7
<i>Игорь Бирман.</i> Противоречивые противоречия (заметки о советской экономической теории и практике)	9
<i>Наталья Садомская.</i> Новая обрядность и интеграция в СССР	64
<i>Борис Шрагин.</i> Оппозиционные настроения в научных городках	100
<i>Валерий Чалидзе.</i> О праве наций на самоопределение	121
<i>Семен Глузман.</i> Страх свободы: декомпенсация психического состояния или феномен существования?	140
<i>Иегошуа Яхот.</i> Судьба статистики и математических методов в социологии (30-е годы)	158

С у б к у л ь т у р ы

<i>Владимир Козловский.</i> Материалы к изучению языка одной субкультуры. Московские таксисты	203
<i>Георгий Давыдов.</i> О заключенных-уголовниках	228

Из самиздата

<i>Группа рабочих. Обращение в никуда</i>	245
<i>Феликс Серебров. Повесть "О красном кисете"</i>	250
<i>Редакция альманаха "Женщина и Россия". Эти добрые патриархальные устои</i>	253
<i>Юрий Киселев. О положении инвалидов</i>	260
<i>Раиса Лерт. Заявление в парткомиссию при МГК КПСС</i>	264
<i>Вячеслав Чорновил. О межнациональных конфликтах в Якутии</i>	269
<i>45 жителей Прибалтики. Обращение в связи с 40-й годовщиной подписания советско-германского пакта</i>	276

ВО ВТОРОМ ВЫПУСКЕ
СБОРНИКА

СССР : ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Будут опубликованы:

Материалы из самиздатского журнала
"В защиту экономических свобод"

цена — \$ 15.00

Заказы направляйте по адресу:

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Противоречий достаточно в любой стране — они неизбежны. Издавна делом общества было выработать разумные пути мирного преодоления противоречий, а делом властей — узаконить эти пути, содействовать этому преодолению.

Особенность внутренней жизни в СССР — не только необычайное обилие противоречий, но и запрет гласно их обсуждать, а следовательно недостаточная разработка путей их преодоления. Социологические исследования были приостановлены на десятилетия. Недавнее их возрождение мало что дает из-за невероятных цензурных ограничений. Власть не только не справляется с преодолением внутренних противоречий, но сама их создает, навязывая обществу неприемлемые ограничения нормальной хозяйственной, социальной и духовной активности людей, а также навязывая людям идеологию, которой власти сами не следуют на практике: накопленная противоречиями внутренняя атмосфера усугубляется *двоемыслием*, постоянной ложью пропаганды.

В СССР — не только обилие внутренних противоречий: *в СССР нет внутреннего мира.*

Быть может когда-нибудь осознание ненормальности этого приведет к тому, что власти отвлекутся от своих имперских амбиций и обратятся к мирному устройению своего общества вместо того, чтобы захватывать чужие страны и кормить международный терроризм.

Валерий Чалидзе

Нью-Йорк, 1981

ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

**(заметки о советской экономической
теории и практике)**

Советские экономические теория и практика — моя профессия и предмет этой статьи — исключительно объемная тема. И она вряд ли сужается при попытке говорить лишь о противоречиях, уж чего-чего, но вот этого в советской экономике явный избыток. Поэтому отнюдь не от избытка скромности я называю статью "заметками", это всего лишь, так сказать, первый подступ к теме.

Бытует такое представление: марксизм (в том числе его экономическая теория) устарел, никто его всерьез не принимает, стоит ли им вообще заниматься. Стоит! Хотим ли мы того или нет, но число стран, исповедующих марксизм, растет; еще ни одна страна, попавшая под власть коммунистической партии, не вывернулась, не освободилась ни от партии, ни от теории. На всех континентах, кроме лишь далекой Австралии, существуют государства, официальной религией которых провозглашен марксизм, марксистами называют себя многомиллионные партии в Западной Европе, на всех научных конференциях в Америке я встречал немало марксистов.

Скажут, что многое плохое в СССР, в том числе в экономике, объясняется не марксовой теорией, а тем, что ее там извратили, что ее там неправильно применяют, что вполне возможен, так сказать, марксизм с разумным лицом. В известной мере это верно, тем более, что ни сам Маркс,

ни Энгельс, ни Ленин ничего более или менее определенного, и тем паче детального, об организации социалистической (или коммунистической) экономики не написали, у них есть лишь отрывочные, а иногда и противоречивые высказывания по этому поводу. Это, конечно, так, но экономическая теория социализма, в том виде, в котором она существует в СССР, да и во всех других социалистическо-коммунистических странах, всеми своими корнями уходит в марксизм чистой воды, она вполне марксистская. В особенности это так по отношению к марксовской теории трудовой стоимости, о которой я совсем не говорил в статье, но только лишь по одной причине -- очень трудно говорить о таких специальных вещах популярно.

Разумеется, требовалось бы определить, что именно я понимаю под социализмом и/или коммунизмом. Бывший польский экономист, а теперь профессор Оксфордского университета В. Брус рассказал мне недавно о задуманной книге "Будущее коммунизма". В ней коммунизмом будет называться строй, существующий в странах, где властвуют коммунистические партии, а одна из глав книги озаглавлена "От коммунизма к социализму". Отдавая ему должное, я все же называю "социалистической" экономику фактически существующую в СССР.

Необходимо также оговорить, что понятие, которым я оперирую дальше "развитие экономики" весьма несовершенно, оно скорее интуитивно. Именно так, интуитивно, мы полагаем, что экономика развивается, когда она производит больше, но без установления цели (целей) движения, это определение может оказаться силь-

но неверным. В частности, экологические последствия промышленного роста ставят под сомнение всю концепцию экономического роста. А к несколько менее очевидному — когда экономика работает на себя, а когда на людей — мы сейчас и обратимся.

Производство для производства

Описывая капиталистическое производство, Маркс во втором томе "Капитала" ("Процесс обращения капитала") говорит о так называемом воспроизводстве, то есть о том, как производство воспроизводит самое себя. Здесь он делит всю экономику на производство "орудий и средств производства" и "производство предметов потребления".¹ Ничего худого в этом нет; для иллюстративных целей это вполне допустимо, да и мы дальше воспользуемся таким подразделением. Хотя, с другой стороны, здесь много условностей, если не противоречий, и западные экономисты (не марксисты) над этим делением подтрунивают.

Как бы то ни было, Маркс такое деление произвел и назвал получившиеся части соответственно 1-м и 2-м подразделениями общественного производства. В том же втором томе Маркс рассмотрел процесс общественного производства на схемах с условными числами. Довольно простые схемы, в которых 1-е подразделение растет несколько быстрее 2-го.

К этому же вопросу в одной из своих юношеских работ "По поводу так называемого вопроса о рынках" обратился Ленин. Он покритиковал (это надо понимать по-ленински) народников, которые, разумеется, извратили Маркса, привел свои собственные схемы, а в них опять 1-е подразделение росло быстрее 2-го.

Заметим при этом, что ни Маркс ни Ленин ни словечка не сказали о том, как это вообще должно быть, является ли такой более быстрый рост обязательной закономерностью.

Вопрос стал актуальным и существенно важным в конце 20-х годов при составлении первого пятилетнего плана. Началась индустриализация страны, что практически означало рост производства средств производства *за счет* производства предметов потребления. Тут-то и пригодились марксовы схемы -- в них же теоретически показывалось то же самое. Термины "1-е и 2-е подразделения" стали употребляться с невероятной частотой по отношению ко всему народному хозяйству, совокупности всех его отраслей. Отдельно для промышленности придумали термины -- группа А и группа Б -- что, грубо говоря, равносильно делению на тяжелую и легкую промышленность (несколько позже придумали и "группу В" для военного производства, но обычно ее не выделяют из группы А).

А когда еще позже началось "теоретическое обоснование" фактической экономической политики, когда были сформулированы знаменитые "экономические законы" (о них мне, видимо, придется когда-нибудь писать спе-

циально), среди них едва ли не важнейшим был провозглашен особый "закон преимущественного роста 1-го подразделения общественного производства". Закон ... Так что и спорить с ним не приходилось. И быстро росли объемы промышленного производства, возникали сотни и тысячи заводов тяжелой промышленности, выпускались грузовые, но не пассажирские вагоны, а производство предметов потребления едва ли вообще росло. Оправдывалось это необходимостью срочно преодолеть экономическую отсталость страны, а также экономически подготовиться к близкой войне. Эти факторы даже тогда вполне можно было бы посчитать временными, но закон провозглашался как вне-временной. В 1913 г., согласно советской официальной статистике, группа А составляла примерно треть всего промышленного производства, а две трети приходилось на группу Б. Примерно такое же соотношение сохранилось и в 1917 г. и в 1928 г. А уже в 1940 г. более 60% всего промышленного производства составляли "орудия и средства производства" и меньше 40% — "средства потребления". В 1945 г. это было соответственно 75% и 25%.²

После войны происходило то же самое: объемы промышленного производства стремительно росли, а жизненный уровень населения еле двигался вверх (с ужасающе низкого во время войны, со страшного послевоенного голода на Украине).

Что касается других отраслей народного хозяйства, то здесь дело обстояло ничуть не луч-

ше. Сельское хозяйство никак не могло приблизиться к объемам производства в царской России, жилищное строительство было мизерным, строительство и транспорт росли, но опять-таки для самого производства.

Наступает 1953 г., и коллективное руководство стремится снискать себе поддержку населения. Жизненный уровень отчаянно низок, надо что-то делать. Да вот незадача, средств на все не хватает: если увеличить производство потребительских товаров, начать наконец жилищное строительство, то придется средства переместить, как же тогда с теорией? Не беда, сам товарищ Маленков объявляет, что, дескать, закон о преимущественном росте не так уж безусловен, что вполне теоретически допустимо, а практически необходимо пересмотреть подход "некоторых теоретиков"; в общем, давайте-ка выпускать товары для населения.

Немедленно находятся и некоторые теоретики. Молодой и весьма юркий П. Мстиславский печатает статью в ведущем теоретическом журнале "Вопросы экономики" с нужными цитатами и нужными выводами. Но ненадолго.

В решающей фазе борьбы Хрущев вменяет Маленкову в вину отступление от марксизма. Понятно, что это лишь предлог, но знаменательно — что именно было предлогом. В былые годы Мстиславского ждал бы лагерь, теперь его лишь понижают, после искреннего покаяния, в младшие научные сотрудники.

Едва оттолкнув конкурента, Хрущев, не переводя дыхания и не пускаясь в теоретические дебри, сам старается что-то сделать с жизненным уровнем. Для этого приходится урезать (временно!) военные расходы и чуточку притормозить рост тяжелой промышленности. Жизненный уровень несколько поднимается, но много медленнее, чем хотелось бы, а рост промышленности существенно замедляется. А тут еще кубинский кризис 1962 г., после которого опять и уже надолго возобновляется форсированное строительство военной машины.

После ухода Хрущева новая "команда" объявляет намерение что-то сделать с экономикой (об этом — ниже), но мало что получается. В декабре 1970 г., как раз 10 лет назад, раздражаются те польские события. В это время на рассмотрении Политбюро находится народнохозяйственный план на следующий, 1971 г., а пока Госплан во всю готовит проект нового пятилетнего плана. Немедленно следует команда — изменить основные пропорции плана, по возможности поднять производство потребительских товаров. И в результате впервые во всей практике советского планирования в плане предусматривается несколько более быстрый рост потребительских товаров по сравнению с ростом средств производства.

Наученные опытом Мстиславского теоретики не спешат. Лучшее, что они придумали — потихому изъять из учебников и статей этот самый закон, подальше от греха. Рассуждают же они, да и то без большого нажима, что вообще законы не надо понимать слишком абсолютно, что

могут быть отдельные колебания, что важны общие, долговременные тенденции. (Все это само по себе вполне разумно.) В 1971 г. удельный вес группы Б достигает пика — 26,6% от общего объема промышленного производства, уже в следующем году он немного снизился, затем дошел до 26% в 1976 г., где так и остался.³

Зачем я рассказал всю эту историю? Не для того, чтобы в очередной раз продемонстрировать теоретическую гибкость советских вождей и учено-идеологической братии. А чтобы показать коренное отличие советской экономической системы от всех других: она так устроена, что производство работает в подавляющей степени само на себя,⁴ и лишь в сравнительно небольшой части — на выпуск продукции для нужд людей. Действительно, задумаемся над этим поразительным фактом: в царской России две трети промышленной продукции шло на потребление, а в социалистической советской экономике — только лишь одна четвертушка, три четверти всей продукции возвращается в производство, расходуется на него (а также на военные цели).⁵

Стремясь быть понятным, я упрощаю целый ряд вещей и надо хотя бы оговорить некоторые из них. И то, что в данном случае советская статистика несколько подвирает не в свою пользу, хотя и не нарочно.⁶ И что сегодняшнее производство несравненно выше механизировано, как говорят экономисты, капиталоемко, что естественным образом повышает удельный вес работы "на себя" по сравнению с началом века (эту

общую тенденцию верно отметил Маркс в третьем томе "Капитала"). И, повторю, на эти показатели сильно влияет упоминавшаяся группа В — военные расходы. При всем том этот факт настолько разителен, что, может быть, лучше всего характеризует результаты социалистического хозяйствования.

Стоит отметить, что западные специалисты с трудом это понимают. Мне пришлось недавно критиковать в печати произведенные Центральным разведывательным управлением США оценки общих объемов производства в СССР, у них эти объемы получаются едва ли не выше, чем объявляется самой советской статистикой.⁷ Причины такой кардинальной ошибки достаточно интересны, но здесь я скажу лишь об одной, непосредственно относящейся к нашей теме. Если несколько упростить схему рассуждений этих специалистов, то они полностью учитывают объем производства стали, цемента и многих других вещей, но забывают, что много миллионов тонн стали идет в СССР в стружку, а также в чересчур тяжелые станины станков и слишком толстые мостовые фермы, что миллионы тонн цемента распыляются и т.д. Ведь обогнав США и по производству стали и по производству цемента, СССР делает из этого куда меньше полезных вещей, куда меньше строит жилищ.⁸

Есть и другие, пожалуй, даже более важные аспекты работы советской экономики преимущественно на себя, но просто скажу, что эта экономика значительно менее эффективна, чем

современные западные экономики, здесь при затратах того же количества труда и тех же ресурсов получается куда меньше полезной продукции.

Надо ли винить в этом теорию? Безусловно, хотя и не упоминавшиеся выше изгибы теоретической линии насчет соотношений 1-го и 2-го подразделений (групп А и Б): как раз эти изгибы и показывают, что при осознании проблемы, при желании ее разрешить теоретическая линия изогнулась бы еще раз и в нужную сторону. Речь о другом.

Известное обращение Солженицына к советским вождям с призывом отказаться от марксистской идеологии вызвало много возражений. В частности, верно указывали, что идеологически советские вожди отнюдь не фанатики, что они много раз и по разным поводам демонстрировали идеологическую гибкость. Все же в чем-то основном Солженицын прав — есть какие-то вещи, через которые даже весьма гибкие советские начальствующие и еще более гибкие прислуживающие идеологи не могут преступить, это такие фундаментальные вещи, от которых им трудно, если вообще возможно отказаться без открытого разрыва с марксизмом, к которому и призывает Солженицын. Применительно к нашей теме, это, прежде всего, вопрос о собственности. Именно вопрос о собственности — общественной (в советских условиях — государственной) или же частной — и составляет центральный пункт, который заслуживает подробного обсуждения, настолько под-

робного, что я обращаюсь к нему в будущем специально. Пока же лишь скажу, что именно социалистическая собственность на орудия и средства производства является наиболее важной причиной глубокой неэффективности советской экономики вообще и рассматриваемого нами здесь феномена — преимущественной работы производства "на себя" — в частности.

И, кстати, еще одно замечание — советская экономическая практика значительно больше идеологизирована, значительно больше зависит от теории, чем западные экономики. Западные экономические теории в основном объясняют (не всегда удовлетворительно и редко понятно) что на самом деле происходит, они отнюдь не часто служат как основополагающее руководство для институционных изменений. Даже самый значительный в этом отношении случай — использование кейнсианских идей о дефицитном государственном бюджете и государственных крупномасштабных тратах для стимулирования развития экономики Рузвельтом и Гитлером — не противоречит моему заявлению. Капитализм от этого видоизменился, резко возросла роль государственных действий в экономике, но, во-первых, капитализм остался все же капитализмом, а, во-вторых, трудно указать другой случай такого же масштаба. Имея в виду даже послевоенные изменения в экономиках многих западных стран, в частности, резкий скачок английской экономики к социализму и теперешний возврат ее к "более чистому капитализму" под влиянием идей Милтона

Фридмэна, все же, как мне кажется, нельзя сказать, что западные экономики в целом следуют теориям. Здесь происходит одновременный процесс как развития теории, так и весьма существенного развития экономических структур и часто эти структуры изменяются сначала, а *затем* теория пытается их объяснить.

В СССР же экономическая теория едва движется вперед, а экономические структуры вот уже 50 лет неподвижны (об этом много подробнее ниже). Но все же здесь есть довольно хорошее соответствие теории и практики, причем практика не изменяется главным образом потому, что направление таких изменений противоречило бы теории. Именно в этом, крайне важном моменте советская экономическая практика очень серьезно зависит от теории.

Заканчивая эту часть статьи, должен сказать, что сама по себе концепция более быстрого развития 1-го подразделения заслуживает серьезного внимания. Очень может быть, что в целом, в тенденции, по мере механизации и автоматизации труда, производство "средств производства" и на самом деле должно развиваться несколько быстрее. Во всяком случае, весьма любопытны были бы соответствующие подсчеты за длительное время по разным странам, хотя их крайне трудно сделать из-за отсутствия соответствующей статистики.

Однако, не вызывает сомнений, что фактически произведенная коренная перестройка всего советского народного хозяйства, в результате которой лишь одна четверть всей промыш-

ленной продукции идет для потребления людей не вызывалась реальной экономической необходимостью. Сложившиеся пропорции являются следствием пренебрежения советских правителей к нуждам собственного народа и, что отнюдь не менее важно, следствием глубокой неэффективности производства.

Осознается ли все это властями? В только что опубликованных директивах к составлению очередного пятилетнего плана ("Известия" от 2 декабря 1980 г.) предусматривается несколько более быстрый рост группы Б, но, во-первых, разница в темпах с группой А очень невелика, и, во-вторых, это только план, что произойдет в действительности, как говорится, надо будет посмотреть.

Скажу также, что у рассматриваемой проблемы (противоречия) есть множество разных аспектов, каждый из которых вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Тут и сложившееся отношение к группе А (вообще к первому подразделению) как к неизмеримо более важному, чем к группе Б (вообще, ко второму подразделению), что сказывается даже и на выборе профессии молодежью: в Бауманский институт идут лучшие, в пищевой и текстильный — худшие.

Тут также и тот поразительный факт, что в СССР создано довольно много важного и нужного в науке и технике относительно военной сферы и тяжелой промышленности и буквально ничего в сфере обеспечения повседневных потребностей людей. Действительно, как верно

заметил мне В. Шляпентох, невозможно указать за все годы советской власти ни одного более или менее крупного научно-технического достижения именно в этой последней сфере. Вся бытовая техника, все создающие удобства людей вещи были изобретены и впервые применены за границей.

Две пары ножниц

Подробнее теперь о том, что уже упоминалось выше, но заслуживает подробного разбора — о жизненном уровне населения, о том, как именно советская экономика этот уровень обеспечивает.

Фундаментальное положение всей теории марксизма таково: в ходе исторического развития человеческое общество неуклонно движется к коммунизму, который, надо ли напоминать это читателю, представляет собой общество, где каждый потребляет по потребности. Ни больше ни меньше. Ни больше потому, что это очевидно неразумно, ни меньше, так как это противоречит определению.

Вряд ли стоит подробно говорить о нелепости самой концепции. Нелепой по той простой причине, что потребности человека безграничны, а ресурсы, возможности всегда ограничены. Уместно заметить, что само понятие "ограниченность ресурсов" как раз и подразумевает их ограниченность по отношению к потребности и что это понятие („scarse productive resources")

является центральным в определении экономики как науки.⁹ Дабы удовлетворить все потребности, надо, чтобы ресурсы стали неограниченными, что представляет собой ненаучную фантастику. Есть тут, правда, всякие ухищрения типа — будущие люди будущего коммунистического общества будут разумны, "сознательны", не будут желать невозможного, но это, разумеется, не более, чем ухищрения. Вся эта концепция имела некоторый смысл более 100 лет назад, когда она и была объявлена; под "потребностями" неявно подразумевались тогда элементарные вещи — пища, жилье, одежда. Эти потребности уже в наше время в нормальных странах более или менее удовлетворяются: скажем, население США, Западной (!) Германии, Швеции питается и одевается практически "по потребностям", имеет достаточно комфортабельные жилища. Но в том-то и дело, что потребности далеко не ограничиваются такими элементарными компонентами; появляются и быстро растут все новые потребности — связь, далекие путешествия, личное приобщение к вершинам искусства, какие-то ранее немыслимые, а теперь все более стандартные удобства. Подчеркну, что *постоянный рост потребностей* является как основным возражением против всего учения о коммунизме, так и основным предметом нашего обсуждения в этом разделе статьи.

Итак, удовлетворение потребностей людей являлось основополагающим и сразу же после Октябрьской контрреволюции многие в стране

воодушевленно верили, что очень скоро, чуть ли не сразу, оно наступит. Не получилось. Жизненный уровень, который во время первой мировой войны существенно не изменился (заметим это, факт сам по себе весьма примечательный¹⁰), во время гражданской войны страшно упал. Стоит заметить, что это произошло не в результате военных действий и прямых разрушений, а из-за практического паралича хозяйственной жизни. Дела были настолько плохи, что пришлось развернуться на 180 градусов — ввести НЭП — и экономика сразу же чудесно возродилась. Жизненный уровень поднялся очень быстро почти к довоенному (напомню, я выше уже отметил, что к 1928 г. соотношения групп А и Б было практически таким же, как и в царской России).

Но вот начинается "великий перелом" в деревне, не менее великим образом переламывается все экономическое устройство. Для нашей темы интересно здесь, во-первых, что все это происходит *за счет* снижения жизненного уровня населения — голод на Украине, карточная система, не говоря о миллионах согнанных с земли и миллионах же сгнивших в лагерях. Во-вторых, интересно, что теория в этот момент забывает об основном положении коммунизма: всячески подчеркивается, что экономику надо развивать, что она должна быть пропорциональной, что ее надо хорошо планировать, много всякого такого говорится, но умалчивается, что экономика нужна не сама для себя и даже не для быстрых темпов ее развития, а прежде всего и

главным образом для обеспечения населения всем необходимым, для удовлетворения его (населения) потребностей.

Много писалось о том, что при всех своих недостатках, при забвении вот этой важнейшей задачи, советская экономика тем не менее выдержала испытания войны 1941-1945 гг., что (я сам это как-то написал) войну выиграла не только советская армия, но и советская экономика. Не то, что это неверно совсем, но это не совсем верно. Простое сопоставление людских потерь показывает, что войну выиграли в большой степени не техникой (которую и производила экономика), а пушечным мясом — людские потери СССР в разы больше потерь всех других стран. Достаточно большую роль сыграли союзнические поставки, я сам работал в 1943-44 гг. на авиамоторном заводе в Москве, который был полностью создан на заграничном оборудовании. Все же главное заключается в том, что советская экономика сумела произвести так много танков, самолетов, орудий и прочего прежде всего за счет чудовищных жертв населения. Как верно говорится в советской литературе, все было поставлено на службу фронту, промышленность почти не производила ничего другого, жизненный уровень упал с низкого довоенного уровня до едва возможного, экономические жертвы советского населения во время войны просто трудно вообразить.

Война кончилась, началось восстановление хозяйства, и, несмотря на подготовку к новой войне, жизненный уровень начал постепенно

расти. Как раз тогда, трудно сказать почему именно, был провозглашен так называемый основной экономический закон социализма. Соответствующую формулировку предложил малоизвестный харьковский экономист А.М.Румянцев. Несколько изменив формулировку, Сталин включил ее, понятно, как свою собственную, в печально-известную работу "Экономические проблемы социализма в СССР" (Румянцев мудро не заметил высочайший плагиат и был назначен заведовать отделом науки ЦК КПСС, а впоследствии стал академиком). В сталинском опусе много написано такого, что советские экономисты не любят вспоминать, но "основной экономический закон социализма" признан и стоит сейчас во всех учебниках. К примеру, в одном из самых распространенных учебников политической экономии ему отведен специальный раздел и дается такая формулировка: "обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества путем непрерывного роста и совершенствования общественного производства".¹¹

У меня нет времени и охоты разбираться во всех тонкостях этой и других формулировок по данному поводу, но несколько вещей придется отметить. И то, что "закон" говорит о, казалось бы, настолько очевидной вещи — экономика должна обеспечивать благосостояние людей — что взрослым людям должно быть неудобно делать вид, будто в этом есть особая премудрость и включать подобное в учебники. И что здесь приведены по сути дела бессмысленные сло-

ва о полном (!) благосостоянии, которое в принципе нереализуемо. И что даже здесь, при разговоре об удовлетворении потребностей, не обошлось без упоминания непрерывного роста и не менее непрерывного совершенствования производства, что весьма знаменательно. Все же обеспечение благосостояния объявлено Законом, да еще основным и потому, представляется, благосостояние должно обеспечиваться — законы полагается соблюдать, руководствоваться ими.¹²

Но оставим теорию на время в стороне. Я не разделяю довольно распространенное мнение, что советские правители вообще не озабочены жизненным уровнем населения, что они помышляют лишь о своей державной власти, да о завоевании мира. Не знаю, просто не знаю относительно Сталина, но его последователи уж как минимум ничего не имели против того, чтобы люди жили лучше. Хрущев, так тот просто старался, Брежнев уж во всяком случае не проводит бессонные ночи, размышляя, как бы сделать людям похуже. При всем том есть вполне объективные вещи, которые сильнее их собственных предпочтений и желаний. Одна — людей трудно *заставить* хорошо работать, их надо на это стимулировать; даже в лагерях давали и дают дополнительную пайку за более производительный труд. Вторая, это стало особенно верно после Сталина — повышение жизненного уровня населения составляет основу политической базы режима. Совсем не случайно в знакомых многим читателям раз-

говорах о Сталине часто звучит: "А он цены снижал". Я не хочу здесь на это отвлекаться и поэтому не буду приводить подробных аргументов, но просто скажу — большинство советского населения или же индифферентно или же поддерживает режим. И едва ли не решающую роль в этом сыграло элементарное обстоятельство — хоть и медленно, хоть и с очень низкого уровня, но жизненный стандарт рос в течение всего послевоенного времени. При всем недовольстве текущим положением люди замечали, что сегодня они живут лучше, чем вчера; они рассчитывали, что завтра будут жить еще немного лучше, а послезавтра еще лучше.¹³

В этом месте я склонен согласиться с известным положением марксизма, что общественное бытие определяет общественное сознание. Действительно, отношение людей к различным политическим, моральным и другим подобным альтернативам во многом, а иногда и в решающей степени определяется их материальным бытием, их материальным статусом. Существенное дополнение к этому заключается в том, что важны здесь даже не столько абсолютные уровни, сколько всякого рода сравнения и динамика.

Абсолютное измерение уровня жизни вообще невозможно, да и бессмысленно буде даже было бы возможно. Жизненный стандарт должен сравниваться с другими группами населения, с соседями и знакомыми, с другими странами, с другими временами. Экономисты давно и вполне безуспешно бьются над пробле-

мой международных и динамических сравнений жизненного стандарта, но обыкновенный человек все же более или менее ощущает (хотя и не может точно измерить) живет ли он лучше (хуже), чем его сосед, или же чем он сам жил какое-то время назад.

И, как тоже должно быть понятно, крайне важны сопоставления действительного уровня с желаниями, с потребностями, просто говоря, с тем, что хочется. Где-то в самом начале статьи я сказал, что трудно определить, развивается ли экономика, так как не определены цели развития. Допустим, что целью развития человеческого общества, а, значит, и экономики, является, как бы это вымолвить, максимизация человеческого счастья, довольство жизнью, и если бы цель устанавливалась голосованием, такая набрала бы очень много голосов. Допустим также, что счастливым человека делают исключительно или же главным образом материальные блага — это тоже совсем не невозможное допущение. Теперь зададим вопрос — счастливее ли люди, средние люди, коих подавляющее большинство, чем, скажем, 1000 или 500 или 100 лет назад? Стандарт жизни изменился чрезвычайно, но, и к этому я веду, изменились и желания людей, их потребности.

Мне представляется удобным уподобить желания людей, их материальные потребности лезвию ножниц, а их удовлетворение — другому лезвию той же пары ножниц. Ножницы закрыты, когда все потребности удовлетворены, но так не бывает. А *раздвиг* ножниц, степень того на-

сколько одно лезвие отстоит от другого, показывает различие для каждого отдельно взятого момента между желаниями и их исполнением или, если сказать то же самое другими словами, степень неудовлетворенности людей их материальным положением.

Провести здесь точные измерения, конечно, в принципе невозможно, в особенности измерение потребностей, и мои суждения основываются на впечатлениях, общих оценках, интуиции, косвенных свидетельствах, многократных обсуждениях. Я сделал также некоторые, versteht sich, весьма грубые прикидки, но их трудно здесь обсуждать. Поэтому я не могу претендовать и не претендую на, так сказать, научный анализ, но все же надеюсь, что читатель согласится с моим общим выводом. Тем более надеюсь, что читатели все это и сами в той или иной степени знают, они могут сопоставить мои рассуждения со своими собственными наблюдениями и размышлениями.

Итак, прежде всего повторю, что реальный жизненный уровень за послевоенное время довольно постоянно рос и, дойдя где-то в начале 50-х годов до довоенного, продолжал подниматься. Явно улучшилось качество питания, потребляется больше мяса, овощей и фруктов, люди несравненно лучше одеваются, намного лучше стало с жилищами, в быт вошла многообразная техника, больше людей проводят отпуска на курортах, намного больше смотрят кино, намного больше книг в личных библиотеках и т.д. и т.п. Еще более заметно поднялся уро-

вень жизни сельского населения.

С другой стороны, также безусловно росли и потребности. При том, что, повторяю, мяса потребляется существенно больше, спрос на него не удовлетворен. Люди хотят намного больше овощей и фруктов, в том числе заморских. Люди намного более разборчиво относятся к одежде и мебели. Раньше отдельная квартира была несбыточной мечтой, теперь же хотят не просто отдельную квартиру, но и более просторную, удобную, расположенную в хорошем районе.

Очень существенно, что потребности возросли одновременно с появлением хотя бы потенциальных возможностей эти потребности удовлетворить. Я хорошо помню, что в 50-х годах почти никто всерьез не задумывался о личной автомашине, а в 60-х поездка на курорт в Болгарию не приходила в голову. Развивается также и, так сказать, качество потребностей, люди начинают ценить более утонченные вещи. Вспомните, что когда водка и коньяк стоили практически почти одинаково, покупали все же водку, сейчас при большой разнице в цене, коньяк часто приходится "доставать".

Громадное значение для роста потребностей имеет все более широко проникающая в СССР информация об уровне жизни в западных странах. При всех цензурных запретах, при не слишком хорошо продуманной в этом отношении работе "вражеских радиоголосов", при весьма ограниченных контактах с иностранцами, все больше людей начинают сознавать, что

на Западе в массе живут много лучше, достаточно быстро узнают о многочисленных и многообразных потребительских новинках и это весьма сильно влияет на рост потребностей.

С другой стороны, как мы знаем, процесс усложнения и количественного роста потребностей происходит весьма неравномерно; в деревне явно заметна, так сказать, недостаточная культура потребления, ограниченная мобильность населения также несколько сдерживает этот процесс.

Очень немаловажен также и следующий факт. Великолепная советская пропагандистская машина, наверняка наиболее эффективное создание режима, долгое время довольно успешно сдерживала рост потребностей населения. В ходу была такая четырехзвенная формула: всячески подчеркивались тяжелые экономические последствия войны и необходимость преодолеть эти последствия,¹⁴ говорилось о необходимости нести громадные военные расходы, чтобы противостоять империалистам, сионистам и китайским ревизионистам; преувеличивались масштабы реального подъема жизненного уровня; выдавались широкие обещания.¹⁵ До поры до времени это довольно хорошо действовало, люди смирялись с "объективными" причинами, мечтая о лучшей доле, они в то же время умеряли свои потребности, ножницы, о которых я говорил выше, не были сильно раздвинуты. Оговорюсь, что все это не было так элементарно просто. Мы знаем о взрыве массового недовольства в Новочеркасске в 60-х годах, не случайна

в тех же 60-х годах была сакраментальная фраза, проскочившая в одной экономической книжке "пора платить по векселям",¹⁶ да и вообще никак не скажешь, что население в целом было вполне довольно.

Но недовольство, часто раздражение, было направлено на отдельные вещи, на какие-то отдельные события, на местных боссов. И даже когда такое недовольство направлялось против самых высших кремлевских сидельцев, включая, например, Хрущева, это в общем не было недовольством системой, режимом в целом. Как пишет Солженицын в "Теленке", Твардовский постоянно повторял, что они в "Новом мире" не против советской власти. Это было верно по отношению ко многим довольно громким критикам, это было верно и по отношению к массам населения.

Отнюдь не единственное, но может быть самое важное значение для именно такого отношения к режиму имело то, что мы сейчас обсуждаем — лезвия наших ножниц разошлись за это время на относительно терпимую величину. Положение начало резко меняться в самые последние годы. Я, сколько могу, слежу за официальной советской статистикой, пытаюсь разобраться, что в ней верно, что не совсем верно, а что совсем неверно. И в целом статистика говорит — рост уровня жизни за последние годы практически остановился.¹⁷ А другое лезвие ножниц — желания населения, его потребности — продолжают двигаться, просвет между лезвиями начал приближаться к критической

точке. Критической для отношения населения к режиму.

Положение резко усугубляется тем, что в старании создать видимость роста жизненного уровня и по другим причинам (среди которых элементарная экономическая неграмотность высшего начальства занимает не последнее место) государство уже давно систематически выплачивает населению в виде заработной платы, пенсий, стипендий и т.п. куда больше денег, чем оно реально может истратить, чем фактически производится товаров. В результате образовались другие ножницы между деньгами в распоряжении населения и их фактическими тратами. Не имея возможности истратить деньги, население накопило громадные суммы; по моим оценкам во всех формах сбережений (в сберкассах, в облигациях, в "кубышках") население имеет сейчас много больше 200 млрд. р. Эти деньги дают на рынок, резко усиливают товарный голод в стране, из-за их наличия у населения государство не может решить многие проблемы. Для нас здесь, в связи с рассматриваемым вопросом важно, что наличие этих колоссальных сумм по сути дела еще более усиливает желание людей купить различные товары, во вполне определенном смысле еще более увеличивает их потребности, еще более сильно раздвигает наши первые ножницы. К тому же государство не имеет другого выхода как забрать тем или иным способом эти деньги у населения, что неизбежно приведет к взрыву всеобщего недовольства.¹⁸

Как мне кажется, многие наблюдатели проходят мимо очень важных заключений, необходимо следующих из более или менее внимательного анализа экономической ситуации в стране, и, не боясь некоторых повторений, я попробую сейчас сформулировать мое понимание этой ситуации:

а) основа устойчивости, стабильности, прочности режима — поддержка его массой населения. До недавнего времени режим поддерживался населением, поскольку происходил известный рост жизненного уровня, поскольку население рассчитывало на дальнейшее улучшение жизни;

б) вместе с тем накапливалось недовольство, раздражение многочисленными экономическими неурядицами и очень постепенно среди масс растет понимание того, что в этих неурядицах виноваты не какие-то частные упущения, не неправильные действия каких-то мелких или даже крупных начальников, а сама система;

в) темпы роста жизненного уровня были вообще медленнее в 70-е годы, чем в 60-е, к концу же 70-х годов этот рост остановился, если не начал уже снижаться. Я говорю о средних показателях, несомненно, что имеются большие группы населения, для которых снижение их жизненного уровня уже стало фактом;

г) такая ситуация является прямым следствием все более резко проявляющихся недостатков самой экономической системы, которые привели к фактическому прекращению роста экономики.¹⁹ Я не вижу возможностей для но-

вого увеличения темпов роста, в лучшем случае экономика будет "стоять на месте", более вероятно -- абсолютные объемы производства начнут снижаться;

д) при такой общей экономической ситуации совершенно неизбежно снижение жизненного уровня основной части населения. Некоторое облегчение могло бы дать резкое уменьшение военных расходов и переключение средств на производство товаров для населения, но, во-первых, это не очень вероятно, во-вторых, такое облегчение может быть только временным;

е) резко ухудшает всю ситуацию необходимость для властей ликвидировать громадные денежные накопления населения.

Иначе говоря, положение является, если не бояться точных определений, катастрофическим; необходимы немедленные и очень радикальные реформы всей экономической системы. К этому вопросу мы и переходим.

Производительные силы и производственные отношения

Мудреное название этого раздела статьи не должно смутить читателя просвещенного сетью политического образования. Столько раз все мы произносили эти не слишком легко выговариваемые слова, что и при нежелании их запомнили. Вот что говорит об этом бессмертная 4-я глава:

''Орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду, — все эти элементы вместе составляют производительные силы общества.

... Другую сторону производства... составляют отношения людей друг к другу в процессе производства, *производственные отношения* людей... Осуществляя производство материальных благ, люди устанавливают между собой те или иные взаимные отношения внутри производства, те или иные производственные отношения.

... Производительные силы являются... наиболее подвижным и революционным элементом производства. Сначала изменяются и развиваются производительные силы общества, а потом *в зависимости* от этих изменений и *соответственно с ними* — изменяются производственные отношения людей, экономические отношения людей... производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находятся с ними в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил''.²⁰
Уф!

Может быть даже есть свой смысл в том, что последняя фраза цитаты повторяет словосочетание "производительные силы" 4 раза (а следующая за ней — еще 3 раза), как говорится, повторение — мать учения. Но не будем придираться, в принципе этот текст довольно близко к первоисточнику излагает суть дела, то есть суть едва ли не всего марксизма, основополагающей концепции Маркса об исторических закономерностях и неизбежности замены капитализма коммунизмом. Это стоит повторить: выше я говорил о весьма важных теоретически и практически вещах, но момент, который мы начинаем обсуждать, является не просто "важным", он — центральный, фундаментальный для всего марксизма, отказ от него означает полный и безусловный отказ от марксизма. Заметим в этой связи, что по словам самого Маркса "Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще".²¹ Всего только.

Теория указывает, что новые производственные силы развиваются в "лоне старого общества" и за этим следует, по словам Маркса — революционное, изменение производственных отношений и, соответственно, всех "надстроек". Именно так теория объясняет разрушение

старого общества, следовавшее за октябрьскими событиями 1917 г., создание новых производственных отношений. Впрочем, они были созданы не сразу. После ультрареволюционных загибов вроде коммун, после военного коммунизма и после отступления к НЭПу, лишь к самому началу 30-х годов состоялась перестройка производственных отношений в СССР. Именно тогда была создана система управления и планирования, то есть советская экономическая система, которая, прошу обратить на это сугубое внимание, осталась практически неизменной по сегодня. Некоторые весьма частные изменения с тех пор произошли, включая и так называемую реформу 1965 г. (о ней несколько позже), но их реальное значение было и есть пренебрежимо. Сама система как таковая сегодня почти полностью идентична тому, что было создано 50 лет назад.

Между тем, как мы все хорошо знаем, сама экономика в смысле ее технического уровня и масштабов, в смысле квалификации и различных производственных навыков всей рабочей силы стала совершенно иной: в голову не придет уподоблять "производительные силы", существовавшие в стране к 1930 году, с тем, что существует сегодня. Значит, производительные силы радикально изменились, а производственные отношения не последовали за ними.

Я уже дважды сказал выше, что рассматриваемое теоретическое положение является фундаментальным. Верно ли оно? Честно говоря, затрудняюсь сказать. Против него говорит

хорошо известный аргумент, что новые производственные отношения были созданы в экономически отсталой стране, но аргумент кое-как отбивается известной ленинской концепцией о прорыве общего фронта империализма в его "слабом звене". Другое, никак не менее серьезное, возражение заключается в простом факте, что производительные силы всех западных стран развились чрезвычайно за, например, послевоенный период без существенного потрясения общественных основ этих стран. Но и на это возражение можно найти некоторый ответ: хотя основы западных обществ остались теми же, многое в этих странах изменилось -- резко возросла экономическая роль государства, необычайно развилась корпоративная собственность (в США 30 млн. индивидуальных держателей акций).

Мне в общем кажется, что эту формулировку не надо понимать ни слишком категорически, ни слишком универсально. Иначе говоря, даже без особых спекулятивных ухищрений представляется довольно очевидным, что с прогрессом техники и увеличением масштабов общественного производства должны происходить изменения как в отношениях собственности, так и в других социально-экономических структурах. И мы собственно наблюдаем это в истории (хотя и далеко не той весьма упрощенной и механистической схеме, как это представлял Маркс, а в особенности его адепты); в целом отношения людей в процессе производства меняются, так же как меняются различные

социальные и иные "надстройки". Мне также кажется верным утверждение, что при громадных масштабах производства, колоссальной сложности различных связей внутри его, совершенно "свободный" рынок, полное отсутствие вмешательства общества (в лице государства) в экономику неразумно, если даже в принципе возможно.

Вместе с тем было бы еще большей ошибкой полностью принимать эту формулировку и основанные на ней выводы. В частности, весь советский опыт, начиная с 1917 г., достаточно красноречиво говорит: несмотря на все "слабые звенья" и прочие штучки, в этой теории концы явно не увязаны с концами.

Самое пикантное заключается в рассматриваемом нами положении: за последние 50 лет производственные отношения не последовали за производительными силами, причем в государстве, которое было создано и функционирует под знаменем марксизма. Масштабы производства увеличились в десятки раз,²² появились десятки новых отраслей промышленности, промышленность и транспорт радикально технически перевооружены, даже несчастное советское сельское хозяйство несравнимо по своей технической вооруженности с прошлым, а вся экономическая система — отношения собственности, система ее управления (включая планирование), стимулы и т.д. — осталась ровно такой же как и 50 лет назад. Изменялась, правда, причем многократно, рассадка чиновников, но это в принципе мало что меняет. И без марксист-

ской теории ясно, что тут "явное не то", что нельзя руководить разными экономиками одинаковыми средствами и методами, а перемены не происходят.

Что перемены нужны, стало ясно еще 25 лет назад. До этого упивались быстрыми темпами роста, победой в войне. Но когда новые властители вознамерились быстро сделать что-то существенное для подъема жизненного уровня, немедленно оказалось, что это не получается, что экономика не производит достаточно. Именно тогда к середине 50-х годов начальство осознало, что экономика плохо работает. Реорганизационные метания Хрущева многие воспринимают как его попытку борьбы с аппаратом. В этом есть, конечно, свой резон, но все же, думаю, главной причиной была его искренняя надежда, что пересадкой чиновников, созданием совнархозов вместо министерств, другими оргмерами, он сможет радикально поправить дело, сможет добиться эффективной работы экономики.

К концу правления он начал понимать, что нужно нечто более существенное и в августе 1964 г. повелел назначить несколько комиссий в разных ведомствах для разработки предложений о необходимых экономических реформах. Так получилось, что я оказался членом одной из таких комиссий (при Госкомитете по науке и технике). Мы собрались на первое заседание 17 октября и не знали, что сказать, не ведали, нужна ли будет наша работа. Один из членов комиссии, известный академик, лич-

но знал Косыгина. Через пару дней он добился персонального приема, получил милостивое одобрение и мы начали работать. Где-то в марте 1965 г. проект реформы был составлен и председатель Госкомитета лично вручил наши предложения всем членам Политбюро.²³ И... ничего не произошло. Почему?

Как уже потом стало ясно, "новую команду" меньше всего интересовали какие-либо изменения, тем более такие масштабные, как мы предложили. А мы предложили весьма радикальные меры: резкую децентрализацию управления, отмену большинства плановых показателей, установление подобия рыночных отношений между предприятиями, оставление основной массы прибыли предприятиям и использование ее по усмотрению коллективов, предоставление предприятиям права устанавливать самим цены (с некоторыми ограничениями) и т.д. Для нового начальства важнее всего тогда было усидеть, укрепиться, поддержать стабильность. И, очень существенно, не ссориться с аппаратом. Именно поэтому, проводя к концу 1965 г. реформу, они были прежде всего озабочены ликвидацией деления обкомов и восстановлением министерств. В то же время, испытывая давление со стороны общественности, понимая, что дела в экономике были из рук вон плохи, они пошли через неохоту на некоторые экономические изменения. Эти изменения в общем шли в верном направлении, но они были проведены в такой минимальной степени, так непоследовательно, что их результат оказался скорее даже отрицательным.

Объявляя реформу, власти заявили, что это лишь "первый шаг", что реформа будет "развиваться дальше", но следующие шаги не последовали. Лишь почти через 15 лет, летом 1979 г. была объявлена новая реформа,²⁴ но анализ ее показывает, что это плохо увязанный набор общих пожеланий, деклараций, организационных перестроек и некоторых весьма противоречивых экономических мер, которые в целом не уменьшают централизацию управления экономикой, не затрагивают основные причины недоброкачества существующей системы.

Теперь, когда пора уже подводить предварительные итоги Брежневского периода советской истории, можно сказать, что за это время режим сумел обеспечить политическую стабильность в стране без массовых репрессий. Режим также, с помощью весьма непоследовательной политики Запада, сумел значительно укрепить международные свои позиции (во всяком случае до вторжения в Афганистан). Однако преступным образом режим ничего не сделал с экономикой и довел страну до грани экономической катастрофы. Не сделал вопреки очевидной необходимости, вопреки интересам страны, вопреки собственной руководящей теории.

И если немедленно самые серьезные, самые радикальные меры не будут предприняты, в стране наступит экономический хаос, за которым грядут трагические политические последствия. Трагические не только и не столько для режима, нам о нем нечего беспокоиться, сколько для страны, для людей.

Что дальше

Моя статья отнюдь не претендует охватить все теоретико-практические проблемы экономической теории марксизма и применения ее в СССР. Для этого понадобилось бы несколько книг. Я ни слова не сказал о марксовой теории стоимости и соответственном построении системы ценообразования, о делении производства на "материальное" и "нематериальное", о знаменитом ленинском лозунге, что производительность труда определяет в конечном счете победу одного общественного строя над другим и о многом другом. Специального внимания заслуживает народнохозяйственное планирование как особый феномен и, в частности, его техника.²⁵ Оставляя все это для других статей других авторов в других книгах, я закончу некоторыми соображениями о будущем советской экономики и, следовательно, будущем страны.

Разумеется, всякие прогнозы рискованны, тем более по проблемам такой колоссальной сложности. Все же сказать кое-что можно, да и нужно.

Если придерживаться диалектического материализма и его учения о противоречиях как источнике развития, советской экономике предстоит очень бурное развитие, в ней исключительно много исключительно острых противоречий, таким "источником" она обеспечена с лихвой. Но и не придерживаясь марксистского учения, которое по восхитительному определению Ле-

нина "всесильно, потому что оно верно", нельзя не видеть, что советской экономике надо немедленно "развиться". Есть, по-моему, три, так сказать, генеральных направления и их надо хотя бы кратко рассмотреть.

О *первом* "направлении" — стояние на месте — вряд ли стоит много говорить. Очевидно, что пока Брежнев находится у власти, ничего существенного не произойдет. Поэтому чем дольше он жив, тем в общем хуже для страны, я уже достаточно много сказал выше об этом.

Есть некоторая вероятность, что и "наследники" Брежнева хотя бы некоторое время после прихода к власти тоже будут, как все чаще говорим мы в Америке, "делать ничего", вернее даже, они ни в коем случае не сделают очень резких движений мгновенно. Это тем более так, что, с одной стороны, нет сейчас в стране четкой программы необходимых действий, а с другой — такие действия несут в себе определенный риск. Этот момент, кстати сказать, весьма важен и мы об этом немного ниже поговорим подробнее. Все же, практически наверняка, более или менее укрепившись, новые хозяева Кремля начнут движение.

Довольно многие полагают, что высока вероятность движения во *втором* из рассматриваемых нами трех направлений — ужесточение режима, "всеобщий зажим". Дескать, так зажмут, что никто и не подумает быть недовольным. А при этом можно будет не очень обращать внимание на подъем жизненного уровня, можно будет продолжать милитаризацию страны. В общем, возврат к "сталинской модели".

Хотя это и кажется логичным, думаю, что вероятность таких событий не слишком велика. При всех прежних переменах власти новые правители не начинали с "зажима", это можно сделать, когда власть достаточно укреплена. "Достаточно" означает, что власть единолична, что властитель обезопасил себя от потенциальной оппозиции. На это нужно время, а его нет, слишком трудно экономическое положение. А без "зажима", без очень сильного давления из центра, будет трудно провести дальнейшую централизацию.

Уместно в этой связи сказать о роли так называемого экономико-математического направления в советской экономической науке. Я принадлежал к нему с самого его возникновения в конце 50-х годов. Мы стремились к созданию новой экономической теории, мы искренне верили, что превращение экономической науки в количественную, широкое использование математики и электронных машин приведет к мощному подъему. Мы "сражались" с экономистами старой школы, многие наши высказывания казались нам самим и многим нашим слушателям (читателям) весьма радикальными, а начальство нас поддерживало. Почему? Действительно, почему, несмотря на весь наш радикализм, несмотря на острые споры с политэкономами, которые обвиняли нас среди прочего в отступлении от марксизма, несмотря на очень многое, начальство нас не давало в обиду? Я это понял сравнительно поздно. Дело в том, что по сути дела, в своем существе наше

направление в целом давало надежду на дальнейшую централизацию экономики и на успешность этой централизации.

То, что я написал выше об изменении экономики за 50 последних лет и, в частности, о громадном росте ее масштабов, ясно не только мне, все это понимают. Но выводы из этого делаются разные. Мой вывод заключается в том, что рост экономики и усложнение ее связей фактически исключает возможность рационального управления из единого центра; вывод советских чиновников заключается в том, что рост экономики приводит к росту потоков информации и, значит, ее (информацию) надо обрабатывать на электронных машинах (компьютерах).

Лет 20 назад теперешний академик В.М. Глушков прокламировал как закон, что информация о производстве растет пропорционально квадрату роста самого производства. "Закон" этот стал весьма популярным, особенно среди журналистов и бюрократов, и сильно помог существовавшему уже до этого такому взгляду. Основные причины многих неудач советской экономики заключаются в том, что руководители на различных уровнях хозяйственной (и партийной!) иерархии захлебываются в различной информации, не успевают ее осмыслить, физически не в состоянии всю ее осознать и выработать на ее основе правильные решения. Значит надо, с одной стороны, провести очередные реорганизации,²⁶ а с другой — подвести под существующую систему современную техническую базу. В частности, надо создать широкую сеть

так называемых автоматизированных систем управления — АСУ — которые и разрешат все трудности. По каналам электронной связи побегут потоки информации и... впрочем, я лучше процитирую статью, написанную почти 15 лет назад вместе с покойным теперь академиком А.И. Бергом, который был председателем Научного совета по кибернетике АН СССР, и известным советским экономистом В.Д. Белкиным. В статье мы говорили об этих представлениях так: ²⁷

”Будет, дескать, в каждом министерстве своя собственная электронная машина, связанная со всеми предприятиями. По особым каналам связи в эту машину непрерывным потоком потечет разнообразная и всеобъемлющая информация об их работе. Соберет машина все сведения, подсчитает чего нужно и — на стол к ”начальству”. А на столе этакая большая красная кнопка. Получило руководство от машины все сведения, продумало, заложило в самое главное отделение машины свои раздумья и нажало кнопку. Тотчас же по каналам связи на предприятия пошли указания — что, как и когда делать. Есть и варианты. Одни считают, что кнопка должна быть не одна, а несколько. Другие полагают, что и решение будет принимать сама машина, что именно в этом назначение автоматизированных систем управления”.

Глушков никогда не объяснил, почему объем информации растет пропорционально именно

квадрату роста объема производства, а не, скажем, кубу. Он просто объявил в начале 60-х годов, что если немедленно не создать всеобъемлющую сеть АСУ, не, так сказать, "асунизировать" всю страну, то к 1980 г. все взрослое население страны будет занято обработкой информации. Как видим, этот прогноз не оправдался, хотя асунизация происходит очень медленными темпами и в подавляющем большинстве случаев не дает какого-либо ощутимого эффекта. Все же надежда на всемогущество компьютеров не оставляет "централизаторов".

Еще 15 лет назад мы пытались доказать, что при всей полезности электроники она является лишь вспомогательным техническим средством, не более того. Советской экономической системе нужны кардинальные институционные изменения, сама система должна быть решительно изменена, а не увековечена с помощью компьютеров.

Оговорюсь. Я отнюдь не против развития экономико-математического направления и совсем не против компьютеров. Я даже думаю, что "большая красная кнопка" иногда может быть вполне полезна, не говоря уже о современной организации потоков информации. Все же нельзя не видеть, что подобная "глушковщина" (это не мой термин), порождая напрасные надежды (именно из-за этих надежд начальство и поддерживало наше направление), по сути дела мешает проведению так настоятельно необходимых преобразований.

В целом скажу, что движение во "втором

направлении” представляется мне мало вероятным. Если все же наследники Брежнева попытаются пойти в этом направлении, то есть ужесточат политический режим и будут укреплять централизацию экономики, их ожидают быстрые разочарования. Жизненный уровень будет быстро снижаться, средств для продолжения гонки вооружений и международных авантур будет все меньше, вряд ли будет возможно поддержать политическую стабильность в стране и ее международные позиции. Поэтому скольконибудь длительное движение в этом направлении практически невозможно.

Итак, остается *третье* направление, то есть ”либерализация” управления экономикой, изменения экономической системы, ведущие к использованию в ней ”капиталистических”, рыночных элементов. Давайте рассмотрим кратко возникающие здесь проблемы.

Прежде всего надо заметить, что движению в этом направлении более всего противится аппарат, что вполне понятно. Вместе с тем, по мере ухудшения экономического положения, даже в аппарате появляется все больше тех, кто понимает — другого пути нет. Замечу также в этой связи, что ”либерализация” управления экономикой отнюдь не обязательно означает либерализацию политического режима. В наших дискуссиях мы часто забываем, что экономики гитлеровской Германии и франкистской Испании были весьма децентрализованы, не говоря уже о том, что в Югославии власть правящей элиты отнюдь не поколеблена.

Я и, надеюсь, все мои читатели надеемся на либерализацию и демократизацию в стране, хотя эти надежды вряд ли скоро осуществляются. Однако независимо от наших чаяний демократизация не является необходимым условием для глубокого изменения советской экономической системы. Конечно, многие чиновники при соответствующих преобразованиях потеряют свою личную власть, свои насиженные теплые местечки. Но для режима как такового, для высшего звена партийного и государственного аппарата, по сути дела, преобразование экономической системы значительно менее опасно, чем сохранение статус кво или даже чем движение во втором направлении.

Не менее серьезным, чем сопротивление аппарата, является то, что при определенной ясности относительно самого направления, не очень ясно, что именно и как можно (нужно!) сделать.

Учреждение в СССР "чисто капиталистической" экономики — явная утопия. И потому, что такая экономика сама далеко не идеальна (хотя и много лучше, чем советская); и потому, что как раз чисто капиталистическая экономика требует изменения политических структур; и потому, что нет реальных путей перехода к ней, создания в стране капиталистов, ибо (это многие часто забывают) капиталистическая экономика без капиталистов представляет собой нонсенс.

Мне вообще кажется, что правы многие, ищущие "средний" путь — сочетание каких-то капи-

талистических элементов с государственной собственностью, с государственным вмешательством в экономику — конвергенция. Однако такие поиски не привели пока к более или менее четкому пониманию — что же все-таки было бы здесь реализуемо и было бы также эффективно. Именно это и составляет крайне серьезную трудность для соответствующих преобразований советской системы. Ясно, что она плоха. Более или менее ясно, куда именно двигаться, в каком направлении. Совсем неясно, как именно это делать. Другими словами, нет более или менее конкретной программы изменений. Более того, такая программа не разрабатывается, не обсуждается. Поэтому когда в Кремле окончательно решатся на реформы, придется наскоро разрабатывать необходимые меры.

Этот момент надо более подробно обсудить. Многие ссылаются на опыт НЭПа, указывают на Югославский опыт. При этом забывают вполне очевидные вещи. При введении НЭПа были еще живы люди, умевшие хозяйствовать по-капиталистически, да у многих из них был и капитал. Сама экономика была много меньше и проще, она не была в такой степени концентрирована в крупных и сверхкрупных предприятиях, связи предприятий друг с другом были неизмеримо проще. Не была до конца разрушена старая банковская система. Не нужны были крупные преобразования в сельском хозяйстве — было достаточно освободить крестьян от продразверстки и других поборов. Что касается Югославии, то многие видимо не зна-

ют, что там дела тоже не блестящи. Примерно треть югославских предприятий работает с убытками и их существование поддерживается за счет успешно работающих предприятий, причем средства перераспределяются по команде партийных инстанций. Жизненный уровень в Югославии существенно выше, чем в СССР, но в большой степени это не результат успешности югославской экономической системы, а того, что миллионы людей отправляются за границу на заработки и процветающего туризма из западных стран. Стоит также заметить, что в Польше нет колхозов, а сельское хозяйство там находится в не намного лучшем, чем в СССР, состоянии.

Мучительной проблемой в СССР является очевидное неравенство районов и республик, вызываемое различиями в климате, наличии полезных ископаемых, традициях и т.д. При децентрализации все эти различия немедленно дадут себя знать, экономическое неравенство усилится и вызовет резкое недовольство.

Неизбежно также, что, как мы говорим в Америке, перед тем как стать лучше вещи станут хуже. Иначе говоря, нет способа сразу же, немедленно улучшить экономическое положение, всякие радикальные преобразования неизбежно приведут *сначала* к ухудшению экономической ситуации и лишь по прошествии некоторого (может быть значительного) времени начнут давать положительный эффект.

Вот самый очевидный пример. Всем уже понятно, что колхозный строй является наиболее глубокой причиной того, что Россия не может

обеспечить себя хлебом, что колхозы надо ликвидировать. Но ликвидация колхозов означает, что на время хлеба станет еще меньше. Должны пройти годы, пока на месте колхозов возникнут крепкие производительные хозяйства, в которых производство организовано рационально. Или, другой пример. Завод ВАЗ в Тольятти связан с многими тысячами поставщиков. Сегодня завод как-то обеспечивается всем необходимым с помощью системы планирования и материально-технического снабжения. Опять-таки всем ясно, что эта система плоха. Но ее невозможно изменить за ночь; пока на ее месте появится нечто другое, завод может просто встать. И еще пример, который при всей его очевидности, совсем не упоминается в различных спорах и рассуждениях. Система цен нелепа,²⁸ ее тоже надо самым радикальным образом изменить. Но тогда очень много предприятий немедленно станут убыточными. Убыточные предприятия никому не нужны, их надо заменить прибыльными. Но ведь мгновенно это не сделаешь. Значит, до момента создания новых предприятий надо как-то покрывать эти убытки, компенсировать вывод убыточных предприятий производством той же продукции на других предприятиях.

Мы обсуждаем сейчас крайне интересную, важную и сложную проблему и очень жаль, что к ней почти не обращаются в литературе, все же здесь я должен ограничиться сказанным. Воздержусь также от более или менее конкретных соображений о том, как именно по моему мне-

нию должна быть реорганизована советская экономика — мне это не очень ясно, хотя в общем понятно, что надо разрешить частное сельское хозяйство и частные мелкие предприятия; если не передать в полную собственность тем, кто на них работает, более крупные предприятия, то сделать их хотя бы "совладельцами"; заменить материально-техническое снабжение рыночными отношениями между предприятиями; сделать так, чтобы цены отражали соотношение спроса и предложения и т.д. и т.п. Скажу лишь, что этот путь очень нелегок, что и здесь успех отнюдь не гарантирован, хотя, повторю в последний раз, движение только по этому пути позволяет надеяться на успех.

В заключение совсем коротко о военных расходах. Они настолько велики, что их резкое снижение было бы до нельзя благотворным. Переориентация лучших мозгов, лучших предприятий и лучших ресурсов на гражданские цели, на подъем жизненного уровня, на техническое перевооружение народного хозяйства могло бы весьма существенно смягчить сегодняшние и завтрашние трудности.²⁹ И речи нет, что такое снижение разрешит основные противоречия советской экономической системы, но это поможет хотя бы на время, отсрочит надвигающуюся катастрофу.

И вот как раз тут находится, как мне представляется, единственный выход. Я только что сказал о препятствиях для "перехода", о неминуемом снижении объемов производства. Почему бы не компенсировать это снижение, смяг-

чить трудности как раз за счет военных расходов, за счет их очень резкого сокращения? Не мне решать, но другого пути я просто не вижу.

* * *

В самом начале я сказал, что сама концепция развития экономики недостаточно определена. Именно отсюда происходят многие наши иллюзии. Одна из них — надежда на безграничное развитие экономики. Но действительно ли производство материальных благ не имеет границ, действительно ли оно и дальше будет безгранично развиваться? Мне представляется очевидным, что советская экономика таких перспектив не имеет, даже при очень радикальных реформах далеко не все трудности будут разрешены, движение вперед может восстановиться, но оно не может быть быстрым и долгим.

Увы, и у западных экономик все больше трудностей, увы, и здесь мы не видим ясных путей их разрешения. Сумеет ли человечество найти путь, сдвинуть общечеловеческие ножницы потребности — удовлетворение, разрешить это свое противоречие? Это увидят наши потомки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, производство сахара для продажи населению относится к "производству предметов потребления", а производство такого же точно сахара для кондитерской промышленности относится к "производству средств производства". Неясно здесь насчет сахара, продаваемого населению и используемого им для производства самогона.

² Народное хозяйство СССР в 1972 году. Статистический сборник. Москва, "Статистика", 1973 г., стр. 162.

³ Народное хозяйство СССР в 1975 г., стр. 192; Народное хозяйство СССР в 1979 г., стр. 136.

⁴ Несколько лет назад я вкратце упомянул о том же самом в эмигрантском журнале, где очень любят редактировать. Меня поправили — написали, что советская экономика работает "сама по себе".

⁵ Еще раз — это данные официальной статистики. Поскольку на Западе все это подразделение не признают, то и статистики по этому поводу нет. Но ясно, что подобные соотношения здесь принципиально иные.

⁶ Я имею в виду, что приведенные выше показатели рассчитаны по так называемой валовой продукции, которая не очищена от повторного счета — это довольно трудно объяснить неспециалистам.

⁷ По советской статистике СССР производит две трети всего объема производства в США, таково же и мнение экономистов ЦРУ. Я считаю, что тут ошибка раза в два — см. мою статью „The Way to Slow the Arms Race”, The Washington Post, p. A-15, 27 октября 1980 г.

8 На всякий случай оговорюсь: в 1979 г. СССР построил 1932 тыс. квартир, а США – 1950 тыс. жилых единиц (Народное хозяйство СССР в 1979 г., стр. 95-96, я перепроверил данные о США по „Statistical Abstract of the United States”, 1979, р.779. Советский источник все называет ”квартирами”, американский говорит о ”жилых единицах”. Но советскую квартиру просто невозможно сравнить с американской ”жилой единицей”: квартиры здесь несравненно больше и удобнее, а основную часть этих самых единиц составляют отдельные дома).

9 См. например, определение в самом известном учебнике, принадлежащем Нобелевскому лауреату П. Самуэлсону – „Economics“, Ninth Edition, 1973, р. 3. Кстати сказать, одно из первых изданий этого учебника было переведено и издано в середине 60-х годов в Москве.

Советские определения экономической науки тезис об ограниченности ресурсов не содержат.

10 Кстати сказать, это одна из причин того, почему советская статистика так любит делать все сравнения с 1913 г., но никак не, скажем, с 1916 г., когда производство многих товаров было больше, чем в 1913 г. Вместе с тем надо решительно подчеркнуть, что в царской России жизненный уровень основной массы населения был весьма низок даже по стандартам того времени и идеализировать этот уровень никак не приходится.

11 Политическая экономия. Учебник. Под ред. А.М. Румянцева и др. (примерно такая же формулировка содержится и в других учебниках, где Румянцев не участвует), Политиздат, М., 1976, стр. 90 (тираж 30 тыс. экз.).

12 Указывая на непрерывное нарушение собственных же законов советскими властями, многие считают советское общество ”беззаконным”, но тут не все так просто. Подчеркну лишь, что объявление данного закона

не стоит объяснять только лишь пропагандистскими причинами.

Замечу также совсем коротко следующий любопытный момент. Теоретики и практики давно уже спорят — что должно быть "исходным пунктом планирования"? Много теоретиков и почти все практики считают, что составление народохозяйственного плана должно начинаться с анализа достигнутого уровня производства и наметок возможного приращения этого уровня в планируемом периоде, они утверждают, что только так план может быть реалистичным, выполнимым. Но все большая группа теоретиков, опираясь на "основной закон", утверждают, что начинать надо с определения потребностей, с выяснения, что именно требуется для их удовлетворения. Только так, утверждают они, можно будет от производства для производства перейти к производству для потребления.

¹³ Мое понимание того, почему именно советское население в целом поддерживает режим, я описал в статье в журнале "Время и мы", 1978, № 29.

¹⁴ Стоит сказать, что вся сумма этих потерь — "ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам (потери от прямого уничтожения и разграбления имущества)" составила (в ценах 1941 г., но в современном масштабе цен) менее 70 млрд. р. ("Вестник статистики", 1980, № 5, стр. 62). К сожалению, я не располагаю соответствующими индексами цен (официальные индексы публикуются лишь по отношению к 1949 г.), но ясно, что реальное влияние потерь во время войны неизмеримо меньше, чем это представляет пропаганда.

¹⁵ Все это я пишу как раз в том 1980 г., когда по все еще действующей программе КПСС должен был начаться переход к коммунизму.

¹⁶ Автор этой фразы занимает достаточно высокий пост и я не хочу ему зла, потому воздержусь назвать фамилию.

17 Вот, например, в уже упоминавшихся справочниках регулярно публикуется таблица "Продажа товаров культурно-бытового назначения через государственную и кооперативную торговлю", здесь указывается 14 типов таких товаров. Согласно последнему справочнику ("Народное хозяйство СССР в 1979 г.", стр. 431) в 1979 г. продажа населению 8 типов — часы всех видов, радиоприемники и радиолы, телевизоры, холодильники, стиральные машины, электропылесосы, легковые автомобили, швейные машины — была меньше (в штуках!), чем в 1978 г., продажа остальных видов — пианино и рояли, фотоаппараты, мотоциклы и мотороллеры, велосипеды и мопеды — увеличилось незначительно. Чуть сильнее увеличилась продажа мебели и посуды, но данные о них даны в рублях и тут должны были сказаться цены.

18 Все это подробно описано в моих статьях в "Новое русское слово" от 6 и 7 декабря 1979 г. и в журнале "Время и мы", 1980, № 53.

19 Западные обозреватели давно уже говорят о снижении темпов развития советской экономики, однако, насколько я знаю, никто еще не говорил о том, что рост по сути дела уже прекращается. Самое элементарное соображение заключается в том, что роста производительности труда практически не происходит, а демографическая ситуация такова, что в следующем десятилетии почти не будет происходить роста рабочей силы — за 1976-1980 гг. прирост населения в трудовом возрасте составил 11,2 млн. чел., 1981-1985 гг. он составит всего 3,3 млн. чел., а в следующей пятилетке будет еще меньше. (При этом большая часть прироста рабочей силы пойдет не в материальное производство (все это описано в статье В. Переведенцева в "Литературной газете" от 26 ноября 1980 г., стр. 11). Между тем, в 1979 г. национальный доход вырос примерно в той же пропорции, как выросла численность рабочих и служащих в народном хозяйстве.

Учетом также, что публикуемые показатели роста национального дохода вообще подозрительны. В частности, национальный доход создается во всех отраслях, в том числе и в строительстве, а по строительству за 1979 г. опубликованы просто нелепые данные – общий объем капиталовложений вырос на 0,9 млрд. р., ввод в действие основных фондов не изменился, а незавершенное строительство возросло на 7 млрд. р. (все данные по сравнению с 1978 г. см. "Народное хозяйство СССР в 1979 г.", стр. 357, 365 и 375).

Заметим также, что на следующую пятилетку намечается рост капиталовложений всего 12%-15% ("Известия" от 2 декабря 1980 г.). Учетом при этом, что план по капиталовложениям никогда не выполняется, что происходит быстрый рост так называемой сметной стоимости строительства.

Не забудем также о колоссальных "трудностях" с транспортом, топливом, сельским хозяйством.

20 История Всесоюзной коммунистической партии большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1945, стр. 114-117.

21 Цитирую этот текст из "К критике политической экономии" по тому же "Краткому курсу", стр. 126.

22 Согласно официальным данным – "Народное хозяйство СССР за 60 лет", стр. 13 и "Народное хозяйство СССР в 1979 г.", стр. 43 – национальный доход увеличился за 1928-1979 гг. в 100 раз. Тут, разумеется, явное "преувеличение" но все же рост был действительно громадным.

23 Забавно сейчас вспомнить: что мы тогда очень хотели, чтобы наши предложения прочитал "сам" Шелепин.

24 Эта реформа довольно подробно описана в литературе, см., например, журнал "Коммунист", 1979, № 12. После этого во всех экономических журналах было опубликовано множество статей, описывающих отдельные элементы реформы, в статьях много противоре-

чивых заявлений и вообще складывается впечатление, что реформа была плохо подготовлена, проведена наспех.

25 Я об этом более или менее подробно писал в статье „From the Achived Level”, Soviet Studies, vol. XXX, no. 2, April 1978.

26 Известный советолог рассказывал мне недавно об откровенной беседе с советским экономистом. Тот подробно сетовал на различные экономические трудности и доверительно сказал, что обсуждается проект создания неких ”супер-министерств”, которые решительным образом улучшат руководство экономикой. Советолог не знал, что идея эта не новая, что вполне простительно. Но непростительно и для него и для его собеседника все еще надеяться на магическое действие очередных реорганизаций, очередной пересадки чиновников.

27 А. Берг, В. Белкин, И. Бирман. ”Электроника без чудес”, ”Известия” от 8 сентября 1966 г. Много подробнее все это описано в моем докладе ”Спорные вопросы отраслевого планирования” на Всесоюзной конференции по применению экономико-математических методов в отраслевом планировании и управлении, Москва, декабрь 1966 г.

28 Я уже, кажется, где-то писал о совершенно замечательном факте, который весьма красноречиво демонстрирует свойства этой системы. Советское население платит за государственные квартиры примерно 1,5 — 2 млрд.р. в год. А за сданную винно-водочную и молочную посуду получает в год 7-8 млрд. р. Когда я рассказываю об этом западным слушателям, они мне просто не верят.

29 Экономисты ЦРУ почему-то считают, что снижение военных расходов не даст СССР существенных экономических выгод. Я критикую эту точку зрения в уже упоминавшейся выше статье в Вашингтон Пост.

НОВАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СССР

В конце пятидесятих годов начали писать в советской этнографической литературе о "внедрении новой безрелигиозной обрядности".¹ Новое состояло в том, что признавали право людей на ритуальную жизнь, на веселые празднества и символические семейные церемонии. Но главное, "новые обряды" казались замечательной находкой в делах антирелигиозной пропаганды.

Упор делался на то, что религия изжила себя в сознании советских людей как вера, как миросозерцание, но сохранилась в виде инерции обрядовых форм и семейных и календарных праздников. Считалось, что именно соблюдение обрядов способствует консервации конфессиональных привязанностей.

Идея "новой обрядности" и связанные с ней теории о внерелигиозном происхождении ритуальных форм народной жизни была не нова. Не останавливаясь сейчас на теоретической стороне этой проблемы, укажу только на то, что первым, кто высказал мысль о практическом конструировании новых социалистических семейных и календарных церемоний — был Лев Троцкий.² Затем писатель Николай Вереса-

ев³ поднял дискуссию по этому вопросу в журнале "Красная новь". В 20-е годы много писали и экспериментировали в связи с "новым бытом", но как и многие революционные начинания того времени идея эта исчезла в тридцатые годы вместе с исчезновением породивших ее мечтателей.

Возродилась она в конце пятидесятих годов уже совсем в новом облике. В виде государственной кампании, протекавшей по заведенному образцу. Сначала статьи в печати, дискуссии, потом постановления и конференции, затем заседания с выработкой конкретных мер и указаний в различных партийных и советских учреждениях. Параллельно со всем этим шла работа в Институтах Этнографии, Философии, Религии и атеизма Академии наук СССР, в институтах Академий наук союзных республик, в Министерстве культуры и т.д.

В научной и пропагандистской литературе появились многочисленные описания новых празднеств: "Проводов зимы"; "Весны"; "Русской березки"; "Ивана Купалы", причудливо слившегося с "Днем советской молодежи"; "Имянаречения"; "Совершеннолетия"; "Комсомольской свадьбы"; "Торжественных похорон" и многих других. Всего, по утверждению М.А. Бельк, представителя Москвы на Всесоюзной конференции по борьбе с пережитками (1966 г.), было изобретено более пятидесяти новых праздников и торжественных церемоний.⁴

Как я уже говорила, этнографическая и пропагандистская литература объясняет необходимость внедрения "новой обрядности" задачами борьбы с пережитками религиозных верований. Конечно, это правда, но не вся.

Стоит обратить внимание на то, что решение было принято через сорок восемь лет после Октябрьской революции, когда, казалось бы, традиции нового общества были обжиты двумя поколениями и выработался ритм жизни, привычный для всех. Случись это сразу же после революции или во время гражданской войны, все было бы понятно. История знает богоборческие революции, когда в порыве отрицающих эмоций люди уничтожали храмы. Во время Французской революции пытались придумать новые культы. Во время гражданской войны в Испании в 1936 году был период антикатолических погромов. В самой России атеистические настроения 20-х годов и попытки организации вне-религиозных обрядов также были вызваны инерцией бунта.

Ныне мы встречаемся с совершенно новым явлением, когда введение новой гражданской обрядности мало объяснимо логикой борьбы со старыми институтами.

Изучение материала показывает, что создатели "новой обрядности" заботятся не только о том, чтобы заменить традиционные обряды безрелигиозными, но и о том, чтобы новая обрядность была, по возможности, унифицирована среди разных народов, населяющих Советский Союз. И, если отрицательный пафос кампании

— атеизм, то положительная ее программа — единство. Единство через отрицание и уничтожение всего отвлекающего от идеи собирательной Родины — религий разного толка, национальных обычаев, создающих угрозу сепаратизма.

На первый взгляд кажется, что создавая новую обрядность, правительство хотело преодолеть противоречие между традицией и идеологией.

Мы увидим, однако, что сама эта кампания на редкость противоречива. Тот, кто хотел бы увидеть в ней русский национализм, поразился бы профанации фольклорных преданий. Тот, кто назвал бы ее интернационалистической, удивился бы насилию над местными традициями нерусских народов. Хуже всего пришлось бы последовательному атеисту — он никак не мог бы понять: почему христианские праздники плохи, а языческие хороши.

В 1971 г., в докладе на XXIV съезде КПСС Л.И. Брежнев⁵ заявил (хотя идея эта уже появлялась в печати) о рождении в Советском Союзе "новой исторической общности людей — советского народа". В советской этнографической литературе всерьез стали обсуждать проблему создания интегрированной культуры, созданной на основе "синтеза прогрессивных элементов старой прогрессивной культуры данного народа и новых интернациональных форм, рожденных социалистической эпохой".⁶

Однако до синтеза еще далеко.

В Латвии и Эстонии сохраняются протестантские традиции, прерванные только в 40-х годах. Еще сильнее католическая традиция в Литве. В России, Молдавии, на Украине, в Грузии существует, а в некоторых случаях — возрождается — православие. В Армении грегорианская армянская церковь все еще остается народной святыней. Мусульманство Средней Азии, разновидности буддизма на юго-востоке страны, охотничьи культы и шаманизм народов Сибири и Дальнего Востока, — всему этому сложному комплексу должна противостоять новая безрелигиозная советская обрядность. Поэтому картина ее успехов и срывов по всему Советскому Союзу достаточно сложна.

* * *

В этой статье я останавлиюсь специально на том, как новая обрядность служит преодолению межнациональных противоречий и, в целом, интеграционной политике государства. Эту политику лучше всего проследить на новых календарных праздниках, которые сейчас объединяют новым названием "Народные празднества".

Празднества эти должны вытеснить старые, традиционные, связанные с религиозным календарем. Новые праздники и раньше вводились советским правительством. Но сейчас, действительно, появилось нечто небывалое. Вытеснять решили *приурочивая новые праздники к датам старых*. В советской литературе открыто обосновывают эту методологию ссылками на прак-

тику первых христианских замещений языческих празднеств. Вспоминают, например, происхождение даты Рождества, приуроченного к празднику бога солнца Митры.⁷

И.С. Ремизов предлагает, например, следующие замены наиболее почитаемых православных праздников в Воронежской области: "К дням, когда празднуется рождество или крещение, приурочить праздник русской зимы; противопоставить благовещению праздник весеннего сева и первой борозды; пасхе — праздник весны; троице — день зеленого друга; вербному воскресенью — день массовой посадки деревьев; трем спасам и покрову — праздник урожая".⁸

Сложности возникают с конструированием элементов нового праздника, которые не должны напоминать о религии и в то же время представляться населению достаточно знакомыми и привлекательными. Эти элементы ищут в жизни природы, в смене времен года, в связанной с ней цикличностью сельскохозяйственных работ. Однако, чтобы стать структурой праздника, эти явления должны быть символизированы на определенном языке культуры. И вот в качестве символов используют обряды, которые "еще древнее, еще более традиционны, чем христианские".

Так возникает парадоксальная ситуация, при которой новые замещающие праздники апеллируют к старой языческой мифологии. В дело идут разнообразные символы "народности", которые со времен романтизма принято

связывать с древними языческими верованиями. Они призваны возбуждать патриотизм через любовь к родной природе, древним сказаниям.

Эта апелляция к национальным чувствам особенно интенсивна на территории России, где делаются попытки возрождения древних народных праздников и гуляний.

”Встречи зимы теперь не увязываются ни с Покровом, ни с Рождеством Христовым, а обычно приурочиваются к приходу зимы, когда земля покрывается снегом и устанавливается зимняя морозная погода”, — пишет В.А. Руднев.⁹ У него же мы находим описание нового ”Праздника зимы” в Ленинграде:

”Тысячи ленинградцев собираются в Центральный парк культуры и отдыха имени С.М. Кирова на традиционное народное гулянье ”Здравствуй, зимушка-зима!”. У входа в парк скоморох сообщает, что, где и когда будет на празднике. Другие скоморохи в это время трубят в трубы, зазывая всех на народное гулянье.

Через тесовые ворота, украшенные старинным орнаментом, гости попадают в заснеженный парк. От ”Ямской слободы” — короткой стоянки у перекрестка дорог — только что отправилась в путь стремительная тройка с бубенцами. Лица пассажиров-ребятишек светятся счастливыми улыбками. А в чудо-лукошке и на поле затейном уже начинается веселье.

Аллея дымковских и вятских игрушек приводит к Масленому лугу, где возвышается ба-

лаган — просторная изба для скоморошной потехи. Такие необычные спектакли устраивались когда-то на Руси в ярмарочные дни и народные гулянья. Горячим чаем, пряниками, сдобой и леденцами торгуют поблизости многие лотшники.

В два часа дня начинается потешное зрелище.

Шумной гурьбой со смехом и шутками прибегают со свитой скоморохи — веселые молодцы. Стреляет пиротехническим зарядом пушка. Старик-годовик начинает вещие сказы о временах года и загадывает окружившим его слушателям интересные загадки.

Непременные участники праздника — Сорока, Лиса и Заяц — торжественно объявляют о приходе долгожданной гостьи — Матушки-зимы. Ее встречают по древней традиции хлебом-солью. У ворот скоморох с трещетками приветствует снежную царевну. Подана запряженная тройка коней с бубенцами, и Зима, сопровождаемая скоморохами, отправляется в саних в путешествие по парковым аллеям — владеньям своим”. И т.д. и т.п.¹⁰

Здесь для создания ощущения древней Руси свалены в кучу и шуты-скоморохи, и тройки с бубенцами, и Лисы и Зайцы из сказок, и пряники и леденцы, и фольклорные обороты речи (зимушка-зима, тесовые ворота, поле затейное и т.д.).

Вместо Троицы в европейской части СССР теперь рекомендуют праздник "Русской березки" в первой половине июня, когда заканчиваются весенние полевые работы.

"Белая береза стала поэтическим олицетворением нашей Родины. Где бы ни был русский человек, как бы далеко от родной земли ни забросила его судьба, он всегда, вспоминая о Родине, воскрешает в своей памяти шумящую на ветру, залитую солнцем или опущенную морозным инеем стройную красавицу — березу.

Березу обычно изображает молодая красивая девушка. Кроме того, в пантомиме участвует Дед-жара и Баба-засуха (прямые параллели к Деду Морозу и Снегурочке). По ходу действия они отступают, побежденные Веснянками и Дождинками, которых тоже играют молодые девушки. К празднику готовятся также костюмированные весенние и летние месяцы — Март, Апрель, Май, Июнь, Июль, Август. Главные персонажи окружены свитой, одетой в нарядные одежды по мотивам сказок и былин.

Праздник начинается в полдень шествием по улицам города или села. Впереди идет оркестр, за оркестром месяцы. На паланкине несут Березку. За паланкином — Веснянки и Дождинки, а за ними разные гимнасты, танцоры, певцы, которые будут принимать участие в празднике.

В конце шествия на скрипучей телеге везут отрицательные персонажи — Засуху, Град, Пе-

рекати-поле, Ленъ, Тунеядца, Пьяницу, Хапугу, Очковтирателя и других".¹¹

Березка сходит с паланкина, поднимается на трибуну и вручает хлеб-соль руководителям местных Советов. Затем она делает небольшой доклад об итогах весенних полевых работ, о достижениях производственных коллективов и о лучших тружениках-победителях социалистического соревнования. Она увенчивает их венками из полевых цветов.

Некоторую дисгармонию, правда, в этот фольклорный ренессанс вносит одна живучая традиция — пьянство.

В то время, как им полагается "встречать весну" или "проводить зиму" в театральных костюмах, люди устраивают выпивки. Об этом рассказывает горькое письмо читателя А. Протасова в редакцию журнала "Культурно-просветительная работа":

"Нынешним летом проходил в селе Нижний Реут Курской области чудесный новый лирический праздник труда и природы "Русская березка". Старые пережитки испортили общую радость, опорочили светлую идею празднества. Сельский магазин вывез к месту праздника и продал там водки на довольно значительную сумму. Я знаю, что кое-кто из культработников, готовясь к народному гулянию по случаю окончания сева или уборочной, звонят в райпотребсоюз, чтобы привезли вина. Иногда спрашиваешь, зачем он это делает, отвечает: "Да что же это за праздник без хмельного!"

Вместо того, чтобы вложить всю энергию,

изобретательность, организаторские способности в праздник, славящий человека труда, советскую Родину, коммунизм, такие горе-культурники вместе с кое-кем в торгующих организациях тянут назад, к пропойному разгулу религиозных праздников.

Думается, — заключает А. Протасов, — что одними увещеваниями ограничиваться не следует. Чтоб был толк, нужны и административные меры внушения, а прежде всего решительное запрещение торговать крепкими алкогольными напитками в местах массовых народных гуляний”.¹²

Вероятно, мы никогда не узнаем, сколько людей оказывается привлечено ”новой обрядностью” из-за открытой продажи водки, которая обычно не продается в разлив.

Мне приходилось видеть праздники ”Русской зимы” в разных городах Московской области и в Москве на Ленинских горах. Обычно все это организовано как ярмарка или Луна-парк, с платными ”тройками” лошадей, с громадной снежной Бабой, с балалаечной музыкой, оглушительно играющей по радио. Люди катают детей на тройках, иногда выпивают водки у ларька. Но никогда не *участвуют*, не поют, не танцуют. ”Праздник” для них — всего лишь зрелище.

Эти праздники не идут ни в какое сравнение со старой Масленицей или Пасхой, которые отмечались практически всем населением, были действительно народными. Новые зрелища не вхо-

дят в календарь даже тех, кто их посещает, не соотносятся с их мировоззрением.

Обрывки старой обрядности, включенные в новые праздники, используются вне их функциональной сущности, вне их мифологической основы. Прежде праздничные ритуалы были связаны с магией плодородия, с космогоническими культами. Отбрасывая воспоминания о них, трудно оправдать в глазах населения нелепые обряды. Бессодержательность ритуала позволяет комбинировать его из достаточно случайных элементов — от переработок русского фольклора для детей до разнообразных стилизаций под фольклор типа оперы "Снегурочка". Забытый стиль "рюсс" времен императора Александра III.

На Украине, особенно в деревнях, где еще не забыты и любимы старые праздники, усилия реформаторов создают картину неотличимую от русских областей.

Я позволю себе привести описание эксперимента, считающегося удачным на Украине. Это — праздник "Советской Молодежи", который организовали на основе традиционного Ивана Купалы.

В этих местах до революции в ночь на 24 июня праздновали Ивана Купалу (или Ивана Крестителя), — праздник летнего солнцестояния, широко распространенный по всей Европе. Поверья связывали с этой ночью разгул нечистой силы и всяческие чудеса. Молодежь искала красный цветок папоротника, цветущего раз в году. Этот цветок дает силу найти клад,

если ты выполнишь условия нечистой силы.¹³ В эту ночь жгли костры и прыгали через них. Катали огненное колесо, символизировавшее солнце. Делали куклу Марену и сжигали ее или пускали в воду на плоту с зажженными свечами. В празднике сплеталась символика магии плодородия и культа солнца. В христианскую эпоху легенды стали выделять в этом празднике искушения нечистой силы. Именно об этом писал Гоголь в "Вечере накануне Ивана Купалы".

Возрожденный Иван Купала выглядит так:¹⁴

"Начался праздник традиционными выборами хозяев праздника — "князя" и "княгини". Это были самые уважаемые люди: депутат Верховного Совета СССР Мария Мазур и лучший тракторист Михайловского колхоза имени XXII съезда КПСС Владимир Грищук. Под аплодисменты и торжественный марш нескольких оркестров на "княгиню" и "князя" возлагаются короны, надеваются ярко расписанные мантии. Затем они делают круг почета в сопровождении свиты, которая состоит из "Пшеницы", "Гороха", "Свеклы", "Кукурузы". После этого "князь" и "княгиня" торжественно садятся на "княжеские троны" под вербами, которые украшены цветами, лентами, разноцветными флажками. С той минуты праздник ведут они: торжественно открывают праздник, объявляют порядок его проведения. В небо поднимается большой воздушный шар с красным вымпелом, на нем золотыми буквами написано:

”С радостным праздником Купалы, дорогие друзья!” ...

А когда над старинным, когда-то панским, а теперь колхозным парком сгустились сумерки, на середине озера была разыграна традиционная сцена. На большом плоту выплыло чучело с воткнутыми в него стрелами. Около него ”смерть с косой”, ”Война с атомной бомбой”, всякого рода нечисть (пьяницы, лодыри, бюрократы, стилиги и т.д.).

Но вот десятки юношей с зажженными факелами бросились в воду, и скоро чучело со своим ”эскортом” загорелось. А над озером высоко в небе взвился огромный красный флаг с золотыми буквами: ”Да здравствует коммунизм!”

Итак, языческое возвращение к природе без веры в ее одухотворенность, заклинания без веры в их магическую силу. Очевидно, речь идет не о возрождении дохристианского ритуала и народных реакций на жизнь природы, а о рационалистической попытке создания новых идеологических праздников с использованием фольклорных образов.

Несколько иную картину можно наблюдать в тех национальных республиках, где традиционные праздники все еще живы в сознании населения.

В Латвии, например, Лиго или Янов день (латышский вариант Ивана Купалы) был самым популярным праздником в период независимой республики. Латвия была присоеди-

нена к СССР в 1940 году. Желая расположить к себе латышей, советское правительство объявило в мае 1941 года Янов день официальным праздником, с выходным днем 24 июня.

Однако в начале шестидесятых годов — как раз в то время, когда начиналось движение за новую обрядность, на празднование Лиго в Латвии началось гонение. В 1965 году московский писатель и литературовед Лев Копелев и латышский профессор Дзидра Калнынь опубликовали статью, пытаясь защитить Лиго. Они писали:¹⁵

”В народном празднике усмотрели не только растрату рабочего времени, но и миазмы буржуазного национализма. ... Находились такие, по меньшей мере наивные люди, которые полагали возможным изъять Лиго из народного быта, языка, литературы. Для этого в некоторых издательствах производились разные операции над новыми изданиями классиков, над хрестоматиями, учебниками и т.д. В октябре 1960 года было задержано издание второго тома ”Грамматики современного латышского языка” для того, чтобы заменить все литературные примеры, в которых как-либо упоминается Янов день, Лиго или относящиеся к ним обычаи и понятия. Изымались отдельные абзацы и целые отрывки прозы, строфы классических стихотворений, искажались или полностью устранялись народные песни, пословицы, крылатые слова, как-либо упоминающие Янов день или Лиго. Было переименовано

все, связанное с этим словом: фабрика грам-пластинок, колхозы, кинотеатры. Вносились поправки даже в ... поваренную книгу: изымались упоминания о яновом сыре и яновом пиве. Раздавались требования пересмотреть словари с тем, чтобы заменить некоторые слова живой народной речи, так, например, смородина по-латышски — янова ягода, светлячок — янов жучок и т.д. Были сняты с постановок опера А. Калнынша "Банюта" и героическая оратория М. Зариньша "Вальмиерские герои" и т.д. и т.д.

С целью вытеснения Лиго был разработан проект внедрения "веселого и интересного праздника "День рыбака".¹⁶

Причины борьбы государства с праздником Лиго в Латвии очевидны. В них мало общего с просветительскими намерениями искоренять религиозные пережитки. Лиго должен был исчезнуть из народной памяти, языка и литературы прежде всего потому, что он стал национальным праздником латышей, символом их консолидации. С другой стороны, "День рыбака" был не опасен, даже, если бы в него включили отдельные элементы латышского фольклора.

Эксперименты с "Праздником рыбака" были восприняты в республике как оскорбление национальных чувств латышей. В 1972 году 17 латвийских коммунистов отправили обращение к коммунистическим партиям мира, в котором, перечисляя ущемления национальных прав

латышей, писали: "У латышского народа есть замечательный праздник "Лиго", который свободно праздновали веками, и даже во время немецко-фашистской оккупации. До прошлого года этот праздник был категорически запрещен; в этом году "Лиго" опять праздником не признан, хотя официально и не запрещен".¹⁷

Латвийская интеллигенция пыталась защитить свой праздник, используя аргументы, которые были бы убедительны с точки зрения правительства. Она доказывала, что, во-первых, "Лиго" — не христианский, а языческий праздник, а, во-вторых, что его празднуют не только латыши, но и многие славянские народы, и, значит, в нем нет опасности национализма.

"Латвийский "Янов день" по своей сути всегда был антихристианским, антицерковным, крестьянским и плебейским праздником... в нем особенно ярко выражается та глубокая связь, которая существует между латышами, русскими и другими народами Советского Союза",¹⁸ — писал известный поэт Ян Судраб-калн.

То обстоятельство, что попытки нивелировать местный национализм осуществляются под видом вытеснения религиозных верований, дает неожиданные аргументы национальной интеллигенции. Эта интеллигенция доказывает часто, что тот или иной праздник имеет не христианское (или не мусульманское, не буддийское и т.д.), а языческое происхождение и, таким образом, имеет право на сущест-

ование. Таким образом, теоретическая нечеткость официальной теории оставляет возможности для национальной интеллигенции оберегать остатки местной традиционной культуры.

Таким методом латышам удалось отстоять "Лиго", и он празднуется теперь, хотя и не с таким размахом, что прежде.

Похожа и судьба "науруза", мусульманского праздника весеннего Нового года, который отмечался до установления советской власти узбеками и другими народами Средней Азии. Во времена Хивинских ханов "науруз" был государственным праздником. Сроки его были подвижны, но чаще всего падали на март. В этот день устраивались гулянья у мазара*, построенного в честь какого-нибудь мусульманского святого, готовили ритуальные кушанья. Поэты и певцы соревновались между собой на турнирах искусств. После присоединения этих областей к России в 1920-х годах, был введен зимний Новый год по европейскому календарю, а все публичные мусульманские праздники отменили. "Науруз" спрятался в семьи. В кишлаках еще продолжали ходить к могилам святых с трапезами, но праздники утратили свой общественный характер. Однако и зимний Новый год тоже не привился. Его праздновали только в городах или среди интеллигенции в кишлаках. Сюда на юг из России привозили елки для школ и устраивали праздники, как у русских.

Но о наурузе помнили, и о нем тосковали. Этнографы и краеведы собирали рассказы,

изучали пережитки. Когда начали писать в центральных газетах о возрождении народной обрядности в русских областях, многие решили воспользоваться новыми веяниями для своих местных задач.

Однако, воспитанные в школе советского двоемыслия люди понимали, что просто так восстановить мусульманский праздник им никто не разрешит. И вот начались "научные обоснования". В Узбекистане его определили как "весенний праздник растительности домусульманского происхождения"¹⁹

В Таджикистане Л.М. Рахимов посвятил наурузу статью, в которой ссылался на мнения стариков о происхождении праздника (Полевые записи в кишлаке Рарз Айнинского района, 1958 год).

"... один из очень крупных знатоков истории религии ислама Эшохон нам сказал, что "Науруз — это не мусульманский праздник, а праздник магов, огнепоклонников, то есть доисламский праздник". Далее Рахимов добавляет уже от себя: "Действительно Науруз является доисламским праздником согдийцев, хорезмийцев, тохаров и некоторых других древних народов Востока. Однако, со временем он впитал в себя некоторые элементы зороастризма и ислама. Очищение его от религиозных элементов (как зороастрийских, так и мусульманских) и празднование по-новому, как праздника весны и начала сельскохозяйственных работ, послужит делу вытеснения из бы-

та трудящихся нашей республики целого ряда религиозных церемоний и ритуалов".²⁰

В некоторых горных районах начали праздновать его как "День чабана".²¹ В Ленинабаде переименовали в "Праздник весны" и стали справлять 7 марта, а в Душанбе под тем же названием 21 марта.

Наконец, в 1967 году, в Ургенче (Узбекистан) провели первый науруз под собственным именем, но уже по-новому. В областном педагогическом институте собралась общественность: говорили речи, был концерт, а потом литературная викторина.²²

Итак, все идет к тому, что национальное в обрядовой жизни должно со временем уступить место общесоветскому.

С этой же целью применяется метод заимствования новых праздников, придуманных одной республикой, в других республиках. Вот, например, праздник "Серпа и Молота" придумали на Украине. Он символизирует "единство тружеников села и города".

Город берет шефство над определенной сельской местностью. Во время уборки урожая, с которой не справляются колхозы, "шеф" посылает дополнительную рабочую силу и грузовики. Праздник "Серпа и Молота" предназначался превратить эти отношения в символ дружбы города и деревни.

В Узбекистане решили перенять эту идею, и вот как этот праздник проходил в Сырдарьинской области Узбекской ССР:

”. . . Ранним весенним утром в Чиланзарском районе столицы Узбекистана наблюдалось праздничное оживление, слышались звуки карная и сурная. У здания райкома партии собрались нарядно одетые рабочие, строители, учителя, врачи, комсомольцы, пионеры и школьники, спортсмены, артисты кружков художественной самодеятельности. Колонна автомашин... под звуки марша направляется в колхоз ”Коммунизм”...

Колхозники встречали гостей хлебом-солью. Играли карнай, сурнай, духовой оркестр. Ташкентцев осыпали цветами. После приветствий в клубах проводилась торжественная часть. Колхозники вручали рабочим, а рабочие — колхозникам выпелы как лучшим трудовым коллективам, и подарки. Был заключен договор о социалистическом соревновании между домостроительным комбинатом, кожгалантерейной фабрикой и колхозом ”Коммунизм”. Представители трудящихся Чиланзарского района Ташкента дали обязательство успешно завершить семилетку и оказать товарищескую помощь подшефным колхозам и совхозам.

После окончания торжественной части всех пригласили пройти в поле на церемонию проведения первой борозды. На тракторы сели горожане и колхозники. После этой церемонии последовало приглашение на концерт художественной самодеятельности горожан и колхозников. Массовики проводили игры и аттракционы. Были организованы встречи по профессиям. Перед началом киносанса была прочита-

на лекция на атеистические и международные темы.”²³

Здесь кроме звуков карная и сурная вы не встретите ничего узбекского. Такой праздник может происходить в любом месте Советского Союза, где есть город, колхоз и достаточное количество машин для передвижения туда и обратно. Зато введены такие, неизвестные ранее узбекам, элементы русской обрядности, как ”хлеб-соль”, лишенные функционального контекста, или ”первая борозда”, служившая прежде частью магического обряда плодородия, предшествовавшего севу. Но и эти элементы, подобно карную и сурную, занимают второстепенное место по сравнению с остальными частями праздника: торжественная часть (митинг), приветствия, договор о социалистическом соревновании, обязательство закончить семилетку, концерт самодеятельности и, особенно, лекции на атеистические и международные темы. Их вряд ли надо было изобретать на Украине.

Еще хуже обстоит дело среди народов более примитивных культур, неспособных оказать сопротивление реформаторам. В Сибири у хантов до сих пор сохранился ”Медвежий праздник”, связанный с культом медведя. Медведь был тотемом хантов, называвших себя ”родом старика из священного города”. Убийство медведя — преступление, но люди охотятся на него, потому что есть возможность искупить грех, воздав ”сыну бога” определенные почести. Для

этого и существует ритуал медвежьего праздника.

Если убит самец, пляски должны продолжаться семь дней, если медведица — пять. Медведя прославляют как сына бога, а насмешки и оскорбления произносят с закрытыми лицами, в берестяных масках, чтобы медведь не мог узнать своих "обидчиков". Местные власти считают нужным запретить медвежий праздник. На конференции в Улан-Удэ В.Н. Плесовских сказал:

"Во-первых, медвежий праздник носит ярко выраженный характер национальной обособленности, и в этом его главное противоречие с современной действительностью. За годы советской власти на Обском Севере выросли большие интернациональные коллективы. Представители почти двадцати национальностей и народностей работают на крупнейших предприятиях рыбной промышленности... Медвежий праздник в этих условиях не может служить улучшению межнационального общения, а ограничивает его. Во-вторых, праздник остается стихийным торжеством, которое никак нельзя отрегулировать по времени. Убит медведь — организуй пляски. А если за зиму их убьют десять, пятнадцать? Как быть в этом случае? В-третьих, в силу своей консервативности медвежий праздник не соответствует современному уровню развития государственности, экономики и культуры малых народностей Обского Севера.

В современных условиях торжества в честь

”хозяина тайги”, ”мудрого провидца”, ”верховного судьи” должны восприниматься, по крайней мере, как насмешка над настоящими хозяевами нашего края, какими стали ханты и манси...

Национальное — это не только старина, а у малых народностей Севера даже совсем не старина, а то, чем наполнена современная жизнь и быт социалистических наций и народностей.

Вместо отживших свой век ритуальных праздников творчество народов Обского Севера создало новый вид праздника, социалистического по своему содержанию. Речь идет о традиционных олимпиадах, которые ежегодно проводятся в центрах бывших культбаз в поселках Сосьва и Казым. Первые олимпиады состоялись в 1935-1936 годах и с тех пор проводятся регулярно”.²⁴

С. Токарев пишет, что в ритуале медвежьего праздника прежде существенную часть составляло обрядовое самооправдание охотников перед медведем: ”Не я тебя убил, а русский, который сделал это ружье”...²⁵ Не в этом ли причина того, что ханты и манси должны теперь праздновать греческие олимпиады?..

У тувинцев до 1925 года праздновали весенний Новый год по лунному календарю — ”шагаа”. Соблюдали ряд обычаев, которые стараются и сейчас почитать: запрещали пить араку и кумыс, очищали юрту от грязи, готовили лучшую одежду, а в день праздника, на восходе солнца катались по снегу до тех пор, пока снег

не становился грязным, так как верили, что этим очищаются от грехов. Дарили подарки старшим с особыми знаками почтения, чествовали пастухов (пастуху в каждой юрте давали почетное кушанье — локтевую кость, подчеркивая этим, что пастух — руки народа, его опора). Так выражалось почтение к самой важной профессии тувинцев.

”Обычаи ”шагаа” прекрасно помнят старики, часами рассказывают о них как о самом дорогом. Уже одно это заставляет подумать, не рано ли они ушли из жизни. Их можно и нужно использовать во время празднования современного Нового года”, — сказал один из представителей Тувы на конференции.

Почему возникла необходимость обсуждать вопрос о *возвращении* людям их обычаев? Дело в том, что 1925 году был введен Новый год по европейскому календарю с 1 января. Так же как в Средней Азии, привозили елки, о которых и не слышали даже раньше, и устраивали вечера даже на дальних стоянках и фермах. А шагаа, бывший действительно знаком начала новой жизни в природе, стали превращать в праздники Первого мая или ”Праздник животновода”. Ввели еще так называемый национальный ”Наадым” — праздник независимости. Местный представитель Г.Н. Курбатский рассказывал на конференции:

”В его честь разворачивалось социалистическое соревнование... Составлялись тезисы докладов, подводивших итоги хозяйственных и

культурных достижений отдельных хошунов и республики в целом... разрабатывалась памятная документация... Наадым начинался митингом и демонстрацией. На маленькой деревянной трибуне стояли члены президиума, у трибуны выстраивались демонстранты. Алели знамена, флаги. С политическими речами выступали представители власти. *Заимствование советских форм празднования — одно из проявлений сближения ТНР и СССР*".²⁶

В речи местного представителя звучит тоска, и он призывает хоть как-нибудь украсить, очеловечить искаленную культуру самобытного народа. Но призывает очень осторожно и с учетом пожеланий из центра. Он предлагает ввести новые обрядовые песни, за основу которых можно было бы взять тувинские новогодние благопожелания и русские колядки.

Он перечисляет новые праздники, и мы с удивлением встречаем все тот же Новый год, "Проводы зимы", "День березки" на расстоянии десяти часов лету из центральных областей России.

Вытеснение традиционного обряда советским наблюдается и у других малых народов Сибири. Так, в некоторых корякских селениях "Праздник нерпы" слился с Новым годом. У оленных коряков (тигильские коряки, с. Седанка) традиционный "Праздник оленей" передвинулся во времени и стал спортивным соревнованием, приуроченным ко Дню Советской Армии.

Как видим, от прежних праздников остаются

ся одни только названия. И все же теоретики новой обрядности приходят к выводу, что при сохранении хоть каких-то элементов традиционного ритуала новые праздники имеют больше возможностей войти в жизнь народа и сохраниться. Кампарс и Закович следующим образом суммируют свои наблюдения:

”... традиционные праздники и обряды с новым содержанием или современные празднества на традиционной основе воспринимаются народом значительно скорее и успешнее, чем заново созданные. Очень важно учитывать традиционные прогрессивные элементы обрядности с точки зрения тактики борьбы с отжившими, вредными обычаями и обрядами”.²⁷

Политика ”новой обрядности” наталкивается на оппозицию — то скрытую, то явную. Интеллигенция старается защитить традиции своих народов от вмешательства экспериментаторов. В некоторых случаях ее выступления становятся открытыми, как это было, когда 17 латышских коммунистов обратились за помощью за границу. Другим примером открытого конфликта может служить выступление в 1968 году украинского писателя Валентина Мороза. Он писал:

”В последнее время взялись за создание (!) новых традиций. Посыпались словосочетания одно другого бессмысленнее: дом Счастья, праздник Трудовой весны... Создавать традиции также бессмысленно, как делать культур-

ную революцию. "Культура" и "революция" — понятия несовместимые, противоположные. Культура означает многовековое созревание — процесс, который ускорить невозможно. Всякое революционное вмешательство здесь разрушительно. Традиции не создают. Они создаются на протяжении веков. Можно согнать людей в клуб и объявить какой-то идиотский праздник свинарей или доярок вместо Великодня — но он праздником не будет. Будет еще одно колхозное собрание и еще одна пьянка опосля. Для праздника не будет хватать духовного *содержания*, атмосферы — а она настаивается не один век. Атмосферу Рождества, Великодня в украинском селе искалечили, замутили. Уже и забылось, что оно такое — Рождество".²⁸

Но есть и другие, более лояльные заявления, когда национальная интеллигенция, внешне усваивая терминологию официальной теории обрядности, пытается доказать, что та или иная находящаяся под угрозой запрета традиция не связана с религией. Примеры тому я приводила выше.

Бывали случаи — правда, не частые, — когда в советской печати публиковались выступления, доказывающие принципиальную невозможность "новой обрядности" и научную несостоятельность теоретических предпосылок, на которых она строится. В 1969 году в журнале "Новый мир" была опубликована рецензия А. Петухова²⁹ на несколько книг, посвященных новой обрядности. Статья называлась "Бумажные цветы". Автор сопоставил взятые из разных

книг описания "Посвящений в труженики полей", "Дня строителя" и т.д., показав, что они крайне однообразны и бедны содержанием. А. Петухов выразил сомнение, что народные праздники можно искусственно изобретать. Он подчеркивал, что "несмотря на всю изобретательность "создателей" и организационные усилия, "гражданская обрядность" прививается весьма туго". И далее он писал:

"Бесспорно, многолюдье на празднике — дело хорошее. Но слишком обольщаться тем, что на День урожая или праздник первой борозды сошлось много людей, все-таки нельзя. Дело в том, что эти люди могут придти сюда не как участники празднества, а всего лишь как зрители организованного представления, придти как приходят на концерт, на гастрольный выезд цирка. И разве мало известно случаев, где такие праздники срывались и, как неудавшийся концерт, вызывали у людей чувство досады, неудовлетворенности, разочарования?" (стр. 274).

Но и позднее раздавались иногда голоса скептических исследователей. Например, известный социолог Ю.В. Арутюнян писал о пропагандистах "новой обрядности":

"Выступая за новую обрядность, они не понимают, что строго регламентированная обрядность при той высокой степени урбанизации, которая уже достигнута в нашей стране, вообще мало перспективна".³⁰

М.Н. Мельников сообщает, что русское население Сибири, где раньше справляли пышные Масленицы,³¹ не приняло ни одного нового названия ("Проводы зимы", "Встреча зимы с весной", "Праздник русской зимы"). Он же пишет, что современная Масленица — "не более как зрелищное мероприятие, широко использующее народные традиции и символику".³²

Вообще в широких массах населения мы встречаемся и с рвением сравнительно немногочисленных энтузиастов, и с циничным равнодушием исполнительных чиновников, и с покорностью, и с пассивным сопротивлением, выражающемся в двойственном поведении по отношению к властям. Двойное поведение дает людям возможность сосуществования с властью. Они готовы исполнять новые обряды, но в то же время — иногда тайно (это — тема особой статьи) — сохранять традиции, которые им дороги. Эта привычка к гибкости, лавированию и компромиссам, по-видимому, более свойственна той части населения, которая крепче привязана к своим национальным корням. Исследования советских этнографов показывают, что в больших городах и среди интеллигенции окраин новые обряды насаждаются с большей легкостью, вытесняя при этом традиционные. Исключение следует, вероятно, сделать лишь для сравнительно тонкого слоя творческой и национальной интеллигенции, которая становится сознательной и активной защитницей культурных традиций своих народов. В деревнях же, в маленьких городках (русские, украинцы,

белоруссы), на Кавказе, в Поволжье, в Средней Азии, в Сибири, на Дальнем Востоке появились компромиссные смешанные формы обрядности и праздников.

Двойное поведение, по моему мнению, является и формой адаптации населения национальных республик в условиях уравнительной интеграционной политики. Правительство стремится преодолеть двойственность поведения предложением новых форм церемоний, уничтожающих барьеры между частной и общественной жизнью, между разными религиозными и национальными группами, между городом и деревней и т.д.; простые люди (крестьяне, рабочие) стараются сохранить традицию, но и с местными властями не поссориться. На этом держится неустойчивое равновесие, которое смещается то в одну, то в другую сторону.

Решает ли "новая обрядность" задачи, которые ставит перед ней государство? Чтобы ответить на этот вопрос, следует эти задачи определить. Очевидно, они лишь отчасти совпадают с борьбой против "религиозных пережитков" и атеистическим воспитанием. Многие празднества не замещают старые, религиозные, а придумываются заново, чтобы выразить советские ценности: любовь к Родине, преданность партии, готовность к самоотверженному труду и военной защите отечества. Символические элементы, которые в них вводятся, либо представляют собою фольклорные реминисценции, но взятые не из живой традиции, а из литературных переработок, либо заимствованы из совре-

менной практики партийно-государственных церемоний. Причем вторые имеют тенденцию вытеснить первую. Целенаправленное перемешивание культурных элементов разных национальностей еще больше отрывает их от органического для них, традиционного смысла. Преобладание русских фольклорных элементов все же не дает, по моему мнению, оснований видеть скрытую цель "новой обрядности" в руссификации. Национальные обряды менее всего крепки среди русских, а новые, создаваемые часто на пустом месте, — все эти "русские березки", "русская зима" и "русская весна", берендеи, снежинки, дождики и т.д. — имеют такое же отношение к современным русским, как и ко всякому другому народу. Уничтожение религий, стирание национальных различий, нивелировка традиций города и деревни — эти цели, взятые вместе, хорошо видны в политике "новой обрядности". Не атеизм, не руссификация, а тотальная советизация — таков, по-видимому, ее смысл, независимо от того, задан ли он кем-либо сознательно или получается стихийно.

Когда Николай Бердяев писал в 1933 году: "Коммунизм есть крайний этатизм, в нем государство тоталитарно, абсолютно, оно требует принудительного единства мысли," — он был прав. Когда он продолжал: "Коммунисты воздвигают гонения на все церкви и всего более на церковь православную, ввиду ее исторической роли",³³ — он был прав частично и лишь в отношении к тому времени. Бердяев знал Советское

государство, когда оно еще было идеократично, когда оно сливалось с коммунистической идеологией и боролось с другими, чтобы утвердить ее господство. Время переставило акценты. Этатизм фактически вытеснил коммунизм. В "новой обрядности" от него осталось только слово. Реальное же ее содержание заключается в служении государству как таковому. Этатизм стал врагом не только для всех религий, но и всех других центробежных сил, которые создают разнообразие идейных, культурных и обрядовых объединений внутри общества. Чем менее идейным становится государство, тем более оно нуждается в тотальной интеграции общества.

Деидеологизация государства переносит акцент с того, что люди думают, на то, как они себя ведут. Предпочтительнее всего, чтобы они вообще не думали, но выполняли все то, что от них требуется. И очень важно, чтобы в их поведении не было различий. Отсюда неизбежный интерес к церемониальной стороне жизни и попытка интегрировать общество через обряд.

До осуществления этой цели еще далеко. Однако уже сегодня можно сказать, что государство не столько преуспело в создании новой интеграции, сколько в разрушении прежних связей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ¹ См. Л.М. Сабурова, Литература о новых обрядах и праздниках за 1963-1966 гг., Советская Этнография, 1967, 5.
- ² Лев Троцкий, Вопросы нового быта, Москва, 1925.
- ³ Николай Вересаев, Об обрядах старых и новых (1925), Полное собрание сочинений, Москва, 1930 г., т. VIII.
- ⁴ Н.А. Белык, Внедрение новых гражданских обрядов — дело всех государственных и общественных организаций. "Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев и традиций". Материалы конференции, Улан-Удэ, 1968, стр. 42.
- ⁵ Л.И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, Москва, 1971, стр. 135.
- ⁶ Н.П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, "Наука", Москва, 1975, стр. 3.
- ⁷ "Наука и религия", 1975, 4, стр. 14.
- ⁸ И.С. Ремезов, Социалистические традиции и безрелигиозные праздники (обряды) как средство атеистического воспитания. "Вопросы коммунистического воспитания", вып. 1. "Известия Воронежского государственного пединститута", т. 50, 1965, стр. 163.
- ⁹ В.А. Руднев, "Советские обычаи и обряды", Лениздат, Ленинград, 1974, стр. 131.
- ¹⁰ Там же, стр. 134.
- ¹¹ Там же, стр. 139.

- 12 См., например, В.И. Брудный. "Обряды вчера и сегодня", "Наука", Москва, 1968, стр. 122.
- 13 См., например, описание Н. Маркевич, "Обычаи, поверья Малороссии", Киев, 1860, стр. 21.
- 14 В.И. Брудный, стр. 94-96.
- 15 Лев Копелев и Дзидра Калнынь, "Лиго значит радость!", "Дружба народов", 1966, 7, стр. 252-253.
- 16 Н.С. Сарсенбаев, Новые обряды и идеалы коммунизма, "Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев и традиций", Улан-Удэ, 1968, стр. 51.
- 17 "Обращение латвийских коммунистов к руководителям ряда иностранных компартий" в сборнике документов "Национальный вопрос СССР", "Соучасність", Нью-Йорк, 1975, стр. 200.
- 18 "Советская Латвия", 23 июня, 1959, Цит. по П.П. Кампарс и Н.М. Закович, "Советская гражданская обрядность", Москва, 1967.
- 19 Н.П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, стр. 117.
- 20 Л.М. Рахимов, Об использовании народных традиций в новых праздниках и ритуалах, "Вопросы научного атеизма", Издательство "Даниш", Душанбе, 1966.
- 21 Н.С. Сарсенбаев, Новые обряды и идеалы коммунизма, стр. 51.
- 22 Н.П. Лобачева, Формирование новой обрядности узбеков, стр. 129.
- 23 Н.П. Лобачева, стр. 128.
- 24 В.И. Плесовских (Ханты-Мансийск), О некоторых религиозных пережитках и устаревших бытовых традициях народностей ханты и манси, "Вопросы

преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев и традиций", Улан-Удэ, 1968, стр. 100.

25 С.А. Токарев. Этнография народов СССР, Издательство Московского Университета, 1958, Москва, стр. 480.

26 Г.Н. Курбатский (Кызыл), Новая обрядность в Туве, "Вопросы преодоления...", стр. 196-199.

27 П.П. Кампарс и Н.М. Закович, "Советская гражданская обрядность", стр. 94.

28 Валентин Мороз, Село Космач, Хроника сопротивления. Сборник документов, "Национальный вопрос в СССР", Соучасність, 1975, стр. 72.

29 "Новый мир", 1969, 6, стр. 274.

30 А.В. Арутюнян, О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации, "Советская этнография", 1973, 6, стр. 21.

31 См. описания у М. Громыко, Трудовые традиции русских крестьян Сибири, "Наука", Москва, 1975, стр. 93.

32 М.Н. Мельников, Поэзия народных обычаев, "Сибирские огни", 1966, 4.

33 Николай Бердяев, Истоки и смысл русского коммунизма, YMCA-PRESS, Париж, 1955, стр. 129.

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В НАУЧНЫХ ГОРОДКАХ

Идея рассредоточения научных сил из крупнейших городов на периферию возникла в Советском Союзе еще в послевоенные годы, при Сталине. Первым поводом была организация так называемых "шарашек", то есть научно-исследовательских учреждений, в которых работали ученые-арестанты и которые естественно было держать в возможно более полной изоляции от внешнего мира. Кроме того, интенсивное развитие атомных исследований еще в конце 40-х годов вынудило правительство вывести соответствующие научные центры из Москвы, чтобы снизить опасность случайных массовых облучений. Так, в сравнительно небольшом расстоянии от Москвы были созданы Международный атомный институт в Дубне и физико-энергетический в Обнинске, который при Сталине был засекречен и назывался "почтовый ящик № 276".

Еще при Хрущеве была начата политика выведения научно-исследовательских учреждений из крупных, в основном, столичных городов, где они находились прежде, и основания новых научно-исследовательских институтов по возможности вдалеке от традиционных центров на-

учной мысли. При этом по преимуществу использовались те места, где еще раньше возникли научные учреждения, то есть "шарашки" и атомные институты. Например, физико-энергетический институт в Обнинске был переведен из подчинения Министерству государственной безопасности (МГБ) в систему вновь образованного Министерства среднего машиностроения, которое занимается разработкой мирного применения атомной энергии. Соответственно, вокруг этого института была снята специальная охрана и ряды колючей проволоки. В городе Обнинске начали возникать и другие научные учреждения, часто никак не связанные с атомной физикой: Институт медицинской радиологии, филиал Института физической химии, Институт стекла, вечернее отделение учебного Московского инженерно-физического института и т.д. Постепенно Обнинск был превращен в научный городок, в котором практически нет других учреждений, кроме научных или обслуживающих научных.¹ Возникли и другие научные поселения неподалеку от Москвы: Пушкино, Черная Головка, Ногинск, Красная Пахра и т.д. Стали создаваться научные центры и в более отдаленных районах. Первым был академический городок в Новосибирске, но затем еще и на Урале, и на Дальнем Востоке. В официальном органе Президиума Академии наук СССР отмечалось еще в 1970 году: "Развитие научных центров на местах рассматривается как особая, важная сфера деятельности партийных и советских органов".²

Официально эта децентрализация научных сил объясняется потребностью поставить ученых "ближе к жизни", к местам практического производственного приложения их открытий и изобретений. Однако тем самым высказывается не вся правда или только часть правды. Фактически в своих научных городках ученые оказываются еще более оторванными от так называемой "жизни", чем были прежде. Нет там и промышленных предприятий, в непосредственном контакте с которыми ученые могли бы работать. Поэтому можно предположить, что тут есть другие, невысказанные вслух мотивы. По-видимому, правительство стремится рассредоточить ученых, чтобы затруднить контакты между ними в масштабе страны и, с другой стороны, чтобы обеспечить для себя возможность держать их под более пристальным контролем. Характерно, что решение об организации новых научных центров на Урале и Дальнем Востоке было принято летом 1969 года, то есть вскоре после протестов 1968 года, охвативших ученых прежде всего крупных городов. Ученых как бы стали отправлять в превентивную ссылку. И трудно сказать, какая цель тут преследуется в первую очередь: то ли окружение их более нейтральной политически средой провинциального населения, то ли изоляция от вероятных контактов с иностранцами, которые посещают главным образом крупные города, то ли потребность строгого полицейского наблюдения за ними. Вероятнее всего, преследуются все эти цели вместе, хотя они подчас и противоречат друг другу.

В свете этой моей гипотезы, которая, разумеется, еще подлежит проверке, следует принять во внимание, что еще с конца 50-х годов началось переселение ученых и сосредоточение их в юго-западном районе Москвы. Соответственные мероприятия проводятся, конечно, ненасильственно. Просто на юго-западе строятся новые научно-исследовательские учреждения. Здесь, например, с начала 60-х годов разместились научно-исследовательские институты всеобщей истории, археологии и этнографии, здесь построено здание фундаментальной библиотеки общественных наук, сюда перенесли еще при Сталине естественно-научные отделения Московского университета, а впоследствии и все гуманитарные отделения, причем Московский университет оказался фактически выселенным из строительного комплекса, в котором он располагался со дня своего основания в XVIII веке и который находится в самом центре города, в непосредственной близости от Кремля. На юго-западе, как правило, отводятся участки для постройки жилищных кооперативов разных научных организаций. Последствия этой градостроительной политики таковы, что такие известные теперь диссиденты, как Юрий Орлов, Сергей Ковалев, Валентин Турчин, Людмила Алексеева, Михаил Агурский, Юрий Глазов, Александр Гинзбург и многие другие, могли ходить друг к другу пешком, не пользуясь городским транспортом, хотя поселились они там, когда еще диссидентами не стали. Жители этого района иногда шутят, что в случае каких-

нибудь особых волнений правительству достаточно будет оцепить Юго-запад, без труда превратив его в концентрационный лагерь, чтобы стабилизировать положение. Таковы последствия социального районирования, которые едва ли случайны.

Кандидат физико-математических наук Юрий Мнюх, который заведовал лабораторией в Институте биологической физики, переведенном в начале 60-х годов из Москвы во вновь основанный тогда научный городок в городе Пущино, свидетельствует, что как служебные помещения, так и частные квартиры подвергались там интенсивному подслушиванию. По мнению, которое бытовало среди местных ученых, каждый шестой среди них работал секретным информатором, "стукачом". Юрий Мнюх говорит, что как заведующий лабораторией он знал о наличии нескольких "стукачей" среди его подчиненных.

Однако эти преимущества концентрационного наблюдения, которые получили власти в научных городках, не могли предотвратить особенно интенсивного развития оппозиционных настроений. При особенно тесных личных контактах, которые естественно возникали в условиях небогатой развлеченности провинциальной жизни, ученые скорее находили коллег, которым можно было довериться и свободно делиться мыслями, наблюдениями. К середине 60-х годов научные городки оказались особенно удобны для циркуляции и размножения самиздата. Даже официально ученые могли себе

позволить более свободную интеллектуальную жизнь, чем это допускалось в больших городах. В каждом из городков организовывались "Дома ученых", управляемые советами, которые избирались их членами. В научных городках были возможны концерты, выставки, лекции и дискуссии, немыслимые в Москве или Ленинграде. Хорошим примером может служить деятельность научного сотрудника Физико-технического института в Обнинске Валерия Павлинчука, который в 1968 году оказался одним из самых активных участников тогдашних протестов. Валерий Павлинчук был избран в члены совета Дома ученых. Кроме того, он был секретарем партийного бюро одного из отделов Физико-технического института. Павлинчуку и другим ученым Обнинска удалось поспособствовать изданию в местном Калужском книжном издательстве литературного сборника "Тарусские страницы", который стал одной из самых либеральных книг хрущевского времени. Он вышел в свет в 1961 году. Павлинчук участвовал также в качестве редактора и одного из переводчиков в издании книги "Физики шутят", в которой был выражен юмористический взгляд на вещи как иностранных, так и советских физиков. Ирония снимала то идеологическое отчуждение между советскими учеными и их иностранными коллегами, которое насаждалось официальной пропагандой. Книга "Физики шутят" имела огромный успех у читателя по всей стране и немедленно исчезла с прилавков книжных магазинов. В 1969 году, когда эта книга была

привезена в книжный магазин города Обнинска, туда явился лично сам секретарь Обнинского городского комитета партии и запретил ее продавать. На слова заведующего магазином о том, что он будет жаловаться в Калугу (Обнинск находится в Калужской области), этот партийный деятель ответил: "Жалуйтесь куда хотите, но здесь вы ее продавать не будете"³. Впрочем, это случилось уже после того, как на ученых Обнинска были обрушены репрессии, о которых речь пойдет ниже.

Другим интересным свидетельством об особо интенсивной интеллектуальной жизни в научных городках были материалы, ставшие известными после ареста и судебного дела Михаила Макаренко. Об этом деле сообщалось в очерке В. Черткова "Спекулянт без прикрас. Против фальсификации", появившемся в газете "Правда" 13 октября 1970 года. Макаренко организовал в Академгородке Новосибирска клуб ученых "Под интегралом" и картинную галерею Академгородка. Он устроил "Фестиваль бардов", на котором выступили поэты-певцы Галич, Клячкин, Высоцкий и другие. До этого они, — а большинство из них и по сей день, — могли выступать лишь в частных квартирах или распространять песни в своем исполнении на магнитофонных лентах, записанных частным образом (так называемый "магнитиздат"). Макаренко организовал также персональные выставки художников Филонова, Фалька, Лисицкого, графики Пикассо, которые не разрешались властями для общего показа. Не-

посредственным поводом для ареста Макаренко послужила его попытка организовать выставку Маркса Шагала, на которую он пригласил знаменитого художника-эмигранта и получил его согласие приехать.⁴

Особую духовную атмосферу научных городков, очень непохожую на другие места в Советском Союзе, я мог наблюдать сам, поскольку меня приглашали с лекциями в Дома ученых Дубны, Пущина, Черной Головки и Обнинска. Там можно было говорить с доверием, чувствуя расположение аудитории. Там люди не стеснялись задавать вопросы и высказывать свое мнение. Там после лекции разгорались живые дискуссии. Такую открытую реакцию слушателей я встречал впоследствии только в Соединенных Штатах и Западной Европе.

Нет ничего неожиданного в том, что некоторые научные городки доставили властям особенно много хлопот во время кампании протестов 1968 года. Работники Новосибирского Академгородка и Новосибирского университета направили письмо Подгорному, Косыгину и Брежневу, адвокатам подсудимых Золотухину и Каминской, а также в газету "Комсомольская правда", выражая возмущение тем, как был проведен процесс А. Гинзбурга и других. Подписавшие это письмо, как и в других письмах, не ограничивались реакцией именно по данному делу. В письме новосибирцев, между прочим, говорилось: "Мы не можем допустить, чтобы судебный механизм нашего государства снова вышел из-под контроля широкой обществен-

ности и снова вверг нашу страну в атмосферу судебного произвола и беззакония”.⁵ Фактически они выступили против нового курса правительства Косыгина — Брежнева на ресталинизацию.

Письмо подписало 46 человек и среди них 5 докторов и 14 кандидатов наук. Обращает на себя внимание разнообразие специальностей подписавших: математики, химики, биологи, философы, историки, филологи. Поскольку письмо могло распространяться для подписи только среди доверявших друг другу лиц, оно подтверждает наличие в то время в Академгородке Новосибирска интеллектуальных связей, далеко выходивших за пределы места работы или ее содержания. В условиях Советского Союза, где все средства массовой информации отчуждены государством, такого рода связи успели сложиться лишь в самых крупных культурных центрах (в Москве и уже значительно меньше — в Ленинграде и Киеве) и оказались воспроизведенными лишь в некоторых научных городках, в среде ученых.

Важно также отметить участие в письме новосибирцев членов партии. На них, как и повсюду, в первую очередь обрушились преследования. Были исключены из партии физик сотрудник Института катализа Сибирского отделения Академии наук СССР Григорий Яблонский и аспирантка Института истории Светлана Рожнова; получили строгий партийный выговор философы преподаватели Новосибирского университета Игорь Алексеев и Владимир Конев,

социолог аспирантка Людмила Борисова.⁶ То, что последние трое отделались строгим выговором, судя по московскому опыту, может свидетельствовать либо о том, что они в той или иной форме принесли покаяние (о чем нет ни официальной, ни диссидентской информации), либо — и это более вероятно — партийное руководство не смогло провести их исключение через голосование в партийных организациях. Строгий выговор несравненно более мягкая мера партийного наказания, чем исключение из партии. Исключенный почти автоматически лишается работы без надежды получить другую, сколь-нибудь равноценную прежней. Для ученого в Советском Союзе исключение из партии практически символизирует конец его исследовательской карьеры. Наоборот, получив строгий выговор, человек остается на работе, а через известный срок не только может, но и обязан добиться его "снятия" решением своей партийной организации. В обстановке того нажима сверху, который был характерен для дел 1968 года, дать участнику протестов строгий выговор означало не столько осудить его, сколько выручить, спасти. Если учесть это, можно предположить, что строгие выговоры в названных выше случаях оказались своего рода компромиссом между партийными коллегами подвергшихся преследованию лиц и официальными представителями районного или городского комитетов партии, которые должны были настаивать на их примерном наказании. Партийные организации ученых как бы говорили: пожа-

луйста, мы их формально осудим, если это так уж требуется, но дайте им спокойно продолжать работу.

Следы аналогичного компромисса лежат и на других случаях репрессий 1968 года в Новосибирске. Как уже отмечалось, увольнение с работы научного работника, которое было самой устрашающей мерой, по закону может быть решено только тайным голосованием членов Ученого совета. И вот о таких случаях в Новосибирске сведений нет. Доктор физико-математических наук Абрам Фет был решением Ученого совета Института математики понижен в должности. Но это, опять-таки, скорее всего оправдывалось желанием оборонить его от худшего. Пониженного в должности есть возможность со временем восстановить на прежнем месте, а уволенного нельзя. Кроме того известны три случая, когда участники письма новосибирцев ушли с работы "по собственному желанию". В Советском Союзе эта стандартная формула означает некую негласную договоренность между дирекцией, которая обязана снять с работы того или иного работника, и самим этим работником. Уйти самому все-таки лучше, чем быть выгнанным, да еще за политическую неблагонадежность, что отмечается специальной записью в "Трудовой книжке". Кроме того, по московскому (и не только московскому) опыту 1968 года, как и последующих лет, известно, что люди, которых высшее начальство требовало наказать, уходили с работы "по собственному желанию", чтобы не вынуждать своих коллег фальшивить, для показа их осуждая.

Наконец, для общего настроения в Академгородке Новосибирска характерно, что молодой физик, сотрудник Института кибернетики Сибирского отделения Академии наук СССР был исключен из комсомола решением районного комитета. Это верный признак того, что на собрании коллег-комсомольцев его исключения провести не удалось.

Таким образом, есть достаточно если не прямых, то косвенных оснований, что ученые Академгородка Новосибирска довольно дружно выражали свою симпатию к 46-ти своим коллегам, подписавшим письмо протеста. Правда, симпатия эта по необходимости выражалась в половинчатых осуждениях или нежелании участвовать даже в них. Но следует взять в расчет, что каждый решившийся открыто поддержать этих 46 немедленно и автоматически попал бы в их ситуацию. И все-таки есть данные, говорящие о том, что в Новосибирске на почве письма 46-ти разыгрывались конфликты между властями и целыми научными коллективами. Так, не добившись, видимо, полагающихся изъятий покорности, администрация Новосибирского университета разогнала отдел математической лингвистики, а грозила закрыть все филологическое отделение. Под угрозой было существование отделения северных языков и сибирской лингвистики в Институте философии, истории и литературы Сибирского отделения Академии наук СССР.⁷

Сказанное, разумеется, не означает, что ученые Новосибирска даже в 1968 году были едино-

душны. "Хроника текущих событий" сообщала имена влиятельных и титулованных научных деятелей, которые отличились в гонениях и выступали с погромными речами.⁸ Все же ясно, что они были тогда в меньшинстве.

Другие научные городки не приняли такого активного участия в протестах 1968 года, как Академгородок Новосибирска. Поскольку большинство из них располагалось неподалеку от Москвы, в некоторых случаях ученые, в них жившие и работавшие, присоединили свои подписи к москвичам. И все-таки имеются данные, подтверждающие, что состояние умов ученых и в других местах внушало властям опасения, вынуждая их на радикальные меры.

Валерий Павлинчук, имя которого уже упоминалось выше, за свое участие в протестах был исключен из партии и уволен с работы в Физикотехническом институте города Обнинска. После этого у него обострилась болезнь почек и он был положен в больницу. Одновременно Павлинчук подал на апелляцию, требуя своего восстановления в партии и его дело должно было разбираться на заседании Калужского областного комитета партии (Обнинск находится на территории Калужской области). Калужский обком отказался отложить слушание дела до тех пор, пока Павлинчук выпишется из больницы, вероятно предпочитая утвердить его исключение при его отсутствии. Но Павлинчук покинул больницу без разрешения врачей, выступил на заседании бюро Калужского обкома с обоснованием своих действий. Однако исключение

из партии было утверждено, а Павлинчук скончался через несколько дней от общего заражения крови. Ему было 30 лет и ответственность за его смерть в общественном мнении ложилась на калужское партийное руководство. Поэтому похороны Валерия Павлинчука, которые прошли в Обнинске при большом скоплении его друзей и коллег, в присутствии таких известных и популярных особенно в то время диссидентов, как Павел Литвинов и Лариса Богораз-Брухман, выглядели как демонстрация и фактически были демонстрацией, хотя в произнесенных на похоронах речах не делалось акцента на общественно-политической деятельности покойного.⁹ Было уже достаточно того, что собралась огромная толпа, не скрывавшая тем самым своего сочувствия к поступкам Павлинчука и возмущения тем, как обошлись с ним власти.

Событие это представилось, по-видимому, властям столь грозным, что в Обнинск был назначен новый секретарь городского комитета партии Новиков, который немедленно приступил к репрессиям. Р. Тошинский, кандидат физико-математических наук, получил строгий партийный выговор. Р. Левит, экономист, был исключен из партии и принужден уйти с работы "по собственному желанию". М. Лохвицкий, редактор местной городской газеты, был тоже исключен из партии и смещен с занимаемой должности. Примечательно, что все эти трое до этих событий были членами Обнинского городского комитета партии. Друг Павлинчука А.Г. Васильев,

начальник лаборатории филиала Физико-химического института имени Карпова, кандидат физико-математических наук, опубликовавший около 50 научных работ, был уволен и вынужден был работать сантехником.¹⁰ Партийная организация отдела Физико-энергетического института, которая прежде избрала Павлинчука своим секретарем, а после его исключения заявила коллективный протест, была распущена.¹¹

В этих и других подобных действиях властей отчетливо прослеживается установка на очищение научных городков от свободомыслящих элементов и изоляцию их от научной среды. О событиях в Новосибирске, например, "Хроника текущих событий" сообщала:

"В Новосибирске основной идеей гонений стало стремление очистить Академгородок, то есть институты СО АН и университет от тех, кто подписал письмо новосибирцев. Это стремление выражалось по-разному: от более или менее настойчивых предложений уйти "по собственному желанию", причем, например, нескольким преподавателям ФМШ (Физико-математической школы — Б.Ш.) даже предложили работу и квартиру в самом Новосибирске, лишь бы не в Академгородке, — до угроз. 36-летний член-корреспондент СО АН Р.Сагадеев предложил "выгнать всех из Академгородка, пусть идут грузить свинцовые чушки"."¹²

В случае с Академгородком изоляция свободомыслящих ученых была особенно насущна

для властей потому, что они находились в непосредственном соседстве с университетом или даже преподавали в нем. Предотвращение влияния таких ученых на студентов представляет постоянную заботу для властей, которые правдами и неправдами неплохо с этим справляются. В условиях научных городков, где при ограниченном количестве населения, личные контакты, естественно, становятся интенсивнее, пресекать интеллектуальные контакты между учеными и учащейся молодежью намного сложнее, чем в больших городах. И, действительно, события 1968 года затронули в том же Новосибирске не только научную, но и студенческую среду, причем приняли в этой последней другую форму. Так, в ночь на 16 января 1968 года на зданиях Академгородка появились исполненные несмываемой масляной краской лозунги протеста по поводу все того же суда над Гинзбургом, Галансковым и другими: "Их преступление — честность", "Прекратите закрытые процессы — мы хотим знать правду", "Статьи, аналогичные 70 и 190, существуют только в фашистских государствах". Длительное расследование, проводившееся КГБ, в конце-концов обнаружило, что виновниками были студенты Новосибирского университета. Но не столь важен даже сам этот факт, так как аналогичные имели место и в других местах, сколько нравственная атмосфера в среде новосибирского студенчества, которое упорно защищало своих товарищей.

Несмотря на невиданную по советским масштабам дерзость содеянного, власти не решились

арестовать тех, кто писал лозунги на стенах. КГБ лишь пригрозил этим на тот случай, если студенты не исключат их из комсомола и не поддержат их отчисления из университета. В сущности это был ультиматум, предъявленный комсомольцам Новосибирского университета. Их общая позиция сомнений у КГБ не вызывала и вот именно ее-то надлежало сломить. В конечном счете в результате прямого давления со стороны городского партийного руководства и КГБ, удалось добиться исключения провинившихся студентов на комсомольских собраниях, хоть не всегда требуемым по уставу большинством в 2/3 голосов, но при этом собрания настаивали, чтобы все обвиненные были оставлены в университете. Практически, как и в некоторых случаях с учеными, речь тут шла не о демонстрации верноподданных чувств, как это полагалось бы по советской традиции, не о безоговорочном гневном осуждении дерзких протестантов, а о торговле с властями с целью защитить товарищей. В конце концов все прямые участники этого дела были исключены из комсомола и из Новосибирского университета без права поступления в какое-либо высшее учебное заведение в течение двух лет.¹³ Но и это не предотвратило появления в Новосибирском Академгородке 25 августа 1968 года новых надписей на зданиях, осуждавших на этот раз оккупацию советскими войсками Чехословакии. Один из лозунгов гласил: "Варвары, вон из Чехословакии!" Виновные найдены не были.¹⁴

Следует отметить, что сравнительное изоби-

лие сведений об оппозиционных настроениях ученых в Новосибирске и Обнинске и почти полное отсутствие таких сведений относительно других научных городков не должно восприниматься как достоверное отображение реального положения дел. Сведения эти заимствованы мной главным образом из "Хроники текущих событий", информированность которой, особенно в 1968-х годах, когда она еще только начинала выходить, не была, да и не могла быть универсальной. Кроме того, поскольку сама "Хроника" возникла сначала из желания опубликовать материалы, отражающие преследования защитников Гинзбурга и его товарищей, на этих преследованиях делался особый акцент. Не все события, связанные с оппозиционными настроениями ученых, и в тот, первоначальный период правозащитного движения в Советском Союзе, и позднее попали в "Хронику".

Показательно, например, сообщение самой "Хроники" о событиях, имевших место в научном городке Пушкино-на-Оке весной и летом 1969 года. Двое научных сотрудников Института биофизики, который был переведен туда из Москвы, отдыхали в одной из деревень на Енисее. Местные жители написали на них донос в КГБ, сообщая, что они вели разговоры, "граничащие с антисоветской агитацией". Кроме того, они слушали магнитофонные записи песен неофициального поэта Юлия Кима. КГБ передал это дело в Институт биофизики. Начались обычные в таких случаях разбирательства на партийном собрании института, собрании "актива" ин-

ститута и на Ученом совете. "Хроника текущих событий" сообщала:

"Участники партсобраний дружно осуждали поведение Абакумова и Дионисиева, однако не формулировали организационных выводов, и ходатайство об увольнении было записано в решение по предложению представителей райкома".

О собрании "актива" в "Хронике" говорится:

"Большинство выступавших на активе резко критиковали Абакумова и Дионисиева, но единодушного осуждения не получилось. Зав. лабораторией Дубровин дал Абакумову и Динисиеву положительные производственные и личные характеристики. Состоялось несколько выступлений в защиту "обвиняемых". Выступавшие, в частности, возмущались тем, что Абакумов и Дионисиев не были приглашены на актив".¹⁵

Этот, казалось бы, случайный и мало значительный эпизод показывает, во-первых, что в среде ученых откровенные политические разговоры, которые колхозникам кажутся едва ли не подрывными, вошли в обычай, и, во-вторых, что в этой среде желание защитить своих коллег от преследований превалирует над официальными предписаниями примерно их наказать. Очевидно, что не будь случайного доноса енисейских колхозников, имена двух сотрудников Института биохимии из научного городка Пушкино не попали бы в "Хронику" и никто не знал

бы о вольномыслии Абакумова и Дионисиева. По свидетельству кандидата физико-математических наук Юрия Мнюха, который работал в Пушкино, а сейчас находится в Соединенных Штатах, среди местных ученых имела довольно широкое хождение литература "самиздата". По его же сообщению, в 1968 году, после вторжения советских войск в Чехословакию, больше половины сотрудников одного конструкторского бюро в Пушкино воздержалось от голосования, когда их собрали для того, чтобы они приняли резолюцию с одобрением действий правительства. Примечательно, что и сам Юрий Мнюх впоследствии стал активистом правозащитного движения, членом ныне знаменитой Московской Хельсинкской группы. Из научного городка Обнинска вышли такие известные диссиденты, как физик Валентин Турчин и биолог Жорес Медведев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 Интервью с доктором физико-математических наук В.Ф. Турчиным.
- 2 "Вестник Академии наук СССР", № 1, 1970.
- 3 "Хроника текущих событий", "Посев", Первый специальный выпуск, август, 1969, стр. 63.
- 4 Там же, Шестой специальный выпуск, февраль 1971, стр. 35.
- 5 "Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой". Составление и комментарии Павла Литвинова. Фонд имени Герцена. Амстердам, 1971, стр. 325.
- 6 "Хроника текущих событий", "Посев", Первый специальный выпуск, август 1969, стр. 10, 15, 17.
- 7 Там же, стр. 19.
- 8 Там же, стр. 19.
- 9 Там же, стр. 51.
- 10 Там же, стр. 51.
- 11 Там же, стр. 17.
- 12 Там же, стр. 19.
- 13 Там же, стр. 44.
- 14 Там же, стр. 63.
- 15 Там же, Второй специальный выпуск, стр. 36-37.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ*

Статья 1 Пакта о гражданских и политических правах гласит:

1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте Государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несамоуправляющимися и неподопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право.

1. Очевидны трудности толкования термина *народ* в этой статье, причем эти трудности равным образом касаются всех федеративных государств, национальные меньшинства которых, обычно называемые народами в демогеографическом смысле, могли бы претендовать на самоопределе-

* Из доклада "О соблюдении Советским Союзом Пакта о гражданских и политических правах", подготовленного Институтом Социалистического права по заказу Государственного департамента США.

ние и свободное установление своего политического статуса.*

Советский Союз состоит из пятнадцати союзных республик и из большого количества автономных республик, автономных областей и национальных округов. Некоторые национальные меньшинства, которые вполне вправе претендовать на то, чтобы называться отдельным народом, не учтены в этом административном делении. Согласно советской Конституции, право на самоопределение, точнее — право на выход

* Не прибегая к подробному анализу термина *народ*, отмечу, что в документах Объединенных Наций термин *народ* употребляется и тогда, когда речь идет о народе в демогеографическом смысле, и тогда, когда речь идет о народе, имеющем государственность, в отличие от термина *нация*, который употребляется обычно, когда речь идет о народе, имеющем государственность. Последнее подтверждается самим названием Организации Объединенных Наций, членами которой могут быть только государства, т.е. представители народов, имеющих государственность. Как можно судить по многим документам, термин "народ" употребляется в более широком смысле. Резолюция 1803 (XXVII) Генеральной Ассамблеи 14 декабря 1962 г. о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами дает пример употребления терминов "народ" и "нация" одновременно, когда речь идет о праве народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами. В документах ООН также употребляются понятия "национальные меньшинства" и "этнические группы" — далеко не всегда можно провести строгое разграничение между этими понятиями и понятием "народ".

из Советского Союза, признается только за союзными республиками: нигде не сказано о праве на самоопределение автономной республики — ни о праве ее выхода из состава Союза, ни о праве ее перехода в другую союзную республику, ни о ее праве изменения своего статуса автономной республики.* То же самое касается автономных областей и национальных округов. Сказавши это, я ограничусь обсуждением права народов союзных республик на самоопределение, оставляя в стороне вопрос о таковом праве народов, не имеющих союзно-республиканской государственности. Однако, в обсуждении второго пункта этой статьи естественно отойти от такого искусственно узкого толкования термина *народ* и понимать под народом достаточно многочисленную этническую группу, которая в историческом и географическом смысле обычно считается народом.

Право народа свободно устанавливать свой политический статус

2. В советской юридической литературе издавна принято считать, что это право народа союзной республики полностью обеспечено тем фактом, что и в Договоре об образовании СССР 1922 г., и в Конституции 1977 г., и в предшест-

* Между тем это важная проблема. Известно, что население Абхазии не раз поднимало вопрос о получении для Абхазии статуса союзной республики.

вовавших Конституциях есть статья о праве союзной республики на выход из Советского Союза. Представитель СССР в Комитете прав человека подтвердил, что это право может быть использовано, сославшись на то, что союзные республики имеют общую границу с государствами, не являющимися частью Советского Союза. Хотя указанный факт является немаловажным обстоятельством в обсуждении возможности фактического отделения союзной республики, однако справедливость этого факта сама по себе еще не обеспечивает действительной возможности выхода союзных республик из состава СССР.

3. Не существует ни одного законодательного акта, предусматривающего процедуру отделения союзной республики от Союзного государства, процедуру возбуждения дискуссии на эту тему или процедуру принятия решения. Упоминания о подобных процедурах нет даже в первоначальном договоре об образовании Союза Советских Социалистических Республик 1922 года, где сказано лишь, что "за каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза" (ст. 26).

4. Нет в законе и описания процедуры лишения союзной республики ее статуса. В 1956 г. Карелофинская ССР была преобразована в Карельскую автономную республику законом, принятым Верховным Советом СССР 16 июля 1956 года со ссылкой "на пожелания трудящихся" этой республики, причем эти пожелания не

были выявлены какой-либо юридической процедурой вроде референдума, что дает основания сказать, что в юридическом смысле этих пожеланий просто не существовало. В принципе у союзной власти остается возможность лишить статуса союзной республики любую республику в том случае, если она будет склоняться к отделению от Союза.

5. Поскольку в законах нет никаких указаний на процедуру решения вопроса о выходе союзной республики, естественно считать ответственным за принятие такого решения высший орган власти союзной республики — Верховный Совет Союзной республики. Однако из нижеследующего ясно, что Верховный Совет союзной республики не является тем органом, через который народ союзной республики может свободно устанавливать свой политический статус. Как это известно, вся деятельность государственных органов, в том числе деятельность, связанная с организацией выборов в верховные советы союзных республик, контролируется Коммунистической партией Советского Союза, причем при построении структуры коммунистической партии не использован тот принцип национальной автономии, который формально использован при построении структуры государственных органов: хотя в названии республиканских партийных организаций отражено, в какой национальной республике действует данная партийная организация* (например, в Украинской ССР —

* За исключением, однако, Российской Федерации.

это коммунистическая партия Украины, в Грузинской ССР — это коммунистическая партия Грузии и т.п.), однако эти республиканские партийные организации согласно Уставу КПСС всего лишь части КПСС, и их задача наряду с краевыми, областными, окружными, городскими и районными партийными организациями состоит в том, чтобы на подведомственной им территории проводить "всю работу по осуществлению политики партии" и организовывать "исполнение директив Центрального Комитета КПСС" (Устав КПСС, ст. 41). В структуре Коммунистической партии Советского Союза республиканские коммунистические организации не имеют никакой автономии, и в Уставе КПСС нет ничего, подобного праву республиканских коммунистических организаций на отделение.

Из сказанного ясно, что отделение республики могло бы произойти только с согласия Коммунистической партии Советского Союза, что означает, что ни один народ, имеющий союзную республиканскую государственность в составе СССР, включая русский народ, не может свободно установить свой политический статус.

6. Нет признания права народа свободно установить свой политический статус, если не допускается свобода обсуждать вопрос о политическом статусе. Хотя в законе нет прямого за-

прещения обсуждать этот вопрос и хотя в уголовном законе не предусмотрено наказание за обсуждение этого вопроса, практика показывает, что лица, которые пытались обсуждать вопрос об отделении союзной республики, подвергаются уголовным наказаниям по обвинениям в антисоветской пропаганде, причем возможны в таком случае обвинения в возбуждении национальной вражды или даже измене родине (ст. 1, 7, 11 Закона о государственных преступлениях).

В 1961 г. Львовский областной суд (Украина) в закрытом заседании признал виновными в "антисоветской агитации и пропаганде" и в "измене родине" семерых украинцев, среди них — юриста Л. Лукьяненко. Лукьяненко был приговорен к расстрелу, но Верховный суд УССР заменил расстрел 15 годами лагеря строгого режима. Единомышленники Лукьяненко были приговорены к лагерям строгого режима на сроки от 10 до 15 лет. Их "особо опасное государственное преступление" заключалось в том, что они, основываясь на Конституции, хотели добиться мирными законными средствами (агитируя за проведение референдума) самоопределения Украины, для чего основали Украинский рабочекрестьянский союз. В приговоре значилось, что обвиняемые "ставили своей целью борьбу против советского государственного строя, КПСС и ее марксистско-ленинской теории, отрыва Украинской ССР от Союза ССР и создания так называемой самостийной Украины".

(*Документы Хельсинкской группы, вып. 6, стр. 15;*
Хроника текущих событий, вып. 50, стр. 76).

Литовец Генрикас Яшкунас был арестован в конце 1976 г. и осужден по ст. ст. "измена родине" и "антисоветская агитация и пропаганда" за распространение

ние Манифеста Союза организаций независимых народов, статей и листовок, в которых излагался план преобразования Советского Союза в Федерацию независимых республик со своими армиями, что, по мысли автора, являлось бы гарантией их суверенности и права на самоопределение. Приговор — 10 лет лагеря особого режима и 5 лет ссылки.

(Хроника текущих событий, вып. 51, стр. 210)

В приговоре Роберта Назаряна, признанного Верховным судом Армянской ССР виновным по ст. "антисоветская агитация и пропаганда" записано:

В январе-марте 1977 г. Назарян в гор. Ереване, у себя на квартире, изготовил статью, озаглавленную "Открытое письмо президенту США Картеру", которую вместе с приобретенными им "Программой" и "Уставом" нелегальной антисоветской группы, именовавшейся "Национальной объединенной партией", размножил и распространил. В них возводится клевета на советскую действительность, делается призыв к борьбе за выход Армении из состава Союза ССР и создание так называемого "независимого армянского государства", заведомо ложно утверждается, что якобы русский народ и советское правительство преследуют цель лишения независимости малых народов.

(Хроника текущих событий, вып. 51, стр. 9).

7. В основном все гарантии прав, содержащиеся в Пакте, касаются уважения и обеспечения прав всем, находящимся на территории государства и под его юрисдикцией. Однако, ст. 1 выделена в отдельную часть и трактует обо всех народах, независимо от того, находятся ли эти народы под юрисдикцией государства — участника Пакта. В силу статьи 1 п. 3 Советский Союз обязался "Поощрять осуществление права

на самоопределение и уважать это право” для всех народов, поэтому к вопросу о соблюдении Пакта Советским Союзом относится, в частности, вопрос о том, не препятствует ли он самоопределению народов, не находящихся под юрисдикцией и не участвует ли он в международных организациях, которые фактически препятствуют самоопределению народов.

8. Территория Прибалтийских государств — Литвы, Латвии и Эстонии — была занята советскими войсками в 1940 г. в соответствии с советско-германским договором о дружбе и границе 1939 г. Несмотря на то, что впоследствии этот договор был денонсирован, эта территория не была освобождена.

Прибалтийские государства были присоединены к Советскому Союзу в качестве союзных республик со ссылкой на просьбу сеймов Литвы и Латвии и на просьбу Государственной думы Эстонии.* Какова бы ни была процедура, с помощью которой было оформлено вступление этих государств в состав Советского Союза, она должна считаться неадекватной тому, что следует считать выражением свободной воли народа, поскольку в то время советские войска уже оккупировали территории этих государств. Со времени вступления Пакта в силу, Советский Союз не предпринял ничего, что можно было бы истолковать, как намерение выявить действительные пожелания народов Прибалтийских государств и проявить уважение к их праву на самоопределение.

* Законы СССР от 3,5,6 августа 1940 г.; СЗ СССР, 1975, т. 1.

9. В послевоенное время на территории Восточной Европы Советский Союз продемонстрировал активные усилия по установлению удобных ему политических режимов в странах сферы своего влияния. Формально народы этих стран сохраняют свою собственную государственность, однако, находятся в сильной политической зависимости от Советского Союза, причем, не только в том, что касается их международного поведения, но и в том, что касается их внутреннего устройства и внутренней политики. Массовые выступления в Восточной Германии, в Венгрии (1956 г.), в Чехословакии (1968 г.) и в Польше достаточно убедительно демонстрируют тот факт, что народы тех стран предпочли бы воспользоваться своим правом на самоопределение, если бы у них была для этого возможность. Со времени вступления Пакта в силу Советский Союз не предпринял никаких шагов, которые свидетельствовали бы о его намерении уважать в дальнейшем право этих народов на самоопределение.

В 1968 г. после вступления войск Варшавского Пакта в Чехословакию в некоторых советских публикациях и советских официальных заявлениях высказывалась доктрина, которая в западной литературе получила название "Доктрины ограниченного суверенитета".

Согласно этой точке зрения, которую, по-видимому, разделяет Советский Союз, социалистические государства Восточной Европы могут считаться суверенными государствами лишь до тех пор, пока с точки зрения их партнеров по Вар-

шавскому Пакту ничто не угрожает основам существующего политического строя в этих государствах. Коль скоро имеется реальная угроза существенного изменения политического строя или, как выражаются сторонники этой доктрины, угроза социализму, государства — участники Варшавского Пакта могут счесть себя вправе нарушить суверенитет такого государства, как это было продемонстрировано в 1968 году.

Интервенция Советского Союза в Афганистане является прямым и грубым нарушением статьи Пакта о праве на самоопределение.

Дискуссия. Проф. Л. Липсон (Йельский университет) обратил мое внимание на то, что в современном международном праве положение сателлита (имеются ввиду, например, страны Восточной Европы) не является нарушением права на самоопределение. Даже если мы согласимся считать, что наличие слишком тесных взаимосвязей между государствами, при которых политический строй и политика одного государства определяется пожеланиями другого государства, не является нарушением права на самоопределение, даже в этом случае прямое иностранное военное вмешательство, приведшее к смене правительства государства, следует считать нарушением права народа на самоопределение.

Я считаю, что, если в международном праве принято считать, что право на самоопределение народов Восточной Европы не нарушается, то это либо удобная формальная презумпция, либо следствие того, что советская правовая доктрина оказала сильное влияние на международное право — свидетельство последнего можно видеть и на других примерах.

Термин *самоопределение* означает, согласно словарию Webster's (Tvenel books, N.Y. 1978) „The right of the people to decide upon it's own political status or form of

government". В этом же значении употребляется этот термин в документах ООН. В декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам* говорится:

"2. Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие".

Право народа свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие

10. Ни один народ в Советском Союзе, включая русский, на практике не может осуществить свое право свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие в силу тотального контроля государственной, общественной и культурной жизни со стороны Коммунистической партии Советского Союза. В результате этого контроля осуществимыми на практике являются только те способы и цели экономического, социального и культурного развития, которые оказываются соответствующими идеологии и политике коммунистической партии.

11. Согласно Конституции СССР (ст. 73), к ведению Союза ССР отнесено "проведение единой социально-экономической политики, руководства экономикой страны", что само по себе ограничивает право народов, даже имеющих

* Резолюция 1514 Генеральной Ассамблеи, 14 декабря 1960 г.

союзно-республиканскую государственность в СССР, свободно обеспечивать свое экономическое и социальное развитие.

12. Запрещение частного предпринимательства в экономической сфере несовместимо с правом народов свободно обеспечивать свое экономическое развитие, поскольку свободное развитие предполагает свободный выбор форм этого развития. Это запрещение выражено в Конституции статьей 10, в которой сказано, что основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности, а также административным и уголовным преследованием частной предпринимательской деятельности, за исключением небольшого числа незапрещенных кустарных промыслов при условии, что эти промыслы не связаны с использованием наемного труда (см. УК РСФСР, ст. ст. 153, 154, 162).

13. Наличие предварительной государственной цензуры в области печати и иных средств распространения информации несовместимо с правом народов свободно обеспечивать свое культурное развитие. Деятельность предварительной цензуры регулируется неопубликованными актами правительства. Партийный и государственный контроль потоков информации обеспечивается также тем, что все средства информации принадлежат государству и партии или общественным организациям, контролируемым государством и партией. Существует специаль-

ное запрещение на типографский промысел, существует контроль за копирувальными аппаратами; Постановлением Верховного Суда (но не законом) установлено уголовное наказание за пользование радиопередатчиками без государственного разрешения. (Сборник постановлений Пленума Верховного суда СССР, 1924-1970, 1970, стр. 515.)

**Право народов
свободно распоряжаться своими естественными
богатствами и ресурсами**

14. Согласно ст. 11 Конституции СССР, в исключительной собственности государства (т.е. Союза ССР) находятся: земля, ее недра, воды, леса, несмотря на то, что в договоре 1922 г. об образовании Союза не сказано, что республики передают в собственность союзного государства эти свои естественные богатства и ресурсы. В известной мере народы этих республик по-прежнему могут распоряжаться этими ресурсами, хотя бы и не располагая ими как своей собственностью.

**Право народа
не быть лишенным принадлежащих ему
средств существования**

15. В сороковых годах ряд советских народов был выселен со своих исторических территорий в порядке репрессивной акции. Впоследствии многие из этих народов были возвращены на их территории. Однако крымские татары,

грузинские месхи, немцы Поволжья, хамшелы остаются по-прежнему лишенными принадлежащих им средств существования — исторических территорий и естественных ресурсов, им принадлежавших издавна. Многолетние попытки многочисленных активистов из числа крымских татар вступить в диалог с правительством относительно возвращения на принадлежащую этому народу территорию вызывают репрессии властей.

16. Крымские татары были выселены из Крыма в 1944 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР. 25 июня 1946 г. Крымская автономная республика была переименована в Крымскую область. В 1956 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о снятии ограничений по спецпереселению, в частности, с крымских татар, согласно которому переселенцы снимались с учета спецпоселения и освобождались из-под административного надзора органов МВД. Однако тот же указ установил, что "снятие ограничений с указанных лиц и членов их семей не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении".

В 1967 г. было издано постановление Президиума Верховного Совета СССР, разъясняющее, что крымские татары пользуются, как и все граждане Советского Союза, правом проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме. Однако запрещение крымским татарам возвращаться в ме-

ста, откуда они были выселены, т.е. на исторически принадлежащую им территорию, осталось в силе, хотя и не является основанным на каком-либо опубликованном правительственном акте. Крымских татар по-прежнему официально считают спецпереселенцами, что видно из следующего документа — ответа на запрос администрации места заключения, в котором содержался крымскотатарский активист Мустафа Джемилев, по поводу того, возможно ли направить Джемилева после освобождения в Крым к его родителям (Курсив мой — В.Ч.) :

Исх. № 22	692710, Приморский край
от 28/10-1977 года	Хасанский р-н,
	Учреждение У11 267-26
	Начальнику Учреждения

на В/1 30/26-5210-А от 3/Х-77 г.

Родители осужденного Джемилева Мустафы проживают на территории Белогорского района с грубейшим нарушением паспортного режима и без прописки. Как *спецпереселенцам* им прописка в Крыму ограничена. В связи с вышеизложенным направлять в Крым Джемилева М. нецелесообразно, так как ему в прописке будет отказано.

Председатель наблюдательной
комиссии при исполкоме Бело-
горского райсовета народных
депутатов подполковник —
Цапенко (подпись) *

* Документ приведен по копии, имеющейся в архиве „Khronika Press”

17. Попытки крымских татар селиться в Крыму вызывают репрессии и конфискацию купленных ими в Крыму строений, несмотря на гарантированную законом свободу выбора места жительства. Положение усложняется тем, что при покупке дома власти не утверждают договор купли-продажи, пока у нового владельца нет прописки о проживании в данной местности. Прописку же невозможно получить, не имея места для жительства, т.е. в данном случае до того, как куплен дом.

15 августа 1978 г. Совет Министров СССР издал специальное постановление "О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области",* являющееся ответом на попытки крымских татар приобретать строения в Крыму и поселяться там. Постановление, в частности, имеет в виду лиц, прибывающих в Крымскую область в *неорганизованном порядке*** и проживающих без прописки и регистрации, — такие лица удаляются из области органами внутренних дел. Предусмотрено также выселение граждан, проживающих в Крыму, если они допустили проживание с ними других лиц без прописки и регистрации, если при этом они дважды в течение года подвергались административным взысканиям. Выселение проводится на срок до 2-х лет по решению исполнительных комитетов. Это исключительное постановление,

* Опубликовано в "Хронике защиты прав в СССР", №35.

** Имеется в виду тот факт, что одновременно проводится организованное заселение Крыма лицами, не принадлежащими к крымскотатарскому народу.

касающееся специально Крымской области, является попыткой узаконить практику, которая применялась милицией Крымской области в течение многих лет в стремлении приостановить попытки крымских татар поселяться в Крыму.

Репрессивные меры, предусмотренные в отношении жителей Крымской области на срок до 2-х лет — являются незаконными, поскольку по определению Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик удаление лица из места его жительства с запрещением проживания в определенных местностях является высылкой — одним из уголовных наказаний (ст. 24), а в соответствии с теми же Основами (ст. 3) "уголовное наказание применяется только по приговору суда".*

18. Следует рассматривать как частичное лишение народа принадлежащих ему средств существования случаи поощрения правительством межреспубликанского переселения.** Одним из таких постановлений является Постановление Совета Министров СССР (см. "Известия", 21 августа 1973 года), устанавливающее особые льготы лицам, переселяющимся в сельскохозяйственные области республик Закавказья.

* В истории советского административного права встречались случаи, когда меры, подпадающие под определение уголовного наказания, применялись в административном порядке. Подобные прецеденты, однако, не делают такие административные наказания законными, если на эту тему не издан закон.

** Сказанное не относится к естественной миграции населения.

зья, Средней Азии, Украинской и Белорусской ССР, автономных республик Дагестанской, Башкирской, Тувинской и республик Поволжья, а также в районы Урала, Сибири, Приморского и Хабаровского краев, Камчатской области, а также Вологодской области. Судя по перечню районов льготного переселения, союзные правительства поощряют переселение населения европейской России, в том числе на территории национальных республик.

Из предыдущей практики известно активное заселение русскими переселенцами районов Прибалтийских республик и Колхидской низменности в Грузии. Насколько известно, не существует никакой процедуры, в соответствии с которой правительство национальной республики могло бы препятствовать переселению на свою территорию лиц других национальностей.

Семен Глузман

СТРАХ СВОБОДЫ:

**декомпенсация психического состояния
или феномен существования?**

”Форма поведения адаптивна, если она удерживает существование переменных в физических пределах”

*(ЭШБИ, ”Конструкция мозга” *)*

”Я в страхе живу. Я боюсь, когда пишу и говорю. Я испытываю страх даже когда говорю сам с собою, когда молчу или думаю”.

*(Антониу Феррейра,
португальский поэт, 1528-1569).*

Если вы сообщите практикующему психиатру о том, что ваш родственник N. высказывает желание ”просто так” попасть в психиатрическую больницу в качестве пациента или в пенитенци-

* William Ross Ashby. Deseign for a Brain: the Origin of Adaptive Behavior, изд. 2, Нью-Йорк – Лондон, 1960; полное русское название: Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения, М., 1964.

арное учреждение в качестве больного по той причине, что он боится жить на свободе, то в ответ вы услышите: "Обязательно приведите своего родственника ко мне, возможно, у него расстроена психика..." Как правило, так и бывает. Страх свободы, явление в достаточной степени необычное и редкое, вызывает недоумение у "земных" окружающих, которые в массе своей и составляют так называемую психическую норму. Разумеется, сам по себе страх свободы (как и суицидальная попытка, например) не характеризует кого-либо однозначно в качестве лица, нуждающегося в психиатрической помощи.

В течение ряда лет, находясь в среде политических заключенных, я наблюдал страх свободы как выразительный феномен у ряда лиц, в особенности у тех людей, сроки заключения которых превышают 20-25 лет. Находясь с ними в регулярном взаимном общении, я имел возможность убедиться, что предстоящее освобождение из лагеря переживается многими из них как событие, вслед за которым их ожидают массивные и непреходящие отрицательные переживания.

Казалось бы, после стольких лет тягот и лишений приближается радостный день освобождения, появляется надежда на устройство личной жизни... и вдруг страх. Кто же они, эти люди, можно ли рассматривать их психику как болезненно измененную, или это страх — признак адаптации, здоровое ожидание в будущем экстремальной социогенной ситуации, на самом деле имеющей место в жизни?

В отличие от гнева социальная престижность страха не высока. О своем страхе не всегда и не всем рассказывают, в среде взрослых мужчин его даже предпочтительнее скрывать. Сам по себе страх не является психопатологическим феноменом. Страх — чаще всего не болезнь, но он может привести к болезни. Он — сигнал о жизненной опасности, сознание своих недостаточных возможностей. Так может у политзаключенных был превышен предел физиологической и психологической выносливости по отношению к отрицательным воздействиям среды, предел, существующий у любого здорового человека?

В течение длительного времени я общался с этими людьми, делил с ними еду, радости и боль, и никогда не возникало у меня сомнение в их психическом здоровье. Испытываемый ими перед освобождением из лагеря страх — свидетельство их здорового рассудка, нравственной сохранности и трезвого отношения к проблемам мира. Их страх мотивирован и объясним. Я изучал их изо дня в день, от события к событию, исследовал самыми надежными методами "клинического" наблюдения в естественных условиях лагерной жизни. Изоощренные психологические тесты и многоканальные энцефалографы не сумели бы убедить меня больше, чем обыкновенная психиатрическая рефлексия в часы бессоницы и отупляющей работы. Рефлексия — единственный возможный метод исследования в этих условиях, единственный и точный.

Почти все эти люди принадлежат к категории националистов. Они росли и воспитывались в

традиционной национальной среде Украины, Литвы, Латвии, Эстонии в крестьянских семьях. Специфика исторической ситуации вынудила их в той или иной степени участвовать в национально-освободительной борьбе, что и привело их в дальнейшем в лагерь. В этот период их мировоззрения и поступки не были оппозиционны моральным ценностям и социальным эталонам референтной среды, отстаивавшей свою самобытность и политическую независимость. Пережив чрезвычайно значимые для психики стрессы военного и политического поражения, пытки и унижения следствия, длительное ожидание исполнения приговора в смертных камерах и т.д., они сумели сохранить способность ориентироваться в себе и в мире, сохранили нравственные ценности и нормы (как правило, традиционно христианские).

Всю систему взаимоотношений в лагере, свойственные ей моральные эталоны и психологические константы, внутренние информационные структуры и заметное ролевое подразделение, можно в целом рассматривать как стабильную субкультуру (малочисленность здесь, как известно, явление преходящее). Личность, определявшаяся в большом обществе как неконформистская, здесь при неизменности ее нравственных установок вливается в существующую субкультуру, по отношению к которой она является конформной. *

* Поскольку цели данной статьи большего не требуют, я сознательно пользуюсь упрощенной схемой правового поведения, сводя все его многообразие к двум крайним вариантам "конформизму-неконформизму".

Данная субкультура, открыто заявляющая свое негативное отношение к нормам и целям большой культуры, помогает отдельной личности определяться и существовать в условиях многомесячной оторванности от традиционной среды. Субкультура, включающая в себя ощутимые стимулы и санкции, направляет человека в соответствии с им самим избранными целями и методами их достижения. Таким образом, изолированный на длительный срок человек, все прежние связи, стереотипы и предпочтения которого грубо оборваны, не остается в психологическом вакууме. Довольно скоро формируется новый модус существования, происходит включение в систему неофициальной коммуникации, личность продолжает жить в динамичной атмосфере наполненного событиями времени и обычных человеческих взаимоотношений. С годами тускнеют представления о большом мире, но это отчуждение от прежней жизни легко переживается за счет укрепляющегося сознания внешней своей свободы в пусть и малочисленной, но реальной среде таких же свободных людей. Человек, по Бердяеву, становится личностью лишь тогда, когда он может превзойти всякую социальную и иную реальность, упразднить ее и создать свою собственную реальность в результате творческого акта своего индетерминированного "я".

Этот выбор субкультуры, позиции — сугубо добровольный. Всегда существует возможность все изменить, отойти в сторону большого общества; именно такое осознание факта "моя

судьба зависит от меня, моего слова, моей позиции” укрепляет в совершенном выборе. По-видимому, спокойствие и внутренняя сила в экстремальных условиях существования основаны на живущей в подсознании и периодически актуализирующейся в сознании возможности иного решения. Отсюда развивается достаточно высокий уровень самооценки, позволяющий использовать широкие возможности на тактическом поле.

Проходят годы. Человек давно покинул семью, естественное независимое развитие судьбы. Мир по ту сторону колючей проволоки представляется некоей аморфной массой, где твое место давно занято другими. Многие изменилось, ушло вперед, стало совершенно чужим, враждебным. Пассажирские самолеты, быстроходные корабли, спешащие люди — все это есть в кинофильмах. И все — непонятно: как стоять на эскалаторе, как говорить с незнакомыми, как звонить по телефону-автомату, как?.. Представьте: человек приходит в мир, где его никто не знает, где всем он кажется странным. Король разгуливает нагишом, а все восхищаются его ”новым” убранством. И требуют того же от новоприбывшего. Зачем? — ”так надо”. В этом ”так надо” суть долгожданной свободы. Но и без всех историко-политических реалий: такой человек — проснувшийся добряк и неудачник Рип Ван Винкль из новеллы В. Ирвинга. Из системы неофициальной коммуникации и собственных наблюдений человек составляет картину предстоящей ему свободы как чего-то тя-

гостного и непреходящего, даже враждебного и опасного. Очевидные факты из писем уже освободившихся товарищей укрепляют такие ожидания.

Так появляется страх. Всех заключенных, высказывающихся о страхе перед предстоящим освобождением, невозможно отнести к какой-либо одной психологической группе, одному типу. Схожесть их исчерпывается биографиями и социальными ориентациями. По-разному реагируют они на воздействие эмоциогенных стрессоров; по-разному переносят физические лишения и тяготы, боль; разные позиции занимают в жизни лагеря (пассивную, активную, смешанную). Уровень самооценки, коммуникабельность, ролевое поведение, тревожность, интеллектуальный уровень, — все это никак не увязывается с "результатирующим" страхом. Ни у одного из них я не наблюдал продуктивную психопатическую симптоматику. У некоторых (очень немногих) в прошлом были суицидальные намерения и, даже, попытки, но всегда они были связаны с особыми условиями существования в тот или иной период жизни ...

Страх свободы не является острой реакцией на ситуацию и стресс; во всех без исключения случаях для него характерны протяженность во времени, длительность и постепенность формирования. Собственно психиатрический анализ должен состоять не только из альтернативной квалификации "психическое заболевание или нормальная реакция", но и дифференциального перебора всех "подходящих" в данном случае форм патологии. Необходимость эта вытекает

из неопределенности содержания и границ самого понятия психической патологии, включающего в себя различные и несуммирующиеся единицы. Тем более, что феномен страха присущ и больному и здоровому сознанию.

Серен Киркегор различал два вида страха, *Furcht* and *Angst*.^{*} *Furcht* — это аффект перед лицом враждебного мира, который хочет уничтожить человека, причинить ему страдания. Этот страх относится к бытию; он связан с более или менее точным знанием того, чего следует бояться, поэтому, с другой стороны, связан с мужеством, смелостью, которые преодолевают страх.

Angst — страх "мировоззренческий"; Киркегор характеризует его как страх свободы, но вкладывает в определение вовсе тот конкретный смысл, который интересует сейчас нас. *Angst* — неопределенное, ненаправленное чувство, необоснованное настроение.

К. Ясперс (философ и психиатр-клиницист) так определяет оба вида страха: *Furcht* направлен на что-то, *Angst* беспредметен. Страх свободы у политзаключенного вовсе не беспредметен он — не *Angst*. Человек готовится предстать перед лицом чужого враждебного мира, не ожидать ниоткуда поддержки и солидарности; человек знает, чего следует бояться, и страх его

* См. его книгу „Frygt og Bæven” (“Страх и трепет”), Копенгаген, 1843.

не переходит в отчаянье, не заканчивается личным психологическим поражением. Потому что он преодолевается мужеством.

Я не случайно обратился к дефинициям Киркегора. За этими экзистенциалистскими формулировками следуют конкретные психиатрические понятия: беспредметный страх является дифференциальным признаком развивающегося психоза, шизофрении; Furcht — это уже не шизофрения!

Нет смысла перечислять все выделенные формы психической патологии. Страх, в том виде, в каком он проявляется у политзаключенных перед освобождением, позволяет рассматривать только несколько нозологических единиц, общепринятых среди нозологически ориентированных психиатров. Мне представляется удобным использование с этой целью реалистической и конкретной систематики профессора Brautigam W., изложенной в его книге „Reaktionen, Neurosen, Psychopathien“, Stuttgart, 1969.

Из триады ”невротические развития — конфликтные реакции — психотические развития” последние нет необходимости рассматривать, так как весьма ограниченный круг психотических развитий по Бройтигаму никак не может быть соотнесен с исследуемым нами страхом свободы как эквивалент или включающая его форма.

В группе невротических развитий Бройтигам описывает фобический невроз страха, перечисляя входящие в него формы патологии: агорафобию, страх высоты и т.п., но страха свободы

он не упоминает. Разумеется, не только потому, что в Штутгарте нет лагерей политзаключенных-двадцатипятилетников. Такой формы патологии психиатры пока не знают; несмотря на существование новых, ранее неизвестных факторов, характерных для современной жизни, собственно новые неврозы не наблюдаются (Й.-Э. Мейер, Сборник "Патоморфоз клинической картины психических болезней", 1973).

Невроз — это функциональный распад автоматизированных функций, патологическая деавтоматизация. * Мышление невротика, наполненное эмоциональным значением, есть его обычное отношение к реальности; невротические симптомы возникают, когда чрезмерный по силе или длительности воздействия стрессор оказывается проводником магических представлений в логическое мышление (Serban). В этом отношении дифференциация невроза от страха свободы у политзаключенных незатруднительна: негативные ожидания, в совокупности формирующие страх, вовсе не являются магическими представлениями, они социально детерминированы, вполне объяснимы. Поступки этих заключенных соответствуют конкретным ситуациям, продиктованы обычными человеческими представлениями.

Невротическое развитие, проявляющееся в той или иной форме страхов (у советских авторов: невроз навязчивых состояний), характеризуется навязчивыми состояниями, возникающими не-

* Невротик больше всего испытывает задержки в действиях, у него мысль вполне заменила поступок (Фрейд, "Тотем и табу").

преодолимо и вопреки желанию человека, наличием критического отношения к своему состоянию и сознанием болезни. * Таких изменений у "носителей" страха свободы я не видел.

Что же касается невротической астенизации, астенического типа реагирования, то в специфических условиях политлагеря это "роскошь непозволительная"; трудно представить себе заключенного с таким синдромом, месяцами противостоящего брутальному натиску чрезвычайно сильных психических и физических стрессоров, занимающего в этой "хронической" ситуации откровенную позицию противостояния! Мимозоподобность, повышенная чувствительность и т.д., увы, несовместимы с продолжительной жизнью в лагере. Исход астенизации здесь возможен троякий: конформизм (или, попросту говоря, стукачество), грубая психическая патология с деструкцией ядра личности или смерть (в частности, суицид).

С целью дифференциации следует также рассмотреть узкий круг невротически-деперсонализационных расстройств. Кщею подчеркивает, что в преморбиде у таких больных заметна склонность к страхам и истерическим формам реакций, инфантилизм. Само расстройство проявляется, главным образом, в чуждости Я, которая сопровождается полной критикой к своему состоянию, сознанием болезни. Фобия вы-

* Некоторые авторы, например Wolpe, рассматривают страх как основной компонент невротических состояний.

ступает как параллельный невротический симптом. Состояние тревожно-фобической деперсонализации, по Roth, тесно связано со страхом, паникой, испугом, т.е. оно — несомненная невротическая реакция. Обратимся к "носителям" страха свободы: будь у кого-то из них ранее склонность к страхам и истерическим формам реагирования либо инфантилизм — иной была бы вся их последующая жизнь; в жестких условиях подполья, борьбы, сталинских тюрем им бы не выжить, не остаться неподчиняющимися. У них нет и таких симптомов, как чуждость Я и сознание психической болезни; отсутствуют "осевые симптомы неврозов": вегетативные нарушения, эгоцентризм, симптом "заколдованного круга" (Кемпински); тревожные опасения у них не больше, чем могли бы быть по ситуации, они вполне соответствуют ей по степени выраженности (если — не меньше!). И, наконец, сам страх не есть реакция на свершившиеся события, он — их рассудочное предвидение.

Конфликтные реакции по Бройтигаму — это психореактивно возникающие душевные расстройства. Сюда относятся все типы психических реакций, превышающих нормальные, ситуативно обусловленные реакции по силе или продолжительности (т.е. "аномальные реакции переживания" Курта Шнейдера). Возникают они так: в какой-то ситуации человек из-за неудовлетворенности мотива испытывает фрустрацию, ему приходится определять линию поведения, принимать решение — исходя из противоречивых мотивов. Из семи типов конфликтных ре-

акций Бройтигама нас могут заинтересовать только три:

1. Простые конфликтные реакции (ситуационный невроз). Для них характерны аффективная лабильность с раздражительностью, беспокойство, напряжение или снижение настроения и трудоспособности, иногда депрессия. Вся эта симптоматика укладывается в так называемый неврастенический комплекс, описываемый советскими авторами.

2. Реакции истощения или перегрузки. Здесь — тот же неврастенический комплекс, но конфликт усугубляется необходимостью продолжать определенную напряженную деятельность без достаточной внутренней мотивации.

3. Хроническое генерализованное состояние страха — возникает в повторяющейся, длящейся экстремальной ситуации. Для него характерны хроническая тревога, сопровождающаяся выраженными вегетативными расстройствами, и хронические генерализованные реакции страха. (В СССР это состояние описывается как психогенный паранойд.) Именно о таком состоянии идет речь в статье фон Бейер "Пути в бред. Страх и бред", где рассматривается перерастание ситуационно вызванных непереносимых страхов в паратимический бредовый психоз на примере жертв нацистского террора (сборник "Бред", Штутгарт, 1972 г.).

Нет слов, ситуация политлагеря, сочетание информационной депривации с постоянными экстремальными воздействиями, конечно же, влияет на состояние психики людей. Здесь не в

диковинку ситуативные изменения настроения, ощущение покинутости и беспокойство, но они — не проявление болезни. Они — естественная, здоровая реакция на ухмыляющееся зло и поруганную справедливость, на произвол и унижения, на равнодушие Бога и мира. Более того, именно отсутствие отрицательных эмоций в таких ситуациях должно рассматривать в качестве психической неадекватности.

Что же касается хронического генерализованного состояния страха, то для него характерны такие заметные, массивные симптомы (параноид!), которых у интересующей нас категории заключенных заведомо нет. Согласитесь, описанный выше страх свободы и генерализованная реакция страха не эквивалентны ни по массивности, ни по степени охваченности ими личности.

Если все же отнестись к страху свободы как к проявлению пограничного психического расстройства, то задача психотерапии в таком случае должна состоять в следующем: помочь человеку осознать происхождение страха и трансформировать его в социальную активность (Battegay R.). Но политзаключенные отчетливо осознают происхождение своего страха, последовательно и откровенно излагают его в беседах с товарищами и представителями властей; что же касается их социальной активности, то она общеизвестна.

Клиническим психиатрам известна особая категория пациентов, называемых "приживалами психбольниц". Значительное число психохрони-

ков, годами находящихся в психиатрических лечебницах, испытывают страх перед жизнью вне стен больницы. Не буду касаться здесь вопроса, с какими недостатками стационарной психиатрии связан этот феномен. "Приживалов" принято рассматривать как личности несомненно патологические, у которых к той или иной первичной патологии присоединяется страх перед жизнью на свободе. Этот страх — результат своеобразного формирования механизмов "психологической защиты"; сформировавшиеся установки могут быть как осознанными, так и неосознанными (Krauss P.). Сопоставьте: явное внешнее сходство со страхом у политзаключенных перед освобождением. Но — только внешнее. "Приживалы" *не хотят* жить вне стен больницы, их удовлетворяет существующий в больнице режим и монотонное течение дней, отсутствие личной жизни, семьи. Заключенные — испытывают страх перед конкретными явлениями, но совсем не желают продления срока своего заключения. Страх сопутствует надежде на свой "шанс"; страх не сковывает, не определяет отношение к миру. Страх не заслоняет собою обыкновенные человеческие интересы и интеллектуальные потребности, он присутствует в неизменном здоровом, "земном" сознании. Наконец, ему не предшествует заметное патологическое изменение психики, как в случае "приживалов".

Своеобразным контролем в нашем исследовании являются заключенные из категории "сук".* Даже те из них, которые находятся в

* Заключенные, сотрудничающие с администрацией.

заключении столь же длительные, многолетние сроки, не испытывают страха перед свободой. Наоборот, она, свобода, для них вожделенна, к ней направлены все их помыслы, поступки. И это объяснимо: и здесь, в лагере, они занимают глубоко конформистскую позицию, и здесь по своим морально психологическим характеристикам референтным для них является большое общество, его культура. У этих заключенных в будущем значительная определенность. В смысле линии поведения и отношения к окружающей среде у них переход из одного правового состояния в другое осуществляется почти незаметно. И если рассматривать будущее как знак, символ, содержание которого не раскрыто, многозначно, то у данной категории заключенных "дымка" перед этим знаком довольно-таки прозрачна.

Итак, исследуемый феномен страха свободы не является процессуальным или иным психопатологическим расстройством. Он — явление социальное. Э. Фромм связь человека и общества видит в том, что общество в одном случае способствует реализации человеческих потребностей, а в другом — нет; первое общество он называет здоровым, а второе больным. Используя это определение, можно утверждать: страх свободы политзаключенных есть результат существования здорового человека в больном обществе. Человек, длительное время живущий в здоровом психологическом климате, в группе, где основными ценностями являются ценности нравственные, духовные, испытывает страх

перед предстоящим ему переходом в общество, игнорирующее эти ценности, ожидает по отношению к себе определенные санкции за занимаемую позицию неконформизма.

Напрашивается вывод: в СССР на свободе в сравнении с лагерем происходит значительное снижение степени а) внутренней свободы, б) возможностей защиты своего достоинства от посягательств социальных институтов.

Выезд из СССР — вот единственный реальный, "психотерапевтический" метод, однозначно бы избавивший политзаключенных от страха перед "большой зоной". Но как раз для этой категории заключенных он невозможен.

1978 год, Урал

От составителя:

Автор — профессиональный психиатр, находится в ссылке на Урале после семилетнего лагерного заключения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Brautigam W. „Reaktionen, Neurosen, Psychopathien“, Stuttgart, 1969.
2. Battegay R. „Psychodynamik der Angst“ („Psychother. med. Psychol.“, 1975, 25, 4).
3. Serban G. „The Process of Neurotic Thinking“ („Amer. J. Psychother.“, 1974, 28, 3).
4. Wolpe J. „The Practice of Behavior Therapy“, New York, 1969.
5. Кемпински А. „Психопатология неврозов“, Варшава, 1975.
6. Krauss P. „Nervenarzt“, 1971, Bd. 42, S.130-139.
7. Roth M. „J. Neuropsychiat.“, 1960, v.1, p. 293.
8. Сборник „Патоморфоз клинической картины психических болезней“, под редакцией проф. И. Глацеля, Штуттгарт, Нью-Йорк, 1973 (на немецком языке), статья Й.-Э. Мейера.
9. Сборник „Бред“, Штуттгарт, 1972, статья фон Бейер „Пути в бред. Страх и бред“ (на немецком языке).

**СУДЬБА СТАТИСТИКИ
И МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ
В СОЦИОЛОГИИ
(30-е годы)**

1. Статистика — *persona non grata*.

... С переходом Сталина к волевым методам хозяйничанья научные методы хозяйственной деятельности потеряли для него всякий смысл. Это не могло не отразиться на судьбе статистической науки и вообще математико-статистических методов анализа социально-экономических явлений. В определенном смысле статистика — нефальсифицированная, объективная, — худший враг диктатора, который обычно не терпит, чтобы результаты его деятельности фиксировались, да еще с такой педантичностью, как это издавна делает статистика.

Рассказывают, что некоторые короли, как только они занимали престол, издавали приказ № 1, которым устранялся прежний начальник статистического управления и назначался новый. Это естественно для монарха, если он хочет освободиться от человека, который, по долгу службы, "знает все". Статистическое любопыт-

ство не знает границ. Через ее руки должны пройти сведения о людях, начиная, что называется, с их рождения до самой смерти. И если статистика фиксирует отдельные факты, то не потому, что она интересуется ими, а для того, чтобы охватить процесс в целом, его динамику, развитие. Увеличивается или уменьшается рождаемость, преступность, бракосочетания, разводы? Дольше, или наоборот, меньше стали жить люди? Улучшилось или ухудшилось финансовое положение страны? Как дело обстоит с урожайностью и продовольственными ресурсами? На тысячи подобных вопросов должна ответить статистика. И как человек не всегда хочет, чтобы о нем "знали все", так и правитель не всегда хочет, чтобы о его государстве знали все. Тем более такой правитель, как Сталин, в деятельности которого столько порочного. Осветить все это светом статистики? Это равносильно самоубийству. Лучше "убить" самую статистику.

Не всякий диктатор решается вынести такой приговор: статистика — весьма эластичная наука, и с ней многие научились ладить, ибо, как говорил один французский ученый, статистика похожа на дамский купальный костюм: она скрывает не все, но, правда, самое существенное. Сталин же совершил столько темных дел, что ему необходимо было "скрыть все", а этого ни одна статистика осуществить не может, пока она жива и действует. Только уничтожив статистику, можно закрыть любую щель для любой информации о том, что происходит в

стране. Сталин именно так и поступил: с самого начала 30-х годов почти совершенно перестали публиковать какие бы то ни было статистические данные, кроме тех официально дозволенных, которые носили скорее пропагандистский, чем деловой характер. Это — общеизвестный факт.

Менее или почти совсем не известен другой факт: с 30-х годов начали так истолковывать *сущность* самой статистической науки, чтобы она *соответствовала* статистической практике, которая с тех пор установилась.

Почему нельзя было оставить в покое статистическую науку, распространив диктаторскую волю только на статистическую практику? Потому что само *определение статистики*, которое издавна было принято во всем мире, явилось *препятствием* на пути ее полного подчинения воле диктатора. В самом деле, статистика рассматривалась как наука о случайно-стихийных процессах, развитие которых проявляется на большом числе фактов. Это означает, что при помощи статистики выявляются статистические, массовые закономерности, которые возникают на основе действия закона больших чисел. Следовательно, при таком определении статистика нужна везде, где имеются массовые случайно-стихийные процессы. Она должна пронизывать все поры общественной жизни, ибо везде, буквально везде имеются процессы, закономерности которых проявляются не в каждом отдельном случае, а в массовом их потоке. "Статистика должна знать все", — вот какой вы-

вод вытекает уже из самого определения статистики, которое было обычным и общепринятым. Именно этого не хотели в Советском Союзе, начиная с начала 30-х годов. В ходу был новый принцип: "Статистика не должна знать ничего". По этой мерке и стали создавать новую теорию статистики, стали искать ей новое определение.

Как обычно, философия явилась поставщиком аргументов, а философские и общественно-политические журналы были ее рупорами. Использовался весь арсенал доказательств, которые внедрялись новым руководством, и главное среди них — принцип партийности. До этого в статистике, как и в математике, существовало мнение, что математико-статистические формулы нейтральны к борьбе идеологий, классов и т.п., ибо они познают количественную сторону явлений как результат точного измерения, учета, счета. Это, в частности, глубоко понял В. Базаров. В своем предисловии к книге В. Ритца "Математические методы в статистике" он писал:

"Теоремы математической статистики слишком универсальны для того, чтобы сохранить на себе след классовых воззрений их авторов, в них нет ничего специфически социального: они одинаково приложимы в биологии, физике, демографии, экономике, — везде, где имеются массовые явления, которые могут быть расположены в ряды, удовлетворяющие определенным формальным требованиям".¹

С точки зрения новых установок нового философского руководства это был смертный грех: мнение, что теоремы математической статистики не сохраняют на себе след классовых воззрений, никак не гармонировал с принципом партийности, классовости науки, ставшим в то время основным для тех, кто все более и более завинчивал "идеологические гайки". В их глазах наука, "не носящая на себе след классовости", попросту не имела права на существование. Ее и стали убивать в буквальном смысле этого слова вместе с теми, кто не преклоняясь перед идеологическими установками, видели значение науки в ином ракурсе. И действительно, именно по поводу замечания Базарова о статистике П. Вышинский писал в философском журнале, что так может говорить только классовый враг.²

Философы сосредоточили на статистике и на ученых-статистиках смертоносный огонь. Один из выдающихся статистиков — Громан, — требовавший хозяйственную деятельность вести на основе анализа массовых математических, статистических *закономерностей*, был на страницах философского журнала объявлен врагом народа. Эксперты из "громановской меньшевистской братии", сказано там, ничего не могут "сказать о развитии советского хозяйства".³ Громан погиб в сталинских лагерях смерти.

Это было, однако, только начало. Наступление на статистическую науку продолжалось, и не случайно именно в разгар сталинских чисток началась новая, причем весьма агрессивная,

фаза наступления на статистическую науку. Мы имеем в виду рецензию А. Лозового на учебник статистики А.Я. Боярского, Б. Ястремского, одно название которой — "О последствиях вредительства в статистической науке" — говорило само за себя.⁴ Эта статья положила начало процессу, который длился много лет, когда из статистики стали вытравлять все, что, собственно, делает ее статистикой. Именно в ней впервые прозвучало презрительное отношение к закону больших чисел, под сомнение было взято значение теории вероятности. С тех пор некоторые статистики, пришедшие в то время к руководству этим участком науки и привыкшие выполнять "директивы", не только приняли эти указания партийной печати, но, перестроив статистику по этой мерке, дошли до логического конца — до изгнания из статистики статистической закономерности, закона больших чисел, теории вероятности. Статистическая наука была выхолощена до предела. А. Лозовой, автор рецензии, огонь сосредоточил против случайной выборки — этой основы статистического накопления и анализа фактов, и в течение многих лет методы случайной выборки, как основывающиеся на законе больших чисел, теории вероятностей, были изгнаны из статистической науки и из наук, которые пользуются этими методами для собирания и анализа фактов. Особенно это коснулось экономических и социологических исследований.

Чем же руководствовалась редакция "Большевика", давшая подобного рода "директивы"

статистической науке? Все теми же философскими принципами, которые в те годы были выработаны и внедрялись в различные области научного знания: обвинения в механицизме, идеализме и отрыве от задач социалистического строительства. Статистические методы, выработанные крупным русским статистиком А.А. Чупровым, эмигрировавшим после революции в Швецию, были объявлены "откровенно идеалистическими", а их использование советскими статистиками рассматривалось как смертный грех, равно как и использование "позиций буржуазных теоретиков Кетле, Лексиса".⁵ Рецензент и редакция журнала — против "проводников буржуазной статистики".⁶ Теория вероятности была осуждена за то, что ее метод "механически переносится на общественные отношения нашей социалистической действительности".⁷ В социалистическом хозяйстве "не может быть" случайных процессов, и поэтому статистику нельзя рассматривать как науку о случайно-стихийных процессах — это механицизм. А то, что этим сама сущность статистики теряет свой смысл, мало волновало тех, кто, будучи наделен полнотой власти, ломал, кромсал многовековой опыт, обобщенный в науке, в частности, статистической. Рецензента и редакцию "Большевика" (Митин, Юдин и др.) интересовала не судьба науки, а выкорчевывание ереси, поэтому они сообщили, что "В статистической науке долгое время подвизались враги народа: Осинский, Краваль, Хотимский, Бранд и др."⁸ Они и многие другие статистики были

объявлены врагами народа и уничтожены в сталинских лагерях смерти.

2. Изгнание закона больших чисел и статистической закономерности

Рецензия в "Большевике" как бы служила программой, по которой затем последовательно, методично в течение последующих лет убивали статистику. Весь огонь направлен был против статистической, массовой закономерности, в основе которой — закон больших чисел. Стали с большой последовательностью критиковать всемирно известных статистиков А. Кетле и А. Чупрова. Мы об этом расскажем более подробно и ответим на вопрос, почему наступление на статистическую науку пошло именно по этому пути.

Прежде всего сопоставим некоторые хронологические данные. Рецензия А. Лозового появилась в конце 1938 года, а через год началась война с Финляндией, затем с Германией. Время, казалось бы, неподходящее для теоретических изысканий. И тем не менее В. Мальцев в 1940 году, за несколько месяцев до войны с Финляндией, нашел необходимым выступить со статьей, название которой свидетельствовало, что она носит официальный характер: "На статистическом фронте". В ней он, вслед за А. Лозовым, отрицал закон больших чисел, статистическую закономерность.⁹ Все свидетельствует о том, что война помешала осуществить более полный разгром статистической науки.

Подобная ситуация сложилась и по отношению к генетике. Вообще очень много общего в судьбах статистики и генетики. Не случайно после войны, почти одновременно, началось решительное наступление против генетики и статистики, с той только разницей, что в области статистики это не сопровождалось таким барабанным боем, но удар был нанесен не менее мощный и смертельный.

Как это часто бывало, все началось с дискуссии. На сей раз на страницах журнала Центрального Статистического управления (ЦСУ) "Вестник статистики". В конце 1948 — начале 1949 года журнал этот как бы специально по программе довоенных публикаций Лозового и Мальцева начал наступление на статистическую закономерность, закон больших чисел и вообще на "буржуазную статистику". Созывался ряд специальных совещаний статистиков, на которых работники ЦСУ вещали, что закон больших чисел — это математический закон из области чистой комбинаторики и для статистики совершенно непригоден. Сам Н.В. Старовский — начальник ЦСУ при Совете Министров СССР — возглавил этот поход, выступив на одном из таких совещаний с нападками на тех, кто все еще им пользуется.¹⁰ В следующем же номере журнала редколлегия, имея такое высочайшее указание начальника ЦСУ, писала в передовой, что закон больших чисел не может отражать и показывать развитие общественных отношений. Они говорят об этом законе только

как о законе в кавычках.¹¹ Он причислен к числу "буржуазных выдумок". А когда в 1953 году группа работников ЦСУ опубликовала учебник по статистике, то оказалось, что закон этот изгнан из статистической науки.¹²

В июле 1949 года на совещании преподавателей статистики было указано, что роль закона больших чисел в прошлом была преувеличена, ибо центральную роль в статистике играет не закон больших чисел, а "ее материальное содержание". Эта туманная формулировка не могла приблизить к раскрытию материального содержания статистики, зато бросила тень на закон больших чисел. Это нашло свое выражение в новой программе по статистике для вузов, разработанной на этом же совещании.¹³

Как снежный ком, превращающийся в лавину, разрасталась эта точка зрения. Заведующая отделом ЦСУ А.М. Вострикова выразила ее, заявив, что считает закон больших чисел одним из положений математики, а не статистики. И так как в ЦСУ вообще отрицали возможность применения методов и приемов математической статистики, то ясно, что "отдача" закона больших чисел математике на деле означала изъятие его из статистики как общественной науки.¹⁴

С законом больших чисел непосредственно связана статистическая закономерность, против которой тоже начались гонения.

Представители официальной статистики, как правило, связанные с ЦСУ при Совете Министров СССР, начисто отрицали само существование

статистической закономерности, считая ее наделенной мистическими свойствами.¹⁵ В официальном учебнике статистики для высших учебных заведений сказано, что статистические закономерности "выдуманы от начала до конца".¹⁶

Авторы берут под сомнение само понятие "статистические закономерности", говоря о них только как о закономерностях в кавычках.

В чем же причина этого, на первый взгляд, весьма странного толкования вопроса?

Достаточно вспомнить сущность статистического познания, чтобы понять, почему оно столь неприемлемо для закрытого общества. Статистика при анализе полученных данных ставит перед собою цель исследовать внутренний их смысл, скрытый за внешним проявлением, вскрыть связи, причины, отношения при помощи методов, одной статистике доступных. Выявляя правильность, тенденцию, необходимость, пробивающуюся сквозь толщу случайностей, статистика первая сигнализирует о том, что еще неизвестно. В этом ее симптоматическое значение: открывать факты, неопределимые для анализа сущности.

Наблюдая отдельные разрозненные явления, люди не могут понять их. Только статистически обработав данные, можно найти их внутренний смысл, ибо на базе закона больших чисел начинает прокладывать себе дорогу закономерность — статистическая закономерность. Следовательно, *кто заинтересован в том, чтобы за множеством отдельных случаев, за хаосом слу-*

чайностей нельзя было увидеть закономерное развитие явлений, — тот заинтересован в том, чтобы не искать и не находить статистических закономерностей. Кто боится фактов, особенно статистических фактов, тот запрещает анализировать статистические закономерности.

Это вполне естественно. Факты будят мысль исследователя, благодаря им исследователь ищет и находит причинные связи, делает соответствующие заключения. Он начинает всегда с фактов, которые, как часто повторяют, — воздух ученого. Из фактов исходит любое научное обобщение, фактами оно и проверяется. Где же берутся факты, если речь идет об анализе общественных отношений? их обычно должна дать статистика. Именно она призвана снабжать фактами общественные науки для дальнейших статистических обобщений, поскольку эти факты проявляются в статистической форме. Без этого не может развиваться общественная наука: она обречена на догматизм, цитатничество, начетничество: она нуждается не просто в учетных данных, но и в статистических обобщениях, которые получаются после соответствующей статистической обработки. Массовые статистические данные порой могут явить собой, на первый взгляд, пеструю, противоречивую картину, где происходящее кажется нагромождением случайностей. Но достаточно обработать их, правильно сгруппировать, сравнить между собой — и постепенно картина проясняется. Из-под покрова случайностей проглядывает необходимость, характеризующая определенные отно-

шения. Получается *статистический факт*, имеющий огромное познавательное значение. Отрицание статистической закономерности сразу закрывает все пути для получения подобного рода статистических фактов: их не дает ЦСУ, их не должны находить самостоятельно ученые, ибо статистическая закономерность — буржуазная выдумка. Так теоретически обосновывалось то, что ЦСУ в течение многих лет делало на практике: *убивало тягу к анализу объективных фактов, статистическим путем полученных*. Это весьма логично с точки зрения тех, кто боится симптоматического значения статистики, ее способности первой сигнализировать о фактах, тенденциях, закономерностях, которые существуют, но не видны, пока не становятся объектом статистического анализа. Именно поэтому статистика — бесценное орудие познания: при ее помощи люди видят то, что невооруженным глазом принципиально не может быть познано. Для закрытого общества поэтому нет врага более опасного, чем статистика, выявляющая закономерности, статистические факты. Покажем это на одном только примере. В 1939 году была проведена перепись населения. Вспомним: это было после нечеловеческих чисток 1936—1938 годов. Обычное наблюдение не могло выявить какие-либо изменения демографической структуры. Статистический отчет и соответствующая обработка данных выявила нечто такое, чего даже Сталин испугался. Вместо естественного прироста населения — убыль, да значительная. Был выявлен статистический факт, кото-

рый ярче, чем десятки публицистических статей, разоблачил результаты безжалостных чисток. И решением правительства перепись населения 1939 года была аннулирована. Об этом на видном месте, но кратко, без объяснения причин, было опубликовано в печати. Слишком тяжелый статистический факт был выявлен — его и "отменили" вместе с самой переписью.

Статистическая закономерность и тот факт, который она выявляет, ценны тем, что заставляют людей задуматься над *причинами*, которые их породили. Ибо сам факт пробивает себе дорогу через толщу случайностей потому и только потому, что в его основе лежат какие-то причины. Они-то этот факт и вызывают. Поэтому, когда выявилось в 1939 году, что в обычное мирное время население не только увеличилось, но даже уменьшилось, нельзя было бы не задать вопрос: почему это случилось? в чем причина? Это неминуемо нацелило бы на сталинские чистки. Статистическая закономерность здесь — как следопыт, как опытный детектив. Нет статистического анализа без выявления статистических закономерностей. И наоборот, если статистическая закономерность выявлена, то это нацеливает на необходимость раскрытия причин. Она, раскрывая повторяемость явлений, регулярность в их развитии, тем самым указывает на наличие лежащих за нею строгих причинных связей. *Кто хочет открыть наличие этих причин, тот должен не допустить выявления статистических закономерностей. ЦСУ при Совете Министров СССР именно так и поступает.* Вместо того,

чтобы сказать об этом прямо и открыто, прибегают к туманному, типичному для Советского Союза утверждению о том, что статистическая закономерность — буржуазная выдумка...

В этих условиях все время приходится скрывать истинное положение вещей, объективные факты. Покажем это на примере судебной статистики. В условиях беззакония и произвольных арестов противоестественно даже предполагать, что возможна судебная статистика, предполагающая анализ динамики процесса. В лучшем случае статистика могла пониматься здесь как учет количества арестованных и осужденных, — учет, необходимый самим карающим органам для их собственных нужд. Это, собственно, и не статистика, к тому же ее данные никогда не публиковались, даже частично. Но название "судебная статистика" сохранилось, и даже писались учебники для юридических институтов и факультетов. Но это, может быть, были единственные публикации в своем роде во всей мировой практике: в имевших хождение учебниках Остроумова С.С. и Герцензона А.А. (авторов самих по себе квалифицированных и честных), посвященных судебной статистике, совершенно отсутствовал анализ действительных, реальных данных, хотя бы в виде иллюстраций. В учебнике по судебной статистике — ни слова о реальных фактах, реальной судебной статистике.¹⁷

Из сказанного уже само собой ясно, почему огонь критики был направлен против А. Кетле: он — создатель современной статистики,

основывающейся на законе больших чисел и статистической закономерности. Анализируя статистические документы Бельгии, относящиеся к так называемой моральной статистике, Кетле обнаружил, что волевые действия, казавшиеся случайными, ни от чего не зависящими, в массовом своем потоке проявляются как устойчивые, закономерные. Он один из первых установил удивительное постоянство, правильность, повторяемость ежегодного числа преступлений, самоубийств, заключенных браков. Но самое главное: он исходил из того, что постоянства эти, закономерности свидетельствуют о наличии определенных причин, которые их вызывают, причем находятся они в экономических и политических условиях жизни общества, а не в свободной воле индивидуума, как может показаться. Воля играет определенную роль, но она вторична, производна. Побудительные же причины с закономерностью приводят к определенным результатам. Русский статистик А.А. Чупров писал, что "в статистической закономерности усматривается своеобразный *experimentum crucis*, не допускающий никаких софистических отводов и отхождений и бесповоротно решающий вековой спор о детерминизме и свободе земли".¹⁸ И, уточняя свою мысль, Чупров указывает, что в то время связывали "факт статистической закономерности с проблемой детерминизма".¹⁹ Именно Кетле требовал, обнаруживая статистическую закономерность, доискиваться причин, ее вызвавших, — то, что больше всего не устраивает руководителей закрытого общества.

В самом деле, Кетле утверждал, что поступки людей, взятые в достаточно большом количестве, выражают собой необходимые следствия не всегда видимых, но постоянно действующих причин. В работе "Социальная система и законы, ею управляющие", он писал, что социальные явления остаются одни и те же только до тех пор, пока общество остается под влиянием одних и тех же условий.²⁰ Везде, как мы видим, Кетле требует искать и находить реальные причины, которые вызывают те или иные социальные явления. И не удивительно, что официальные советские теоретики от статистики с такой опаской относились к его деятельности.²¹ Вместо того, чтобы сказать об этом прямо и открыто, его объявили создателем "буржуазной статистики".

3. Сужение предмета статистики.

Превращение ее в иллюстративную науку

Мы уже отмечали, что "статистика знает все". Чем больше и шире, разнообразнее объем собранных данных, тем полнее изучаются разные стороны жизни общества. Статистике до всего есть дело, поэтому она и стремится "все знать". Закрытое общество принципиально не может признать этот постулат. Статистические материалы, как правило, не публикуются. Ни один статистический факт не может быть обнародован, все строжайше засекречено. Многие области традиционного статистического "любопытства" были вообще ликвидированы, например, так называемая моральная статистика (браки, разво-

ды, самоубийства и пр.). Необходимо было обосновать "законность" и мудрость подобного рода действий. Это было достигнуто при помощи теоретических постулатов, *значительно суживавших границы применимости статистического метода*, что исключало самую возможность участия статистиков в исследованиях, выходящих за границы некоторых видов учета. За этими границами оказывались любые исследования, носящие самостоятельный социологический характер. А сами границы были жестко обозначены тем, чем официально занималось ЦСУ — одно из наиболее засекреченных учреждений в мире. Как же это теоретически доказывалось?

Сузив до предела границы применения статистики, исковеркали само понимание ее *предмета*.

Статистика по традиции как в России так и за ее пределами считалась универсальной наукой, изучающей массовые явления природы и общества. Назвав это *механицизмом*, смешением двух качественно разнородных процессов — природы и общества, — теоретики из ЦСУ стали утверждать, что массовые явления природы и общества не могут стать предметом единой статистики. Они исходили из того, что математические законы могут применяться к явлениям природы, применение же их к явлениям общественной жизни — это *механицизм*, не учитывающий их качественного своеобразия. Не может быть, утверждают они, универсальной статистики, изучающей и явления природы, и общественные явления.

С этим связан и еще один аргумент теоретиков из ЦСУ. Они утверждают, что поскольку статистические закономерности существуют везде, то это означает, что *особых* статистических закономерностей нет, и они не могут быть предметом особой науки — статистики. В физике их изучают физики, в биологии — биологи, но не статистики. Статистика не может быть *универсальной наукой*, она не может формулировать универсальные закономерности — это дело марксистской философии. "Философское обоснование" и здесь имеет доминирующее значение.

На примере понятия универсальной статистики легко увидеть, как слова затемняли сущность дела, становились жупелами, пугалами. Понятие "универсализм" было превращено в дубинку, которой долгие годы размахивали некоторые статистики, выражавшие официальную философскую позицию ЦСУ. Любое выступление в пользу того, что статистика должна изучать явления природы и общества, объявлялось механицизмом, универсализмом. Один из ведущих работников ЦСУ И. Шутов писал: "Законы развития общества и природы коренным образом различны",²³ считая это достаточным аргументом против традиционного понимания предмета статистики.

Конечно, явления природы качественно отличаются от общественных явлений, и статистические методы должны учитывать это, так сгруппировав факты, чтобы получить реальные, а не фиктивные средние. Об этом спора нет. В совет-

ской статистике, однако, речь шла о другом: официальные представители статистической науки под флагом борьбы с механицизмом и "универсализмом" выступали *против применения математики* к изучению явлений общественной жизни. Их рассуждения шли по следующей схеме: общественные явления не имеют ничего общего с явлениями природы. Поскольку математические методы применяются при изучении природы, то к изучению явлений общественно-экономических они непригодны. Математика буквально изгонялась из статистики. Вместо того, чтобы показать, как следует применять методы математической статистики и теории вероятности к явлениям общественной жизни, вообще стали отрицать самую возможность применения математико-статистических методов. Внешне это были теоретические споры. На самом же деле речь шла о том, чтобы статистику вогнать в весьма узкие пределы. Отрицая, что статистика необходима везде, где закономерность проявляется в массе фактов, где единоличные случаи с их индивидуальными отклонениями нуждаются в математико-статистической обработке, и сузив таким образом предмет статистики, стали исключать из ее компетенции одну область явлений за другой. Рассуждение шло примерно следующим образом. Массовые явления, нуждающиеся в статистической обработке, встречаются во всех областях человеческой практики и знания. Все они не могут быть предметом статистики: такого широкого предмета исследования ни одна частная

наука иметь не может. Статистики не могут уподобиться известному персонажу Бомарше — Россини: "статистики здесь, статистики там". Статистика имеет более узкую область, более ограниченный предмет исследования. Какой? И тут выявляется, зачем нужны были столь сложные теоретические доказательства, многочисленные дискуссии: чтобы придать наукообразную форму выводу, что *предмет статистики следует отождествлять с содержанием учетно-статистической работы органов ЦСУ*. Что лежит вне этой работы — не есть статистика. ЦСУ решило засекретить то, что издавна называется моральной статистикой, не обнародовать, что и при социализме имеются убийства и самоубийства, разводы и другие неприятные "пережитки капитализма". А теоретически это обосновывается указанием на то, что это вовсе не статистика, не входит в пределы ее предмета, не касается ее метода. Раз так, то статистика к подобным явлениям просто никакого отношения не имеет, и их игнорируют на законном основании. Особенно рьяно отстаивал эту мысль много лет главный редактор "Вестника статистики", один из гонителей В. Базарова — В.А. Соболев. На страницах его журнала внедрялась мысль о том, что "прием точного выражения возможен только в отношении общественных явлений, относящихся к базису, а не в отношении всех общественных явлений".²³ Яснее не скажешь: статистика имеет дело с техникой, оборудованием, одним словом, явлениями, относящимися к базису, — точное выражение того, что делало

ЦСУ, вернее, что оно публиковало, обнародовало, ибо в засекреченном виде оно по-прежнему "знало все". Но знал только узкий круг руководителей. Так постепенно исключалась возможность статистического изучения обширной области явлений надстроечного порядка, т.е. той, где статистические методы исследования могут обнаружить много неприятного для власть имущих. *Административный запрет заниматься всем этим подкреплён философской аргументацией.*

Характерной чертой подобного рода действий является то, что они наглухо закрывали все щели, все возможности обходить запрет. Например, если обширная область надстроечных явлений не входит в предмет статистики, то она, может быть, останется областью, скажем, социологии, но будет изучаться *статистическим методом*, и таким образом явления эти все же будут анализироваться? Нет. Поскольку имеется официальный запрет исследовать эти явления, нашелся и философско-теоретический аргумент для его подкрепления. Под предлогом единства предмета и метода замыкали статистический метод теми же узкими рамками, о которых только что шла речь. Вне этих рамок для статистики не только не оказывается предмета — там якобы не может быть применен и статистический метод. Иначе, мол, он станет "универсальным", в то время как всеобщим, универсальным может быть только диалектический метод. А в статистике метод должен быть в единстве с предметом, т.е. распространяться на те же явле-

ния, которые официально признаются подлежащими статистическому изучению. Признать возможным применение статистического метода к таким явлениям, которые не могут быть предметом статистики, значит якобы допустить существование метода без предмета, допустить отрыв метода от предмета. *Так был теоретически обоснован запрет использовать статистический метод для социологических исследований, т.е. исследований, проводящихся обычно в областях надстроечного порядка. То, что ЦСУ эти явления не игнорировало, а наоборот, ежеквартально публиковало некоторые официальные данные, не меняет дела. Мы говорим о статистическом, социологическом анализе, а онто и был под запретом. Речь у нас идет о теоретическом обосновании взгляда, делающем принципиально невозможным наблюдение фактов со специальным последующим изучением их и обобщением для выявления закономерностей. Так постепенно из поля зрения статистики выпадала одна область за другой из тех, какие как раз нуждаются в систематическом статистическом изучении для вывода общих закономерностей для уяснения причинных связей и отношений.*

Как видно из сказанного, статистика превратилась из орудия познания общественных явлений в орудие *иллюстрирования* официальных версий. Эту поистине неблагодарную ее роль пытались теоретически обосновать ссылкой на так называемый *предварительный социально-экономический анализ*. В чем он состоит?

Прежде всего отметим, что мы не собираемся оспаривать сам принцип. В условиях, когда статистика — весьма сложное, "капризное" орудие познания, поиски противоядия против фиктивных, огульных, ничего не выражающих средних — оправданы. Желание обезопасить исследование от статистического формализма вполне понятно. Исследование должно иметь какую-то *теоретическую* базу, чтобы статистические показатели получились рациональными, выражающими сущность явления. В противном случае показатели, полученные "вслепую", путем проб и ошибок, не будут содержать в себе объективной истины. Чтобы с успехом применять статистический метод, нужна рациональная теория, включающая в себя четко выработанные принципы группировок статистического материала. Социально-экономический анализ — одна из гарантий против такой статистической обработки данных, которая приводит к отвлеченным схемам и обезличенным "средним", затушевывающим сущность общественных отношений.

Требование предварительного теоретического анализа было, однако, так искажено в советской официальной статистике, что стало одной из основ превращения ее из орудия познания в *орудие простого комментирования и иллюстрирования официальных версий*. Усиленно внедрялось мнение, что *вначале* всесторонний социально-экономический анализ вскрывает сущность, законы, а *затем* статистика их *подтверждает*. По крайней мере "всесторонним" такой

анализ называть нет никаких оснований. Какой же это "всесторонний анализ", если его делают предварительно, *до* получения статистических фактов и данных. Так рассуждать можно в том, и только в том случае, если хотят статистику использовать не для отыскания еще неизвестного — фактов, симптомов, закономерностей, — а лишь для подтверждения того, что и без нее открыто предварительным анализом. Но в этом случае ей уготована роль иллюстратора. Один из официальных теоретиков-статистиков Н.Н. Рязов прямо писал, что исторический материализм и политическая экономия устанавливают, что социалистический строй открывает "невиданный простор для развития производства", а статистика это подтверждает; что политическая экономия и исторический материализм при помощи своего абстрактно-аналитического метода вскрывает законы развития экономики, а потом пользуется данными статистики для проверки, для иллюстрации своих теоретических положений.²⁴

Конечно, статистика выполняет и эту роль — роль иллюстратора. Факты нужны и для подтверждения выводов, уже после того как эти выводы сделаны. В официальной советской статистической науке, однако, не об этом идет речь, а о том, что так называемый предварительный анализ есть теоретическое обоснование того, что на практике давно пытаются сделать: *исключить возможность использования статистики и статистического метода для самостоятельного социологического анализа.* Говорить, что

предварительный анализ устанавливают исторический материализм и политическая экономия до анализа статистического и лишь после этого приступает к делу статистика, означает, будто исторический материализм может сделать свои выводы без фактов и помимо фактов, вопреки тому, что принято в любой науке. Начинать исследование необходимо с фактов, а не навязывать последним какие-то общие жесткие философские принципы. Ни один предварительный теоретический анализ не может установить факты до и помимо статистики. *Утверждать, что статистика в состоянии быть только иллюстратором событий, можно в том случае, если ее хотят превратить в прислужницу, выполняющую волю властей.*

В итоге статистика получила новое *определение*. Ее стали называть общественной наукой, изучающей количественную сторону массовых общественных явлений, исследующей количественное выражение закономерностей общественного развития, исходя при этом из положений и законов исторического материализма и марксистской политической экономии.²⁵ А так как сами закономерности, согласно марксизму, формулируют исторический материализм и политическая экономия, то статистика нужна только для их иллюстрации. *Так практика ЦСУ получила теоретическое оформление в виде соответствующего определения статистики, а фактическая ликвидация последней, низведение ее до простого учета были узаконены.*

4. Игнорирование

математических методов анализа.

Прекращение социологических исследований

Вопрос о применении математических методов в общественных науках и науках о живой природе в марксизме обсуждался давно. И всегда чувствовалась какая-то настороженность. Ведь марксизм был объявлен Лениным точной наукой. К чему же еще более точные — математические — методы? Известно, что математические методы не терпят "общих фраз" и неточных аргументов. А без них в марксизме не всегда обходятся. К чему же усложнять себе жизнь, если и так можно объявить марксизм "точной" наукой, которая, однако, может вполне обойтись без точных методов.

Имеется еще одна причина настороженного отношения советских марксистов к математическим методам. Она связана с ленинским анализом так называемого кризиса физики. Расскажем несколько подробнее.

Математика в вопросах гносеологии занимает особое место благодаря ее абстрактности. Математики как бы имеют дело не с реальными вещами и их отношениями, а с абстрактными конструкциями человеческого разума. Эту иллюзию в течение многих десятилетий успешно нейтрализовала физика, которая больше других наук применяла математические методы, но всегда имела дело с реальными объектами реального мира. Положение резко изменилось, ког-

да на рубеже 19-20 вв. атомная физика стала применять математику в области, недоступной непосредственному восприятию. Решающую роль стал играть не эксперимент в классической его форме, где объект выступал в своей непосредственной реальности, а математические расчеты, как бы оторванные от объекта. Могло создаться впечатление, что реальные объекты не принимают участия в исследовании, а все создается "кончиком пера" математика. С момента подобной математической экспансии физика, которая в классической ее форме была столь "земной", стала принимать черты, присущие математике как предельно абстрактной науке. В физику вторгся дух математики, который наложил свой отпечаток на приемы физических суждений. И если во времена Галилея и Ньютона законы формулировались как результат индуктивного обобщения, как обобщение результатов реальных опытов с реальными объектами, то атомная физика стала математической физикой и как бы удалилась от реального мира. У некоторых физиков это вызвало сомнение в объективности самой физики. Если в классической физике постоянное соприкосновение с объективной реальностью внушало физику доверие к ней, то "дух математики", вторгшийся в эту науку, мог привести к прямо противоположным результатам. Физик, как и математик, стал привыкать к чисто логическим конструкциям, не всегда умея находить им "земной" эквивалент. В этом некоторые ученые видели одну из причин кризиса физики. В своей рабо-

те "Материализм и эмпириокритицизм" В.И. Ленин, соглашаясь с ними, следующим образом сформулировал свой вывод: "Крупный успех естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками. "Материя исчезает", остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе".²⁶

Вывод Ленина часто воспринимался так, что он бросает тень на сами методы математического анализа. Мы это уже отмечали, когда говорили о борьбе против механистов, которые, по мнению деборинцев, слишком большое значение придавали количественным методам в ущерб качественным. Возвеличение качественного анализа философской школой Деборина как-то само собой, исподволь воспитывало настороженное отношение к методам количественным. Деборинец А. Столяров в работе "Философия "качества" и качество философии некоторых механистов", писал, что XVII век можно назвать золотым веком "количественной реакции". Великие философы являются в то время и великими математиками. Декарт основывает аналитическую геометрию, Лейбниц — дифференциальное и интегральное исчисление. А. Столяров видит в этом также "метафизический момент", поскольку предпринималась попытка универсализировать математический метод, представить его единственным и исчерпываемым. Он счита-

ет, что этим принижалось значение качественного, материального анализа и объяснения. При этом мир, по мнению Столярова, схематизируется, умерщвляется "в абстрактном безразличии всеобщего тождества".²⁷

А. Столяров всеми возможными средствами отстаивает значение качественного анализа — в противовес количественному. Не без страсти он заявляет, что категория "качества" не должна терять своего значения, она не должна меркнуть "в сиянии количественного изучения, как луна на заре. Примером может служить статистический метод. Его успехи огромны; за последние десятилетия он завладел большими новыми областями в биологии, в физике и пр. Но если в биологии и физике его применение весьма *отдаленно* связано с классовыми интересами, то в области изучения общественных явлений эта связь близка и несомненна. Эта связь и является, между прочим, социальным источником тех методологических ошибок, которые в статистике можно резюмировать, как недостаточную оценку значения качественного, "материального" анализа".²⁸ Столяров исходит из того, что количественный метод является чисто описательным, он не может привести к познанию качества, сущности.

Таково было отношение марксистов-деборинцев к количественным методам еще в 20-х годах. Но в условиях относительной свободы тех лет это не звучало как "отмена" количественных методов анализа.

Все резко изменилось в конце 1930 — нача-

ле 1931 года. Когда наступление на "идеологическом фронте" стало усиливаться, настороженное отношение к математике как орудию познания стало проявляться во все возрастающей степени. Вначале это проявилось в критике тех западных ученых, которые применяли статистико-математические методы, особенно теорию вероятности, для анализа биологических явлений. Г. Яффе в статье "Философские основы неodarвинизма" писал, что К. Пирсон положил очень много трудов для обоснования теории вероятности потому, что хотел ею "заменить материалистическое объяснение закономерностей природы вообще и биологии в частности".²⁹ Он исходит из того, что применение теории вероятности, применение математического метода к явлениям биологии, к явлениям наследственности "предполагает сугубо метафизический и механистический подход к этим проблемам".³⁰ На этой основе и был сделан вывод о ненаучности законов Менделя, поскольку они основываются "на теории вероятности, на законе средних чисел".³¹ Весьма характерен общий вывод, к которому пришел автор, обосновывая точку зрения на математические выводы анализа: "Философия шанса была вполне достаточна для мелкого и крупного буржуа с мировоззрением индивидуализма, который не видел и не понимал сложного сцепления общественных связей, а рассматривал себя свободным игроком в случайной игре сил на рынке. Ясно, что эта философия совершенно непригодна для действительного понимания закономерностей природы и общества.

Теория вероятности возникла из потребностей торговых, биржевых сделок, азартных игр, страховых обществ и т.д. Эта теория была с энтузиазмом поддержана Академией наук царского времени, махистами и другими разнообразными идеализмами и поповщинами. И неудивительно. Материю они похоронили; причинность, необходимость и другие естественные закономерности они сдали в архив. Остались только корреляции и их математические определения. Но математические определения считаются годными для всех времен и потому должны помочь хоронить не только материю, но и движение материи, развитие”.³²

Так постепенно стало прокладывать себе дорогу мнение, что математические методы — страшная угроза для марксистской философии, ибо они помогают ”хоронить материю, движение, развитие”. И неудивительно, что их стали изгонять из науки биологической и особенно общественной.

Поскольку Ленин выступал против махизма — приверженцев австрийского физика и философа Э. Маха — слово ”махист” много десятилетий ассоциировалось с понятием ”враг”. И когда философский журнал писал, что ”между махизмом и менделизмом имеется много общего, например... теория вероятности”,³³ то это означало: важная область математики, на которой основана математическая статистика, обречена, как и ученые, которые верили в силу теоретико-вероятностного, статистического анализа

биологических и общественных закономерностей.

Математические методы, играющие столь существенную роль в генетике, подвергались осмеянию, вульгарной критике. Классический труд английского психолога и антрополога Ф. Гальтона "Наследственность таланта", в котором используются статистико-математические методы анализа наследственности, был охарактеризован как вид "средневековой астрологии".³⁴ "Несостоятельность математических упражнений Гальтона для всех очевидна так же, как и математические упражнения Менделя",³⁵ — сказано в статье ПЗМ.

Математические методы в биологии подверглись столь ожесточенной критике потому, что они получили наиболее полное обоснование у К. Пирсона, о котором В.И. Ленин нелестно отзывался в его "Материализме и эмпириокритицизме" как об одном из вождей махизма. В своей "Грамматике науки" Пирсон уделяет много внимания обоснованию теории вероятности. И так как она лежит в основе вариационной статистики и всего математического метода Гальтона и Пирсона, то этого было достаточно, чтобы в течение нескольких десятков лет применение теории вероятности в биологии ставилось под сомнение. Философы исходили не из реального значения математического метода, а из того, что применение математики в физике приводит иногда к "забвению материи". Так из чисто идеологических "философских соображений" целая область научного знания — причем важная об-

ласть — стала преследоваться. Философский журнал с иронией говорил об особой любви, "которую питают к математике махисты и кантианцы".³⁶ И как образец того, как в те годы решались научные проблемы, укажем на вывод, к которому пришел философский журнал: "... условия перехода от НЭПа к социализму, намеченные т. Сталиным, конечно, не были, не могли быть определены при помощи теории вероятности и математического метода".³⁷ Сталин обходился без математики. Этого было достаточно, чтобы изгнать ее из общественной науки и биологии, генетики.

Отрицание статистического метода в генетике было весьма "логично" с точки зрения тех, кто отрицал основное правило Менделя о том, что при скрещивании особей, отличающихся в одном, в паре или в большем количестве признаков, наблюдается расщепление в соотношении 3 : 1. Закон этот был выведен Менделем при помощи элементарных статистических подсчетов. Постепенно в генетике стали применять более совершенные методы анализа, в том числе и статистические. Против этого и выступали лысенковцы при полной поддержке нового философского руководства. Об этом недвусмысленно говорил один из известнейших советских биологов М.М. Завадовский в своем выступлении на так называемой второй дискуссии по генетике, проходившей под эгидой философов. Он не соглашался с теми, кто утверждал, что "статистический метод, которым пользуется современная генетика, порочен, так как он

не вскрывает биологических закономерностей”³⁸.

Генетиков критиковали за то, что, познавая статистические закономерности, они упускают из виду *биологические*. Этот аргумент стал затем центральным, когда вообще стали отрицать статистические, математические методы и их значение для различных отраслей наук. Нельзя, говорили экономисты, статистическими методами изучать *экономические* законы, а философы утверждали, что нельзя при помощи статистических методов объяснять *социальные* закономерности, и т.п. Так постепенно накладывалось табу на применение математико-статистического метода в различных областях знания.

Все дальнейшее развитие генетики убедительно показало, насколько поверхностной является подобная точка зрения. Статистические методы используются только для того, чтобы на их основе раскрыть качественную природу изучаемого явления, будь то генетика, экономика или социология. Ни один генетик биологических явлений математическими законами не объясняет, равно как экономист — экономических или социолог — социальных.

Много зла в деле дискредитации теоретико-вероятностных, статистических методов анализа явлений живой природы принесли два маститых, наделенных огромной властью академика — М. Митин и Т. Лысенко. На одном из весьма важных совещаний так называемой 2-й дискуссии по генетике, состоявшейся в 1939 году, М. Митин обрушился на выдающегося ученого

Н. Вавилова и других ученых за то, что они генетическую теорию объясняют при помощи методов, принятых в теории вероятности. Аналогия случайной комбинации генов, скажем, с карточной игрой — широко известный наглядный пример, иллюстрирующий вероятность тех или иных случайных комбинаций. Сообщив указанному совещанию, что Вавилов и другие генетики пользуются методами теории вероятности, Митин буквально вышел из себя и обрушил на них свой гнев.³⁹

На следующей дискуссии по генетике, состоявшейся в 1948 году, Лысенко развернул уже более широкую философскую программу борьбы с генетикой, обнаружив абсолютное непонимание сущности случайных процессов и методов статистики, при помощи которых они изучаются. Возражая по существу против законов природы, он высмеял тех, кто говорил о расщеплении признаков в гибридном потомстве как результате случайных комбинаций материнских и отцовских половых клеток. Лысенко буквально пошел в поход против подобного понимания живой природы, где "кругом господствует случайность".⁴⁰ Он говорил:

"Не будучи в состоянии вскрыть закономерности живой природы, морганисты вынуждены прибегать к теории вероятности и, не понимая конкретного содержания биологических процессов, превращают биологическую науку в голую статистику".⁴¹

Лысенко назвал статистический метод "игрой в шарик", а статистическую закономерность начисто отрицал.

Несмотря на то, что эти слова принадлежали биологу, а не статистику, они имели роковое значение именно для статистической науки. Запрет применять методы статистики в биологии был воспринят как прямая директива с еще "большим основанием" запретить их в общественной науке. Сразу же после сессии ВАСХНИЛ, которую рассматривали как личную затею Сталина, на страницах "Вестника статистики" — органа ЦСУ — началось подлинное гонение против теории вероятности как орудия познания явлений общественной жизни.

На этом фоне большое значение имеет деятельность Э. Кольмана, который — один из немногих философов тех лет — видел роль, значение и возможности математического метода анализа. Он вместе с тем стоял за определение границ этих возможностей, выступал против превращения статистики в "фетиш", он за то, чтобы математическим методом пользовались осторожно. Э. Кольман, в отличие от Лысенко, признавал заслуги Менделя в приложении статистического метода к опытам по гибридизации.⁴²

Итогом всех этих теоретических манипуляций явилось свертывание, *прекращение социологических исследований*, самостоятельных статистических обследований. Дореволюционная Россия имела большой опыт подобного рода исследований. Эта традиция шла от так называемой земской статистики (земство — система

учреждений местного самоуправления). Земские статистики обследовали главным образом состояние сельского хозяйства. Они собрали громадный материал о состоянии и развитии крестьянского хозяйства России, легший затем в основу многих социально-экономических, социологических исследований.

После революции традиция по сбору самостоятельных статистических данных с целью анализа давала о себе знать. Это можно видеть на примере бюджетных обследований, которые были в свое время очень популярны в дореволюционной России благодаря деятельности земских статистиков. Это были выборочные статистические обследования семейных бюджетов, являвшиеся источником для изучения жизненного уровня различных слоев населения.⁴³ Бюджетные обследования широко практиковались и в первые годы после революции. С.Г. Струмилин еще в 1918 году провел первое такое обследование в Петрограде. С тех пор регулярно проводились обследования семейных бюджетов, которыми руководили ЦСУ, Наркомтруд и ВЦСПС.⁴⁴

Почти все области социальной жизни были предметом социологического анализа на базе собранных статистических данных. Вот некоторые примеры. С.Я. Вольфсон провел исследование, посвященное социологическим вопросам брака и семьи.⁴⁵ Это одно из последних исследований подобного рода, ибо буквально через год все материалы по этой теме станут засекреченными. Интересно в этой связи отметить, что через 8 лет Вольфсон издал книгу на аналогич-

ную тему, но там преобладали уже теоретические и исторические вопросы, а конкретный статистико-социологический анализ отсутствовал.⁴⁶

Большой статистический материал привлек С. Струмилин в своей работе "Проблемы экономики труда".⁴⁷ На этом конкретном материале исследовал он и проблему досуга.

Социальные исследования были посвящены быту рабочих, причем выводы делались на конкретном материале.⁴⁸

Не был в 20-х годах обойден и вопрос о массовой коммуникации, который потом получил широкое освещение во всем мире в связи с развитием радио и телевидения. Был произведен ряд специальных исследований эффективности воздействия печати на читателя. Мы имеем в виду исследования Я. Шафира,⁴⁹ Лебедева,⁵⁰ В.А. Кузьмичева,⁵¹ Рубакина Н.А.⁵²

В конце 20-х — начале 30-х годов однако самостоятельные социологические исследования внезапно исчезли, поскольку был наложен запрет на публикацию почти всех статистических материалов. Советской социологии был нанесен непоправимый удар. Эмпирические исследования социальной жизни были полностью прекращены.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1 В. Ритц. Математические методы в статистике. Издательство "Экономическая жизнь", М., 1927, Пред. В. Базарова, стр. 6.
- 2 П. Вышинский. Образчик вредительской философии. ПЗМ, 1931, №№ 1-2, стр. 136-137.
- 3 Там же.
- 4 См. А. Лозовой. О последствиях вредительства в статистической науке — "Большевик", 1938, №№ 23-24, стр. 117.
- 5 См. там же, стр. 118.
- 6 Там же, стр. 119.
- 7 Там же.
- 8 Там же стр. 117.
- 9 См. В. Малыцев. На статистическом фронте. — "Проблемы экономики", 1940, № 4, стр. 115-116.
- 10 См. "Вестник статистики", 1950, № 1, стр. 88-94.
- 11 См. "Вестник статистики", 1950, № 2, стр. 15, 17.
- 12 См. Теория статистики, М., 1953, стр. 3, 36.
- 13 См. Теоретическая статистика для экономических высших учебных заведений и факультетов, утвержденная Министерством высшего образования СССР 22 июня 1949 г., стр. 2 и 9.

- ¹⁴ См. Ученые Записки по статистике. Из-во АН СССР, М., 1955, стр. 163.
- ¹⁵ См. "Вестник статистики", 1950, № 4, стр. 13.
- ¹⁶ Т.И. Козлов, В.Е. Овсиенко, Д.В. Савинский, В.И. Смирнский. Курс общей теории статистики, М., 1956, стр. 16.
- ¹⁷ См. С.С. Остроумов. Советская судебная статистика, 2-е изд., М., 1954;
А.А. Герцензон. Судебная статистика, 4-е изд., М., 1948.
- ¹⁸ А.А. Чупров. Очерки по теории статистики. СПб, 1910, стр. 289.
- ¹⁹ Там же, стр. 34.
- ²⁰ А. Кетле. Социальная система и законы ею управляющие. СПб, 1866, стр. 94.
- ²¹ См. напр., Т. Козлов. К вопросу о предмете и методе статистики. — "Вопросы экономики", 1952, № 4, стр. 63.
- ²² "Вестник статистики", 1962, № 8, стр. 67.
- ²³ "Вестник статистики", 1952, № 3.
- ²⁴ Н.Н. Ряузов. Предмет статистики. Ее теоретические основы. Статистическая методология. Из-во Всесоюзного заочного Финансового института, М., 1958, стр. 15, 16.
- ²⁵ См. БСЭ, т. 40, 2-е издание, стр. 527.
- ²⁶ В.И. Ленин, Сочинения, т. 14, стр. 294.
- ²⁷ А. Столяров. Философия "качества" и качество философии некоторых механистов (статья 1-я) — ПЗМ, 1926, № 6, стр. 79.

- 28 А. Столяров. Философия "качества" и качество философии некоторых механистов (статья 2-я) — ПЗМ, 1926, № 7-8, стр. 27.
- 29 Г. Яффе. Философские основы неodarвинизма. ПЗМ, 1932, № 7-8, стр. 207.
- 30 Там же, стр. 209.
- 31 Там же, стр. 210.
- 32 Там же, стр. 211.
- 33 Там же.
- 34 Там же, стр. 204.
- 35 Там же.
- 36 Там же, стр. 207.
- 37 Там же, стр. 210.
- 38 М.М. Завадовский. Выступление на 2-й дискуссии по генетике — ПЗМ, 1939, № 11, стр. 38.
- 39 См. М. Митин. За передовую советскую генетическую науку. — ПЗМ, 1939, № 10, стр. 164.
- 40 Т.Д. Лысенко. Заключительное слово на сессии Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук. Стенографический отчет. ОГИЗ — Сельхозгиз, М., 1948, стр. 520.
- 41 Там же.
- 42 См. Э. Кольман. Выступление на 2-й дискуссии по генетике — ПЗМ, 1939, № 11, стр. 107.
- 43 См. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860 по 1917 гг., в. 1-2, М., 1926;
Н.А. Свавицкий. Земские подворные переписи, М., 1961.

- 44 См. Г.С. Поляк. Бюджеты рабочих и служащих к началу 1923 г., М.-Л., 1928;
В.С. Овсянников. Как живет рабочий в СССР, М.-Л., 1928.
- 45 Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи, Минск, 1928.
- 46 Вольфсон С.Я. Семья и брак в их историческом развитии, М., 1937.
- 47 Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. Очерки и этюды, М., 1926.
- 48 Коган Б., Лебединский М. Быт рабочей молодежи. По материалам анкетных обследований, М., 1929.
- 49 Шафир Я. Очерки психологии читателя, М.-Л., 1927.
- 50 Лебедев Д. Голос миллионов, М.-Л., 1928.
- 51 Кузьмичев В.А. Организация общественного мнения, М.-Л., 1929.
- 52 Рубакин Н.А. Психология читателя и книга, М.-Л., 1929.

СУБКУЛЬТУРЫ

**МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА
ОДНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ.
МОСКОВСКИЕ ТАКСИСТЫ.***

Если в XIX — начале XX в. в России появилось несколько десятков работ (исследований и словарей) по воровскому аргю и так называемым *условным* языкам (т.е., в конечном итоге, различным вариантам офенского языка), то после революции 1917 г. заметно усилился интерес и к субкультурным диалектам (см., например, книгу И. Шпильрейна "Язык красноармейца", М., 1928, и замечательную полную статью Л. Успенского "Материалы по языку русских летчиков", Язык и мышление, Ин-т Языка и Мышления АН СССР, VI-VII, 1936). К сожалению, всякая официальная научная работа в этой области в Советском Союзе почти полностью прекращается с середины 1930-х гг.; во всяком случае, до начала 1960-х гг. в СССР по ненормативной лексике, насколько нам известно, было напечатано крайне мало, — за исключением засекреченных словников, периодически изготавливаемых органами охраны общественного порядка, — и публикации на соответствующую

* Данная статья писалась в 1976 г., т.е. до двукратного повышения платы за проезд в такси. В связи с этим приводимые здесь финансовые выкладки ныне представляют лишь исторический интерес.

щую тему происходили, в основном, на Западе.

В первой половине 1960-х гг., скорее всего вследствие определенных изменений во внутриполитической ситуации СССР, на страницах советской научной периодики вновь появляются работы, дающие представление как об общем состоянии ненормативной русской лексики, так и о жаргонах отдельных социальных групп, например, студентов; см. Л.И. Скворцов, "Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика)", Вопросы культуры речи, Ин-т Русского языка АН СССР, 1964, вып. 5; на Западе также произошло увеличение числа подобных публикаций (см., например, M. Galler and H. Marguess, „Soviet Prison Camp Speech”, The University of Wisconsin Press, Madison, 1972 — о лагерном жаргоне, T. Magner, The Stiljaga and His Language, The Slavic and East European Journal, 15, 1957 — о жаргоне *стиляг*, N. Nilsso Soviet Student Slang, Scando-Slavica, 1960, tomus VI — о советском студенческом жаргоне, и т.д.).

Тем не менее, за исключением, пожалуй, воровского аргю, профессиональные русские жаргоны второй половины XX в. остаются практически неизученными, хотя их немало; взять, к примеру, жаргон музыкантов (так называемый *лабушский диалект*), насчитывающий, по видимому, несколько сот словарных единиц; жаргон шахтеров, спортивных болельщиков, картежников и т.п. По сути дела, речь представителей большинства профессиональных групп в той или иной степени окрашена каким-то количеством арготических элементов (нам не удалось

пока обнаружить таковых, к примеру, в речи профессиональных философов, из чего не следует вывода, что их в этой речи совсем нет): см., например, статью Д.С. Лихачева "Арготические слова профессиональной речи", в Развитие грамматики и лексики современного русского языка, М. Наука, 1964.

Настоящая работа посвящена жаргону одной из высоко арготирующих социальных групп — шоферов такси, а именно *московских* таксистов, поскольку полевые исследования проводились по большей части в Москве. Материал для статьи собирался следующим образом: в разговорах с примерно 30-ю московскими таксистами было собрано определенное количество лексикографического материала; записанные слова были занесены на карточки и перепроверены в пространных интервью (одно из которых стенографировалось, а другое — записывалось на магнитофон) с двумя опытными шоферами такси, которые отвергли часть словарных единиц и добавили ряд новых. Автор также имел возможность свериться с частью коллекции К.В. Косцинского, которому (равно как и А. Гольдфарбу, Виктору Соколову и Ф. Беленькому) он бесконечно благодарен за помощь. Разумеется, представленный здесь лексический материал никоим образом не охватывает всего жаргона таксистов: работа в специфических московских условиях не позволила создать исчерпывающего словаря, в связи с чем данная публикация носит предварительный характер и служит скорее для того, чтобы возбудить интерес буду-

щих исследователей и предоставить им некий исходный материал.

Московские водители такси образуют, в силу ряда черт своей профессии, четко выраженную субкультуру, обладающую особым жаргоном, который по большей части остается неизвестным большинству населения города (последнее относится и практически ко всем другим советским субкультурам, кроме *блатной*, язык которой постоянно просачивается в окружающее общество; в отличие от ситуации на Западе, где соответствующий лексический материал постоянно используется не только в литературе, но и на страницах массовой печати, в СССР, создается впечатление, члены одной социальной группы не имеют ясного представления о том, каким языком пользуются представители других; вышесказанное не относится лишь к языку непристойностей, который, по-видимому, достаточно общеизвестен).

Укажем на некоторые из факторов, сопутствующих формированию и функционированию субкультуры. Очевидно, что наличие автомашин облегчает получение незаконного дохода в любом обществе; имея доступ к автотранспорту в стране, частный автопарк которой не достиг еще уровня индустриальных обществ, советский таксист ставится перед определенным соблазном, которому он не всегда способен противостоять. (Здесь он отличается от своего западного коллеги и тем, что живет в обществе, не поощряющем частную торговую деятельность и одновременно испытывающем периодическую

нехватку популярных товаров, — трудно представить себе, к примеру, шведского водителя такси, торгующего в своей машине дефицитными коврами.) Относительная слабость контроля за деятельностью водителя в городе не уменьшает этот соблазн. Эти и другие факторы (часто характерные для советского общества в целом) приводят к тому, что шоферы такси имеют широкие возможности для злоупотреблений; большие, например, чем заводские рабочие.

Чтобы проиллюстрировать обстоятельства, сопутствующие деятельности московского таксиста, приведем выдержку из письма московского литератора Виктора Соколова, 3 сентября 1975 г. любезно взявшего по просьбе автора интервью у одного из водителей такси:

"Волга" стоит частнику 9.200 (рублей — В.К.), парку — 3.000. Дневной план: обычной "Волги" — 35, "Универсал" — 50 руб. ... В обычной "Волге" 1 км — 10 коп., посадка — 10 коп., один час простоя у клиента — 1.50. "Волга-Универсал": 1 км — 15 коп., посадка — 15 коп., час — 2 руб.

Водитель обычной "Волги" получает от парка с каждого километра 2,5 коп. Водитель "Универсала" — 2,75 коп. За включение счетчика водителю обычной "Волги" причитается 6 коп., "Универсала" — 9 коп. Таким образом, дневная официальная выручка водителя обычно около 10 руб.

В смену счетчик обычно включается от 15 до 30 раз. На чай водители берут обычно от 10 до 50 коп. Водители "Универсала" менее щепетильны, особенно, когда перевозят вещи — от 50 коп. до 1 руб. — у меня вчера было взято 5 руб., хотя по счетчику — 4.04 только было.

Как ты знаешь, важнейшая статья дохода — пассажиры-попутчики, когда водитель кладет в карман считай полторы суммы, показываемой счетчиком, хотя по правилам должно пассажирам скидываться и отдать *шефу* только то, что на счетчике. Но сколько всего выходит таким образом — мой таксист промолчал.

Как быстро окупается машина — рассчитать довольно легко:

$$\frac{3.000}{35 - 10} = \text{количество рабочих смен.}$$

При этом, разумеется, не учитывается ремонт, содержание парковых служб и услуги и пр. Но ведь и эксплуатируется машина не только до того момента, когда она окупается целиком, но значительно дольше. Так что прибавочная стоимость, я полагаю, гораздо выше накладных расходов.

Возвращаясь со смены в парк, водитель раздает в среднем 1 руб.: 10 коп. — вахтеру, 20 — мойщице, 30 — диспетчеру, 40 — механику. Дважды в месяц — профилактический осмотр. Мой таксист сказал, что они со сменщиком отдают на это — 15 руб. в месяц (вдвоем), т.е. по 7.50. Ну, а если авария какая, — не рассчитаешься, вздохнул он. К сдельному заработку (см. выше) водителю I класса идет месячная надбавка 17 руб., II класса — 7 руб., III класс работает только за выработку.

Приведенная цитата интересна не только в смысле описания экономических аспектов работы таксиста и таксопарка; из нее уместно сделать и следующий вывод: злоупотребления, на которые идут некоторые члены субкультуры, отнюдь не всегда объясняются исключительно корыстью, а есть нередко и результат финансовой необходимости, проистекающей из ут-

вердившейся в таксопарках специфической ситуации (именно: нужды раздавать постоянные подачки многочисленному обслуживающему персоналу парка).

Так или иначе, злоупотребления практикуются членами субкультуры достаточно широко, чтобы породить следующий анекдот (рассказанный одним из информаторов и представляющий часть фольклора структуры):

"Ругаются две соседки на кухне. Одна говорит, тра-та-та, ты у меня в чайнике носки кипятишь, ты такая-сякая... А та слушает, слушает, сказать нечего, а потом, наконец, отвечает: "Ну и что? А зато к тебе таксист ходит! ..." (записано 1 февраля 1974 г.).

(Здесь и далее взятые в кавычки отрывки являются оригинальными цитатами из стенограмм интервью.)

Как и любая другая социальная группа, находящаяся в сложных взаимоотношениях с законом, таксисты вырабатывают свой особый язык, служащий не столько для сокрытия незаконной деятельности от посторонних, сколько для создания эффекта сопричастности к своей субкультуре, для опознавания своих и просто для обозначения понятий, не имеющих названий в литературном языке. Затем, повышенное эмоциональное напряжение, характерное для деятельности водителя такси (тяготы шоферской работы вообще; своеобразные отношения, в которые он вступает со служащими таксопарка и пассажирами и т.п.), является классическим фактором, способствующим развитию жаргона.

Важнейшим элементом прилагаемого Словника являются термины, обозначающие своеобразные *профессии* таксистов. Грубо говоря, члены субкультуры делятся на две неравные группы: постоянно занимающиеся незаконной деятельностью (*деловые, мастера*) и те, кто занимаются ею изредка или не занимаются вообще (*тротуарщики* — "те, про кого в газетах пишут", *додики*), причем, последних несомненно больше: в Москве три крупных аэропорта (Внуковский, Домодедовский, Шереметьевский), один основной аэровокзал (на Ленинградском шоссе), одна остановка аэропортового автобуса (на площади Революции) и девять железнодорожных вокзалов (Белорусский, Казанский, Киевский, Курский, Ленинградский, Павелецкий, Рижский, Савеловский и Ярославский); если исходить из сообщенных информантами сведений, у аэропортов и аэровокзала в среднем дежурят до 50 таксомоторов (*аэродромщики*), а у железнодорожных вокзалов (*вокзальщики*) — часто намного меньше (что зависит от величины и загруженности вокзала и характера пассажиров, им пользующихся); общее число *катал, амащиков* и т.п. также относительно невелико и, тем более, многие *деловые* свободно совмещают несколько соответствующих специальностей; таким образом, число *деловых* намного меньше половины общего количества таксистов Москвы; точное число последних нам неизвестно, однако, судя по тому, что таксопарки Москвы, по сообщениям информантов, насчитывают около 20 тысяч машин (из которых до

одной четверти постоянно находятся в ремонте), оно достигает, по меньшей мере, 20 тысяч (а если учесть, что машины используются не в одну смену, мы получим и куда большую цифру). Разумеется, неприступной границы между вышеуказанными группами нет, и, судя по всему, происходит перетекание членов одной в другую.

Нас в данном случае больше интересует первая группа (*деловые*), поскольку в ней естественней встретить *активных* носителей занимающего нас жаргона. Пользуясь выдержками из записанных интервью, рассмотрим для примера некоторые из приведенных в Словнике терминов.

Ковровщик, как правило, не берет пассажиров вообще ("Считают позором, если у него пассажир побывал в машине... один наехал 150 тысяч километров: "В моей машине пассажир еще не был..."), а *заряжает* (дает взятку) в магазине, куда поступили дефицитные ковры, и торгует ими в машине ("Ночью кидает механику 20-30 рублей, тот поднимает машину домкратом и накручивает километраж" ... или "...дает сменщику 20-25 рублей, и тот накатывает километраж").

Мешочник, "Ну, например, предварительно договаривается, едет в деревню, скажем километров за 30-40 от Москвы, берет обыкновенно двух пассажиров рано утром, сажает их на первое сиденье, а багажник и заднее набивает, например, картошкой, мешка по 4 на брата, и везет на базар... берет по 3 рубля с пассажира, то есть 3 на 2 — уже 6 рублей, и 5 рублей с мешка, то есть 5 на 8 — 40, плюс 6 — 46 рублей, ... на счетчик уже не смотрит...".

Вокзальщик, — *зарядив*, к примеру, рублей 15 контролеру, стоит у железнодорожного вокзала, где сажает в машину до 5 пассажиров (правилами допускается максимум четыре, однако на этот случай шофер *заряжает* и *Яшке*) и отвозит на другой вокзал; счетчик в конце поездки показывает, предположим, 1 рубль, однако, клиенты дают водителю минимум по рублю *каждый* ...

Лох — излюбленный объект надувательства. "Это хороший пассажир с деньгами... С Севера — Казанка, Внуково... — большие деньги... *лох*, настолько *лох*...", что *деловой* едет за его автобусом до площади Революции: "... он его сквозь самолет видит... самолет еще не сел, а он его уже видит... он его через автобус видит...". "Обычно северные люди пьяные приезжают..." — в машину к *катале*, заполучившему *лоха*, садится, якобы случайно, и *подсадной*, — в карточной терминологии *поднатчик*, — "давай сыграем, я тоже из Сибири", и *лоха* скоро обыгрывают в карты до нитки (во Львове, например, в карточную игру *петушок*), а если он никак не проиграется, то "иногда и просто отнимают" деньги, в связи с чем, по словам одного из информаторов, стюардесса "еще в самолете предупреждает: бойтесь московских таксистов".

В процессе интервьюирования не удалось обнаружить специального названия для весьма распространенного в разные периоды таксистского промысла — незаконной торговли водкой после прекращения ее продажи в магазинах (19 часов). В качестве иллюстративного материала приведем выдержку из записанного (3 ноября 1973 г.) на магнитофон интервью с бывшим водителем такси (этот отрывок любопытен и тем, что представляет собой оригинальный образец речи, окрашенной элементами воровского аргю, в связи с тем, что информант незадол-

го до этого отбыл краткий срок лишения свободы). Отрывок значительно сокращен за счет нецензурной (*матерной*) лексики; пояснения в скобках — автора статьи; оставшиеся без объяснения выделенные курсивом термины см. в Словнике.

”Вишь, ловят, ловят... там (на Комсомольскую площадь, где находятся Казанский, Ленинградский и Ярославский вокзалы) вот вечером приди, часов в одиннадцать, там и водкой торгуют... но это еще раньше было. Там, до одиннадцати она стоит пять рублей, после одиннадцати — семь. Вишь, таксисты этим мало занимаются сейчас. Некоторые занимаются, некоторые, но мало...” (А почему? — В.К.) ”А потому, что давали таксистам такие бумаги: ”Обязуюсь в салоне автомобиля не возить и не хранить вино-водочные изделия”. И подпись. Свою роспись ставишь... Так что... я лично, в общем, этим не занимался, а некоторые, значит, так: я тебя беру, ты мой *кент* (друг, приятель). Мы с тобой в шесть часов нагружаем *буренку* (водку)... бутылок, наверное, восемь, десять... в сумку спортивную... и все. Я тебя на *бан* приволок, ты выскакиваешь. Ты пассажир мой, и все. Сумка у меня стоит. Подходят контролеры, кто ко мне ни подошел... Я говорю: ”Я жду пассажира”. А он *пасет* (наблюдает) за машиной. Он подходит: ”В чем дело? Что случилось, что случилось? Я встречаю свою девушку, мы сейчас едем на свадьбу”. И все. У него, понимаешь, *отмазка* (здесь отговорка, предлог) уже *железная* (здесь верная) есть. Вот. И вот он... А он там ходит, значит, *пасет*: ”Ну, чего, водочка, что ль, нужна?”. Ну, там, попадаются вот эти вот... *амазники*. А выпить негде им. Понимаешь. Вот он и смотрит на время: ”Ага, без пяти одиннадцать. За пять рублей. Через пять минут семь рублей будет стоить”. Ну вот он тут же раз ему... *филки* (деньги) отдает... Вот такая вот система... Ну, сейчас, в общем-то, говорят, в такси прижали очень сильно. Я вот Петьку

недавно встретил... говорит, если ты приедешь туда, то и не ходи лучше в такси”.

Как и большинство социальных групп, субкультура обладает своим фольклором: см., например, вышеприведенный анекдот; широкое хождение (также и за ее пределами) получил в городах всей Европейской части СССР мифический разговор с водителем такси, существующий во многих вариантах, например: *”Шеф, зебра (здесь таксомотор) свободна? Довези до Брода (здесь улица Горького). Мочалки, падайте в машину.”*, или с тем же началом: *”Довези до Лохматого. Кошелки, падайте в машину”*, или *”Водила (здесь водитель такси), рябая (здесь таксомотор) свободна? До Чучела подбросишь? Зеркально (здесь прекрасно, блестяще)! Метлы, падайте в машину”* (все — Москва), или *”Чувак (здесь парень), до Чучела дотрясеешь? (Киев) — мочалки, кошелки, метлы —* здесь девки; широко известна в фольклоре субкультуры и некая *амащица* (см. *амащик* в Словнике), базирующаяся на шоссе, ведущем в Ленино-Дачное и обслуживающая исключительно водителей такси (по одним сведениям, за 3 рубля, по другим — за рубль, однако цифры более 3 рублей ни в одном интервью названо не было). В этой связи следует упомянуть и профессию *амащика*, предоставляющего свой таксомотор в распоряжение проститутки (*амащицы*), функционирующего обычно в районе так называемых ”трех вокзалов”, т.е. на Комсомольской площади, и гостиницы ”Москва”. Деятельность этой профессии хорошо проиллю-

стрирует приводимый ниже отрывок из уже цитировавшегося интервью от 3 ноября 1973 г. (см. примечания к предыдущей выдержке):

"И вот, видишь, он занимался *амамскими делами*; значит, у него две *телки* (здесь девки) были на вокзале уже постоянные, значит, там, допустим, Катерина и Ирина. Он подъезжает, там, становится недалеко от заправки... Ну вот, Катерина, значит, к нему подходит, там, "Здравствуй, Вася" — "Здравствуй, Катя". "Ну что, поехали?". Она говорит: "Поехали". Она садится в машину к нему, он включает счетчик... делает круг по вокзалу и останавливается где-нибудь недалеко от Ленинградского вокзала, там, где проходят пешеходы. Ну вот, она сидит в машине, сзади, открыв окно, и курит. Ну, держится так... более-менее солидно... никаких таких проститутских замашек. Ну, подходит, там, к нему какой-нибудь грузин с этой стороны, или этот, там... *ара* (здесь грузин), в общем, или их еще называют *звери*. Вообще всех *нацменов* (представителей национальных меньшинств) называют "*звери*"... Зверь подходит к нему: "Слушай, там, что эта девушка *весит* (стоит)?" Ты ему говоришь, там: "... Спроси у нее". Ну и все. Ты уже видишь... Ты уже приглядел, там, смотришь: никакого, никаких *хвостов* (здесь слежки), ничего... Видишь, что это действительно *лох*, *зверь* притом... *бабки* (деньги) у него *всю дорогу* (все время) есть... Она, значит, двигается, и он садится к ней. И начинают, значит, там... "Я тебе столько даю, сделай мне... *амам* (см. *амамщик* в Словнике)". Она говорит: "А *шефу*?" "А *шефу* я, — говорит, — оплачу сам". "Да?" — "Да". И вот, значит, он ей платит, допустим, за *амам*, он ей — четвертной, она ему *объявила*. Он, значит, четвертной ей платит и дает еще *шефу*, там, они с ней накатали, допустим, рубля полтора, но он в пятикратном размере ему платит — пятерку дает ему, то есть, они еще могут кататься, там, на четыре рубля, то есть, *бабки* есть... и плюс еще, ко всему прочему,

она ему отдает с четвертного *чирик* (десять рублей, червонец). Видишь... Пятнадцать рублей они заработали за один сеанс — она ему отдает пятерку. В общем, третью часть стараются всегда... Ну это все зависит от того, что за *телка*. Если она хорошая его *телка*, она половину отдаст. А если они с ней тем более *гужуются* (здесь пьянствуют, гуляют) *всю дорогу*, там, вместе, все эти деньги заработанные идут чуть ли не ... Она и в ресторан, там, сводит и, там, ...куда хочешь. (А много народу в такси этим занимается? — В.К.) "Сейчас — не знаю, как". (А раньше занималось много? — В.К.). "Занималось много. Это была эпидемия... так же, как и валютная лихорадка, вот, в последние годы захлестнула..."

Завершая наш по необходимости беглый обзор субкультуры московских таксистов, служащий лишь предварением к нижеследующему Словнику, упомянем о весьма неромантическом отношении к миру среди по крайней мере части ее членов (самой популярной поговоркой в ряде таксопарков Москвы в 1973-1974 гг. была: "Кого (нецензурный синоним слова "волнует") чужое горе?"), о ее развлечениях: до начала перестройки улицы Маши Порываевой (*улицы Маши Дырочкиной*) в начале 1970-х гг. существовало состязание: "Кто на *улице Маши Дырочкиной* сможет проехать, чтобы ни в один (канализационный — В.К.) колодец не попасть"; на старых автомашинах, без крыши, с выломанными фарами, переделанных в таксопарках под вывоз мусора, писали "*Фантомас*", или "Ну, погоди!" (название популярной мультипликационной серии); и, наконец, словами шофера, об общении с пассажирами:

”С двух тридцати до трех тридцати ночи — мертвая Москва... до двух ночи с четырех утра — живет своей жизнью: после двенадцати (ночи — В.К.) — работа у общежитий, гостиниц, ресторанов, ... с четырех утра — едут водители автобусов, метро... начинают высыпать мужчины и женщины, которым очень хочется спать, но не получилось, а домой попасть надо раньше утра... и причем — что интересно, они всегда таксистам рассказывают, где, что, кого и чем... И природа так устроена, что и таксисту хорошо, а то спать сильно хочется...

Замечания к Словнику

1. Поскольку основная работа проводилась в Москве (в 1973-74 гг.), большая часть терминов — из лексикона московских водителей такси; из телефонного интервью с бывшим львовским таксистом Ф. Беленьким создается впечатление, что многие из приводимых нами слов бытуют и в других городах; вероятно, можно говорить об общесоюзной субкультуре шоферов такси.

2. М. (Москва), Л. (Ленинград) и Лв. (Львов) обозначают географическое распространение термина (ввиду предварительного характера данной работы, эти пометки никак нельзя считать окончательными).

3. Звездочкой (*) помечены слова, не специфичные для одной лишь таксистской субкультуры, а употребляемые и в других социальных группах (например, *бан*, *лайба*, *лопатник*, *лох* являются старыми элементами воровского ар-

го, тогда как *аппарат, мотор, тачка* — также и термины молодежного жаргона, и т.п.).

4. Время появления некоторых терминов указывается в словарных статьях, работа над датировкой остальных еще не закончена. Можно предположить, что большинство из них существуют по крайней мере с начала 1960-х гг.

5. Иллюстративные цитаты, не снабженные ссылками, взяты из интервью.

6. В Словник не вошел ряд терминов, нуждающихся в перепроверке, например, *цветной и союзник* — синонимы *Яшки*, или львовское *фострига* — "штырь в форме рогатины, упирающийся одним концом в рулевую колонку, а другим натягивающий трос спидометра, позволяющий скрыть "холостяк".

7. Материал сверялся по двум полнейшим словарям арготической лексики: С.М. Потапов, "Словарь жаргона преступников (блатная музыка)", изд. НКВД, М., 1927, и И.П. Воривода, "Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом", изд. МВД Каз. ССР, Алма-Ата, 1971, — соответственно *Потапов и Воривода*, — скверное исполнение которых искупается их объемом (словарь Потапова содержит более 4 тыс. слов и выражений, Вориводы — около 3 тысяч).

С Л О В Н И К

1. **Амамщик** м. Шофер такси, за плату предоставляющий свою машину проститутке (М.; от звукоподр. *амам, амамка*, „fellatio” отсюда жаргонный термин *амамищица*, проститутка, специализирующаяся на fellatio).

2. ***Аппарат** м. Таксомотор (Харьков, Ср. Азия; *Воривода*: ”любая машина или двигатель, автомашина”).

3. **Аэродромщик** м. Шофер такси, извлекающий незаконный доход из обслуживания аэропортов (М.; во Лв. то же, что *вокзальщик* в связи с небольшим размером города).

4. ***Бан** м. на бану мн. р. банов. Ж.д. вокзал. ”Покуришь план, идешь на бан и щипешь пассажиров”. Из песни В. Высоцкого (общесоюзн.; появился в начале XX в.; от немецкого Bahnhof; *Потапов*: ”вокзал, пристань; людное место”, *Воривода*: ”базар, вокзал”).

5. ***Бить** нес. (о счетчике), показывать стоимость поездки. ”Бьет трешку” (М.).

6. **Вокзальщик** м. Шофер такси, извлекающий незаконный доход из обслуживания ж.-д. вокзалов (М.; во Лв. то же, что *аэродромщик*).

7. Вратарь м. Служащий таксопарка, отмечающий у ворот выезд и возвращение машин (М.).

8. Галстук м. Шнурок, которым тянут за трос спидометра, чтобы скрыть холостой пробег автомашины (Лв.).

9. *Дальнобой м. поездка за пределы городской черты (М., Лв.).

10. *Дальнобойщик м. Шофер такси, занимающийся дальнобоем (см.) (М., Лв.).

11. *Деловой см. мастер 2 (М.; появилось в воровском аргоне по крайней мере в 1920-х гг.; *Потапов, Воривода* : "блатной").

12. Деревянный Металлический рубль (М.; с начала 1960-х гг.).

13. *Додик м. Молодой, неискушенный шофер такси. "Вижу, едет впереди, берет шляпу, — а, додик" (М.; *Воривода* "пидараст"; в городском жаргоне — презрительное или нейтральное прозвище еврея).

14. Дядя Яша м. см. Яшка.

15. *Зарядить сов. к заряжать (см.) "Ну, я зарядил ему рублишко".

16. *Заряжать нес. (кому-либо) давать взятку, подмазывать (М.).

17. *Захимичить сов. к химичить (см.).

18. **Злая Рота** ж. Контролеры, следящие за работой шоферов такси (М.; *Потапов, Воривода: чертова рота, "уголовный розыск"*).

19. **Катало** м. Шофер такси, использующий машину для шулерской карточной игры (М., Льв.).

20. **Ковровщик** м. Шофер такси, использующий машину для торговли дефицитными коврами (М.).

21. **Контора** ж. Техническое ухищрение, позволяющее получить с машины незаконный доход (М.; ср. *химия*).

22. ***Лайба** ж. Старая, потрепанная автомашина (М.; общесоюзный арготический термин для "автомашины"; *Воривода: "шприц"* — переосмысление термина: в наркоманском жаргоне шприц называется *машиной*; от финского *laiva* "лодка, судно", см. Фасмер М. "Этимологический словарь русского языка", М., 1967. В арго 1940-50-х гг. также встречается форма *лайта*: см., например, милицейский словарь "Слова, употребляемые преступниками, с указанием их значения в обычной разговорной речи" б.м.б.г.).

23. ***Лопатник** м. Бумажник; кошелек. "... у городских лопатник в лепехе снутра или в револьверном кармане..." Копелев Л. "Хранить вечно". Ardis, Ann Arbor, 1975 (общесоюзное; *Потапов: лопатник, лопаточник* "простой бумажник", *Воривода: "мужской складной коше-*

лек"; в жаргоне мошенников и торговцев со второй половины XIX в. в форме *лопатошник*; возм. этимол.: "... плоскую продолговатую формою... несколько напоминает фигуру нижней части лопаты". Смирнов И. "Мелкие торговцы г. Кашина Тверской губ. и их условный язык". Изд. Отд. рус.яз. и словесности Академии Наук, 1902, VII, кн. 3).

24. ***Лох** м. мн. р. лохов (редко — лохов). Простодушный денежный пассажир, жертва надувательства. "Это бы еще тот лох, тот осел!" Шаламов В. "Боль". Новый журнал, Нью Йорк, № 115. (Общесоюзное; *Потанов*: "лицо, мужик, которого можно одурачить"; офенское; впервые отмечено со значением "мужик, крестьянин" в "Реестре слов офенского наречия". Труды Общ. любителей российской словесности, часть XX, М., 1820).

25. **Лохматый** см. *Чучело* 1.

26. ***Лохмута** ж. собир. к *лох*.

27. **Мастер** м. 1. Шофер такси (обычно обращение) (Л.). 2. Шофер такси, поднаторевший в махинациях (М.).

28. **Мебельщик** м. Шофер такси, за высокую плату перевозящий мебель из магазина к покупателю (М.).

29. **Мешочник** м. Шофер такси, частным образом обслуживающий торгующих на рынке колхозников (М.; по аналогии с прозвищем торгов-

цев, тайком провозивших продукты в города в 1918-20 гг.).

30. ***Мотор** м. см. *тачка* (общесоюзное; от *таксомотор* — официальное название такси; см. *Скворцов*, указ. соч.).

31. ***Набивать** нес. см. *бить*.

32. ***Набить** сов. к *бить* и *набивать*.

33. **Объявить** сов. к *объявлять*.

34. **Объявлять** нес. Назначать цену (М.).

35. **Падать** нес. Садиться (обычно о самолете и пассажире), (М.).

36. **Палочка-выручалочка** ж. — Шоферский инструмент — монтировка, используемый в драке (М.).

37. **Пиджак** м. Щедрый пассажир (М.; в воровском аргоне по крайней мере с 1930-х гг., в значении "провинциал", см. Alex A. Kramer "Словарь непризнанных слов" Dictionary of „Unrecognized" and Slang Words, Scientific Russian Translating Service, Trenton, 1966).

38. **Подсадной** — Карточный шулер — сообщник *каталы* (М.).

39. **Подсадчик** м. см. *подсадной*.

40. **Порт** м.р. порта Аэропорт. "Двух лохов я забрал с порта..." (М.).

41. **Сарай** м. Автобус, троллейбус (М.).

42. Сахар м. Мелочь (деньги). "Сколько сахара привез?" (М.).

43. Сват м. см. *Яшка*.

44. Старик м. выраж. "на старика" о способе обмана пассажира, когда счетчик не выключается после предыдущей поездки. "Пьяных возят "на старика", то есть при посадке не выключают со счетчика сумму предыдущей поездки". Кольцов М. "Три дня в такси" в "Фельетоны и очерки", М., 1961 (М.; 1920-30 гг.).

45. * Таксер м. Шофер такси. "... таксер... наглый человек, отказался их ждать без задатка..." Марамзин В. "Человек, который верил в свое особое назначение", Рукопись (Л.).

46. * Тачка ж. Такси (Л., М.: *Воривода*: "такси").

47. Телевизор м. Счетчик таксомотора (Лв.).

48. Тротуарщик м. Шофер такси, не занимающийся махинациями и берущий пассажиров "с тротуара" (М.).

49. Удочка ж. Радиоантенна таксомотора (Л.).

50. Улица Маши Дырочкиной ж. Улица им. Маши Порываевой около Комсомольской площади в Москве (М.; в связи с необыкновенным количеством канализационных люков).

51. Упасть сов. к *падать*. "Ну, чего, — говорит, — не упал самолет?"

52. **Фантомас** м. 1. Небольшая автомашина (марки "Кубань" или польского производства по форме напоминающая микроавтобус и имеющая едва выступающий капот. 2. Старое, разваливающееся такси, переделанное для перевозки мусора в таксопарке (М.; по внешнему виду персонажа одноименных французских кинофильмов).

53. * **Химичить** нес. Оборудовать машину для получения незаконного дохода (Лв.; по крайней мере с 1930-х гг. встречается в воровском арго в значении "обманывать, халтурить, работать нечестно", см. Варди А. "Подконвойный мир", Посев, Франкфурт на Майне, 1971; в городском жаргоне: "мастерить, сооружать что-то мудреное" и т.п.).

54. **Химия** ж. Совокупность ухищрений, позволяющая получать с машины незаконный доход (Лв.).

55. * **Хапуга** м. Прозвище шоферов такси среди других шоферов (М.).

56. **Хозяйщик** м. Шофер такси, обслуживающий по наряду (так называемой *спецподаче*) какое-либо учреждение (М.).

57. **Холодильщик** м. Шофер такси, за высокую плату перевозящий холодильники из магазина к покупателю (М.).

58. **Холостяк** м. Холостой пробег автомашины. Выражение "идти (ехать) холостяком" — Ехать без пассажиров (общесоюзное).

59. * **Целка** ж. Предохранительное устройство, не дающее новой автомашине развить высокую скорость (М.; от жаргонного термина для "девственницы; девственной плевы").

60. * **Чучело, чучело, чучело** с. 1. Памятник К. Марксу на проспекте Маркса в Москве. "... известный памятник К. Марксу напротив Большого театра в Москве молодежь называет "чучелом", и это настолько распространено, что достаточно сказать водителю такси — "к чучелу", чтобы он знал, куда ехать". Л.С. "Не голые слова", Новое Русское Слово, Нью Йорк, 29 марта 1975 г. (М.; среди шоферов такси употребляется реже, чем *лохматый*; с середины 1960-х гг.); 2. вообще популярное прозвище для известных памятников, например, Т. Шевченко в Харькове (обычно в форме *чучало*), Б. Хмельницкому в Киеве и т.п. (*Воривода*: "памятник").

61. **Швейк** м. Солдат (М.; по имени героя романа Я. Гашека "Приключения бравого солдата Швейка").

62. * **Шеф** м. Шофер такси (часто как обращение). "К нему на стоянке подошел парень и сказал: "Шеф, хочешь заработать пятерку?" Амальрик А. "Нежеланное путешествие в Сибирь" Harcourt Brace Jovanovich, New York, 1970 (М.).

63. Шляпа м. Скупой пассажир (М.).
64. Шляпня ж. собир. к *шляпа*.
65. Яша м. см. *Яшка*.
66. Яшка м. милиционер -- работник ОРУД-ГАИ. (М.).

С п и с о к
жаргонных терминов,
встречающихся в тексте статьи,
но не вошедших в Словник

1. ара	16. мочалка
2. бабки	17. нацмен
3. брод	18. отмазка
4. буренка	19. пасти
5. весить	20. петушок
6. водила	21. поднатчик
7. гужеваться	22. рябая
8. дорога: всю дорогу	23. союзник
9. железный	24. телка
10. зверь	25. филки
11. зебра	26. фострига
12. зеркально	27. хвост
13. кент	28. цветной
14. кошелка	29. чирик
15. метла	30. чувак

Нью-Йорк, 1976

О ЗАКЛЮЧЕННЫХ—УГОЛОВНИКАХ

... Читая одну хорошую книгу, я набрел в ней на упоминание высказывания В. АГРАНОВСКОГО в "Комсомольской правде" за август 74 и март 75 годов*. Как я понял, речь в них, в частности, идет о "собственной морали" преступной группы. У меня возникли некоторые возражения, которыми делюсь здесь.

* * *

Хочу высказать несколько замечаний в защиту арестантов. Тема эта почти запретная, но априори принято считать, что преступник — человек безнравственный, потому что он преступник. Думаю, однако, что вопрос не столь прост.

Читая эссе "Честь и достоинство" (Н. ДОЛИНИНА "Просто размышления", "Детская литература", Л., 1977, стр. 63–65), где речь идет о "собственной морали" преступной группы, мора-

*См. серии статей Валерия Аграновского "Остановите Малахова!" и "Вокруг и рядом" ("Комс. пр.", 22–29.8.74 и 15–21.3.75).

ли, включающий в себя и "принцип д'Артаньяна", у меня возникли два возражения.

Во-первых, мне кажется, что никакой "собственной" -- в полном смысле этого слова -- морали они не создали.

Во-вторых, принцип "д'Артаньяна" в таких группах нередко работает. Более того, в силу жестоких условий жизни он нередко доведен до крайности выбора: или-или.

Оговорюсь сразу, речь у меня пойдет о заключенных, не политических, в жизни которых значимость этого принципа сомнений не вызывает, а уголовных з/к.

Волею судьбы я общался с арестанским миром, людьми, не случайными в нем, а настоящими уголовными преступниками в полном смысле этого понятия -- убийцами, ворами и т. п. По воле я с ними не знаком. Поэтому *подчеркиваю* -- *речь об уголовниках-арестантах на примере Владимирской тюрьмы.*

Каковы цели администрации? Прежде всего -- сломить волю з/к, сделать его послушным. Для этого имеются многочисленные возможности, как предусмотренные режимом -- холод, голод и т. д., так и внережимные -- избиения, оставление без медицинской помощи остро нуждающихся в ней, натравливание одних з/к на других. Перечень многотомен и безмерен. В таких условиях вопрос жизни и смерти -- не образ, а жестокая действительность. Каждый стремится выжить, и то, каким путем он идет по арестантской жизни, в значительной степени зависит от глубинных внутренних качеств чело-

века. Здесь, по-моему, в еще большей степени, чем на войне, проявляется нутро человека, потому что здесь — ежедневно риск, постоянно принимаются решения, от которых нередко зависит вся дальнейшая судьба арестанта. И главное, эти трудные решения человек должен принимать сам и только сам, часто молниеносно — нет времени на продумывание решения. Вот тут-то и начинает работать "принцип подлости", группирующий естественным образом арестантский мир.

Грубо по этому принципу можно выделить две категории арестантов (на жаргоне Владимирской тюрьмы) :

1. "Воры" и "воровские".
2. "Шерсть".

Есть еще "мужики" и "работяги", которые в силу ряда обстоятельств оказались практически вне сортирующего воздействия этих принципов (но мне почти не приходилось общаться с ними). Кратко о двух выделенных группах.

"Воры" — з/к, придерживающиеся "воровской идеи" — есть, оказывается, и такая. Это не просто вор в нашем обыденном понимании это тот, кто признан таковым воровской "семьей", включен в нее как полноправный член и придерживается "воровской идеи". В арестантском уголовном мире — это арестантская элита.

К ним примыкают так называемые "воровские" — те з/к, которые придерживаются тех же норм арестантской жизни, что и "воры" но не являются "ворами" в описанном выше смысле. Внутри этой единой арестантской группы "принцип д'Артаньяна" действует в полной мере.

В тюрьме главное — взаимопомощь. Без этого выжить, сохранить свое "я" трудно. В условиях жестокой изоляции взаимопомощь — это прежде всего внутритюремная информация, добывание средств существования и перераспределение их с тем, чтобы поддержать з/к, наиболее лишенных этих средств (карцер, "пониженные" нормы питания на строгом тюремном режиме с их голодными и безмажорными пайками), и бурные протесты против избияния очередной жертвы. Все это делается с постоянным риском очутиться на месте жертвы, быть избитым, оказаться в карцере и т. д.

Так вот, среди "воровской" команды неучастие во всей этой деятельности исключено, ибо отказчик автоматически выбывает из этой братии, и не только формально, но и физически — изгоняется из команды или, не дожидаясь избияния, уходит сам. Тем самым он лишается поддержки таких з/к, попадая под непосредственный произвол судьбы в лице администрации и "шерсти".

Теперь — "шерсть". Публика разнородная. Правит в камере тот, кто сильнее, наглее, подлее. С приходом нового з/к в камере начинаются иерархические подвижки. Каждый вновь отстаивает свой статус, должен вновь себя "поставить". Нередко это сопровождается шумными скандалами, драками, иногда кто-нибудь из з/к "вылетает" из камеры. Среди "шерсти" есть и такие, которые грабят других з/к, не останавливаясь даже перед тем, чтобы отнять последнюю пайку (а пайка, по арестантским понятиям, священна),

избивают, насилюют. Из "шерсти" подбирается состав так называемых "пресс-хат" — камер, в которых "обрабатывают" руками арестантов неугодных администрации з/к: грабят, избивают, насилюют, а иногда и убивают.

Так происходит группировка по "принципу подлости".

Не хочу создать впечатление, будто "воровские хаты" — идеал. Нет, народ здесь отчаянный, но подлость к арестанту этой же группы (да, пожалуй, не только этой) здесь не прощается. Скандалы здесь редки. Слухи и сплетни не в чести. Если з/к что-нибудь утверждает порочащее о другом з/к, он должен иметь доказательства своей правоты либо сослаться на источник своей информации — в противном случае ему может быть худо. Не раз я был свидетелем (не зримо, конечно, а слухом — в тюрьме живешь больше звуками, чем зрением) разборов конфликтных ситуаций среди зэков; не раз к "ворам", как к высшей и авторитетнейшей инстанции, обращались з/к с жалобами на притеснения других з/к, ища у "воров" защиты и справедливости. И надо отдать им должное — "воры" детально вникали в суть конфликта и пытались решить его с позиций обычной человеческой нравственности с поправкой, конечно, на арестантский быт.

Уже в "карантинке" (камере, где содержатся "на строгом" от 2-х до 6-ти месяцев вновь поступившие в тюрьму из зон з/к. Здесь же администрация присматривается, кто есть кто) начинается дифференциация з/к. Каждая "масть" пытается выявить свои камеры, чтобы попасть туда

после "карантина". Редко, когда "шерстяной" попадает в "воровскую" камеру, да и то ненадолго — изгоняется либо уходит сам. Но нередко "воровского" пытаются загнать в "шерсть". Однако пробыть хотя бы недолго в "шерсти" грозит потерей репутации.

Дело кончается иногда трагикомично. Помню, в карцер притащили избитого арестанта. Немного придя в себя, он поведал соседним карцерам: из "карантинки" попал он на другой корпус. В дежурке ему сказали: пойдешь в такую-то камеру. — А кто там? — Пойдешь и все! После краткого препирательства, ожидая подвоха и видя, что его сейчас поволокут силой, недолго думая, он "одел" на голову майора ДПНТ* стул. В карцер приволокли его обделанным на славу. Какова же была его досада, когда он узнал, что камера, в которую собирались его поселить, была "хорошей" (т. е. "воровской").

Вот еще пример. В карцерах курить запрещено, что тяжело воспринимается курящими. Естественно, з/к всячески стремятся обойти это режимное ограничение, пускаясь во все тяжкие, чтобы раздобыть курево: в туалете, при выводе на оправку, выискиваются "хабарики", в щелях карцерного пола тщательно выискиваются крупинки махорки и махорочная пыль. Из камер арестанты пытаются снабдить карцерников куревом, совершая при этом невероятное. Но вот что примечательно: даже самому подлому человеку (причем заведомо известно, что он таков)

* Дежурный помощник начальника тюрьмы.

в куреве не отказывают, и, при возможности доставки, "смолу" (махорку) получает и он. Я был свидетелем, как карцерники возражали против снабжения "смолой" одного из карцерников — известного подлеца. Но "воры" распорядились иначе: "Куревое есть куревое, — сказали они. — А он тоже человек". Бывало и так, что подлец, выйдя из карцера, "продавал" администрации за пайку хлеба пути снабжения карцерников куревом, которым и он пользовался, находясь в карцере. Но это обстоятельство не меняло принципа: каждый курящий по возможности получает в карцере куревое.

Я помню, как один некурящий карцерник из "воровских" с риском продления срока пребывания в карцере (и ему-таки этот срок продлили) добывал "смолку" для других карцерников, хотя те были из "шерстяных" камер.

Так что "принцип д'Артаньяна" вовсе не чужд арестантам. Не всегда, конечно, но это уже зависит от внутренних качеств человека.

Положение арестантов во Владимирской тюрьме можно охарактеризовать кратко — *человеческое отчаяние*. Люди идут на немыслимое, чтобы хоть как-то защититься от произвола, хоть как-то привлечь внимание к своей судьбе.

Голодовки — они никого уже не трогают. Вспарывание вен — неэффективно по той же причине.

Весной 76 г. в карцере 4-10 вскрыл вены и повесился Миша "баландер"* (или "шнырь") из III корпуса (его "откачали"). Я был свиде-

* Жаргон — раздатчик пищи.

телем раздраженной суеты тюремщиков вокруг висельника, находясь в то время в соседнем карцере 4-11.

В сентябре 76 г. з/к БАЙНОРОВИЧ (?), находясь в карцере, заколотил себе в грудь, пробив легкое, ржавый гвоздь "сотку". Единственным его требованием было не возвращать после карцера в камеру к гомосексуалистам (об этом случае поведал мне полит-з/к Алексей САФРОНОВ, который в то время находился в соседнем карцере)...

Когда люди прибегают к таким средствам, это о чем-то говорит...

Справедливость, человеческая правота — не на стороне администрации. Это чувствует каждый арестант.

"Если ребенок потерял веру в человека или совсем не знал ее, — пишет СУХОМЛИНСКИЙ, — в его душе происходит надлом, а нередко и трагедия. Он перестает верить в правду, истину и становится или озлобленным, ожесточенным, или же безвольным и лицемерным, двуличным и лживым, — какими бы пороками ни взошли семена безверия, человек становится нравственно толстокожим, этические ценности для него не существуют". (В. Сухомлинский. "Потребность человека в человеке", "Советская Россия", М., 1978, стр. 36.)

На мой взгляд, речь здесь идет о том же самом "принципе подлости", принципе, который эффективно работает в условиях жестокого подавления

человеческой личности, свойственных современной пенитенциарной системе, стимулируя проявление и закрепление наиболее низменных человеческих черт. Лишь очень сильные человеческие натуры способны, противостоять такому давлению и сохранить человеческое достоинство, создавая свою ценностную (антиценностную, с точки зрения администрации) структуру, а в действительности — воссоздавая обычную человеческую мораль.

Даже сами надзиратели бессознательно с уважением относятся к таким людям, ибо в этих условиях они смогли сохранить некоторые черты человечности.

Любопытно, что сначала, когда только устанавливались отношения между политическими и "воровскими", тех интересовал вопрос: а если бы вы были у власти, вы тоже бы нас сажали? Вопрос трудный и по форме — мало кто из нас мыслил себя "у власти", — и по-человечески — перед тобой человек, которому не менее тяжело, чем тебе. Тем не менее прямо высказываешь ему свою точку зрения на уголовные преступления, которые во все века преследовались и будут преследоваться любым обществом хотя бы по той простой причине, что в противном случае человеческому обществу грозит анархия. Кара есть кара, однако арестант — прежде всего человек, и как человек он должен обладать всеми правами, чтобы иметь возможность защитить свое человеческое достоинство. Впрочем, наиболее вдумчивые из этих з/к понимали все и без наших разъяснений и делали такой простой

вывод: на воле — дело одно, а здесь мы все — арестанты и должны помогать друг другу в нашей арестантской жизни. И надо отдать им должное, "принцип д'Артаньяна" был основой нашего общения по самой высокой его оценке. Взаимные претензии по строгости соблюдения сторонами этого принципа были редки. Порой они к нам были снисходительны, учитывая нашу меньшую сноровку и опыт арестантской жизни. Пожалуй, претензии к нам с их стороны могли быть более часты в силу большей жестокости требований, предъявляемых ими друг к другу. В нашей среде никто никого ни к чему не неволил.

Теперь о "собственной морали" преступной группы. Создали ли они в действительности какую-то особую мораль?

Думаю — нет. Более того, я считаю нравственность наиболее стабильным элементом человеческих взаимоотношений, основой ценностной структуры любого общества. Однако восприятие человеком нравственных принципов двойственно. Наиболее яркий тому пример — война: то, что нравственно по отношению к "своим" (своему народу), необязательно нравственно по отношению к противнику. Да и в мирное время, хотя и в не столь явной форме, двойственность в восприятии морали сохраняется (особенно в случае противоборствующих народов). Она (двойственность) ощущается и в межгрупповых общениях внутри социума. Такая двойственность является как бы внешне зримой границей внутренне присущего человеку мироразделения на "мы" и "не мы". Редко можно встретить челове-

ка, у которого естественное разделение в мироощущении не связано с двойной моралью.

Так вот, на мой взгляд, вся "особость" морали преступной группы состоит лишь в том, что круг лиц, на который распространяется обычная человеческая мораль, необычайно узок и иногда не выходит за пределы членов такой группы. Любой преступник с психикой в пределах нормы нуждается в психологической поддержке других людей. Поэтому он всегда член микрогруппы, психологический микроклимат которой стимулирует положительные эмоции, связанные с его деятельностью, хотя по роду своей деятельности он может и не нуждаться в прямых соучастниках. И внутри такой группы действует обычная человеческая нравственность.

Завершая свой монолог в защиту арестантов, вновь вернусь к образу войны. Арестантская жизнь — да это и есть война. Война одиночки против "судьбы", которая не столько, может быть, физически, сколько психологически стремится уничтожить его — взрывая его внутренний мир (но как!), убивая в нем человеческое достоинство, а вместе с тем и остатки человечности, уничтожая возможность осознания им справедливости кары, веру в справедливость тех, кто стоит за карой, и людей вообще, надежду на отказ его от прежнего образа жизни, — что можно ждать от такого способа "перевоспитания"???

И уже почти без комментария. Выдержки из реценции А. Е. НАТАШЕВА (доктора юридических наук, ст. научный сотрудник НИИ МВД СССР) на монографию В. А. ЕЛЕОНСКОГО

”Отношение осужденного к наказанию”, изд. Рязанской высшей школы МВД СССР, 1976. Рецензия напечатана в журнале ”К новой жизни”, 1977, №4, стр. 77 (закрытый ведомственный журнал для работников МВД. Все подчеркивания в тексте выдержки мои — Г. Д.) :

”Для организации исполнения уголовного наказания важное значение имеют четкие представления о том, что *труднее всего переносят, воспринимают осужденные* в процессе отбывания лишения свободы. Данные, полученные В. А. ЕЛЕОН-СКИМ, свидетельствуют о серьезном карательном *воздействии наказания* и связанных с ним следствий на *сознание осужденных*. Учет такого воздействия в сочетании с данными о распределении осужденных в зависимости от отбытия ими той или иной части наказания (стр. 95) окажет неоценимую помощь в индивидуальной воспитательной работе. То же самое следует сказать и о данных, характеризующих отношение осужденных к средствам, мерам исправительно-трудового воздействия. Тот факт, что *значительная часть обследованных осужденных расценивает общественно полезный труд, политико-воспитательную работу, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение как составные элементы наказания* в виде лишения свободы, свидетельствует о серьезных недостатках в организации труда и особенно политико-воспитательной работы. Здесь, правда, следует учесть, что и в *теории наказания* имеется точка зрения, согласно которой в *содержание наказания* включаются и меры

исправительно-трудового воздействия. Кроме того, возможно, что при ответах на соответствующие вопросы осужденные не были достаточно четко ориентированы на разграничение понятий наказания как кары и обязанности выполнения требований правовых норм, регламентирующих средства исправления и перевоспитания.

Для организации правовой пропаганды большое значение могут иметь данные об отношении осужденных к наказанию за совершенное преступление и их раскаянии о содеянном. По данным исследования, лишь 76% осужденных испытывает чувство раскаяния, 15% раскаивается частично, а 10 % отрицает наличие этого чувства. При этом особое внимание должны привлечь данные о том, что *среди лиц, отбывших большую часть наказания, процент раскаивающихся в совершенном преступлении снижается*".

Соглашусь с НАТАШЕВЫМ — представительность данных не безупречна. Только я-то считаю их слишком оптимистичными. Вряд ли в такого рода исследованиях можно снять действие психологического фактора, а его влияние на представительность данных, несомненно, велико. Поясню таким примером. Среди заключенных-уголовников просьбы о помиловании — в порядке вещей (кроме "воров". Те игнорируют "помиловки" из принципиальных соображений). Понятно, что пишущий прошение о помиловании кается — иначе нет смысла писать. "Степень раскаяния" учитывается и при всяких льготах, предусмотренных ИТК. Один мой сокамерник-

уголовник (дело было на "Шпалерной" в Ленинграде, во время следствия), человек, знакомый с лагерной жизнью, так прокомментировал газетную статью, где один арестант из зоны в письме к судье, осудившей его в свое время, благодарил ее и попутно признавал себя постфактум виновным: "Шустряк! У него половина подкатывает — вот и захотел выскочить по УДО" (речь об условно-досрочном освобождении по отбытии половины наказания).

* * *

Примечание. Автор приведенного очерка — политзаключенный, узник совести — находился во Владимирской тюрьме с весны 75 до осени 77 г. По приговору он был осужден к пяти годам лишения свободы в лагере строгого режима; однако в связи с его участием в борьбе с произволом и за права политзаключенных был переведен (после серии наказаний в лагере) в стационарную тюрьму строгого режима во Владимире. Здесь он снова подвергался наказаниям (на очень долгое время его помещали в карцер; много месяцев он провел на так называемом режиме пониженного питания и т. д.; почти полностью, а в течение долгого времени и полностью, он был лишен возможности переписки). Наказывали за отказ от принудительного труда, условия для которого во Владимирской тюрьме были невыносимыми; наказывали за так называемую "межкамерную связь" и за попытки передачи информации за стены тюрьмы, на волю.

В октябре 78 г. все политзаключенные Владимирской тюрьмы (в то время там находилось 20 политзаключенных) были переведены в тюрьму возле г. Чистополя (Владимирская и Чистопольская — стационарные тюрьмы строгого режима). Таким образом, были прерваны — пресечены установившиеся между политзаключенными и другими заключенными Владимирской тюрьмы отношения взаимопомощи и взаимоподдержки.

*Примечание сделала
М. ЛАНДА*

Лето—осень 1979 г.

ИЗ САМИЗДАТА

ОБРАЩЕНИЕ В НИКУДА...

Мы просим всех, усомнившихся в достоверности нашего письма, приехать к нам в город Тольятти, подойти к проходной нашего комбината и поговорить с любым рабочим. Если вас примут за рабочего, вы сможете рассчитывать на откровенность местных рабочих, и любой из них подтвердит или даже дополнит то, что мы изложим ниже.

Мы просим проверить приводимые нами факты потому, что свое обращение не подписываем подлинными фамилиями. Мы, группа рабочих молкомбината, живем в условиях, где каждое честное выступление грубо подавляется, где всякий, пытающийся открыто отстаивать справедливость, немедленно подвергается гонениям. В то же время наше бесконечное молчание, вероятно, и является причиной того, что власти принимают это молчание за норму, а всякий выход за пределы "нормы" рассматривают как какое-то преступление.

Известно, что в других странах существует безработица. Это плохо и печально. Но есть такое, что во много раз хуже и печальнее. Это — положение, когда нас, рабочих, постепенно превращают в безгласных, обезличенных существ, в живых придатков машин и оборудования,

в роботов, у которых не должно быть собственных мнений.

Там, далеко, на неведомом нам Западе, есть профсоюзы, которые являются, или хотя бы могут быть, рупорами своих рабочих. Имея такие профсоюзы, рабочий уже не робот! У него есть орган, который может и заступиться, и противостоять воле хозяина. А у нас?!

Вот только один пример из жизни нашего комбината. Несколько лет назад на так называемом "отчетно-выборном профсоюзном собрании" председатель завкома Н. К. Максимова сняла с себя эти полномочия. На ее место тут же "выбрали" Светлану Салганюк. Всем известно, что на пост ее назначил директор комбината, от нас же требовалось только поднять руки в знак согласия. И мы, привыкшие к своему положению роботов, единодушно и сделали.

Шло время. Директор воровал, мошенничал и, наконец, им занялись известные органы. Поговаривают, что был суд. Но это — только слухи. Власти не любят придавать огласке наказания всевозможным руководителям. А нашего директора просто перевели на другое предприятие... А Светлана Салганюк осталась. Главный инженер комбината Л. И. Горелова заняла кресло директора. Через некоторое время по комбинату поползли слухи, что председатель завкома торгует заводскими квартирами, местами в детских садах и яслях, не поочередно — за взятки выдает ковры и дорожки (дефицит!). Утверждали, что все эти махинации совершаются Светланой Салганюк вместе с директором и парторгом

завода. Но это — слухи. Мы же, "выбравшие" ее, не имеем права потребовать от нее отчета о деятельности на этом профсоюзном посту. Мы имеем право только молчать... Правда, вы можете спросить, а почему бы не обратиться в газету? Мы заверяем вас, что и газет у нас нет! Они принадлежат не народу, а властям. Вот факт. Прошлой осенью администрация нашего комбината очень несправедливо распределила премии. Группа рабочих с завода №1 (комбинат состоит из двух заводов) поначалу апеллировала в завком. Председатель завкома, послушный воле директора, отказалась поддержать рабочих. И вот тогда-то рабочие обратились в местную газету "За коммунизм!" с письмом. Его подписали 21 человек. Письмо не опубликовали, и рабочие ничего не добились. Это тоже один из методов, которым приучают нас к великому молчанию.

Сколько же можно молчать?! Дело не в том, что перед нами плохой председатель завкома и мы не имеем права потребовать у него отчета. Все дело в том, что любой председатель месткома подбирается директором и партбюро. Сам же директор назначается горкомом партии. То же с партторгом комбината. В итоге получается, что все облеченные властью люди — это ставленники горкома. Но у горкома и рабочих стремления, обычно, разные.

Наша пропаганда нагло (другого слова не подобрать) утверждает, что у нас, рабочих СССР, есть свой рабочий орган — наши профсоюзы. Ложь!

В подтверждение этого — еще факт. В феврале 78 года стало известно, что председателем завкома профсоюза нашего комбината занимаются органы прокуратуры. Но опять же были только слухи. Перед нами никто не отчитывался и ни о чем не уведомляли. И вот в марте новый слух: оказывается, С. Салганюк больше не председатель завкома. Ее перевели на должность начальника техотдела, а на ее место назначена Галина Новикова.

Администрация и партком не посчитали даже нужным разыгрывать комедию с профсоюзными перевыборами. Все было решено за спиной рабочих, в узком кругу. Так, как нужно было директору. Он назначает, он же снимает. А будь руководитель заводского профсоюза рабочим представителем? Только одни мы и решали бы его судьбу. Весь комбинат был возмущен. Поговорили, повозмущались и замолкли. А куда жаловаться?

Говорят, Светлану Салганюк судили и даже дали какой-то условный срок. А она по-прежнему работает начальником техотдела, а ее изобличителей потихоньку вызывают к директору в кабинет и там предлагают исчезнуть с комбината (Николай Масягин, Раиса Панферова). После этого другие боятся и пикнуть о каких-либо недовольствах. Ведь все жалобы, направленные в высокие инстанции, возвращаются к тем, на кого они написаны. В деле с С. Салганюк дошло до суда лишь потому, что у зачинщика изобличения Н. Масягина есть "своя рука" в органах.

На днях на нашем комбинате снова пройдут профсоюзные выборы. Уже известно имя нового главы профсоюза — Л. И. Степанова. Никто не сомневается, что новая ставленница директора "пройдет" на "выборах", что беспрекословно будет выполнять волю директора. А мы как были, так и остаемся баранами, молчунами, роботами.

Без даты.

Феликс Серебров

ПОВЕСТЬ О "КРАСНОМ КИСЕТЕ"

Под рубрикой "Сто строк экономиста"

"В цехах Ивановского камвольного комбината у некоторых работников красные косынки... Красную косынку имеют право носить только ударники коммунистического труда...

Богат и разнообразен арсенал моральных поощрений... Их умелое применение в неразрывном сочетании с материальными мерами стимулирования — надежное средство для... людей, побудить их работать с полной отдачей...

Значение... той же красной косынки трудно переоценить..."

"Моральное поощрение"

Юрий МЕДВЕДЕВ

("Правда" №99 от 8 апр. 80 г.)

Человеку, пропагандирующему новейшие формы поощрения передовиков производства, да еще на страницах "Правды", не худо бы знать историю своей Родины, историю методологии призов и награждений за стахановский труд. А чтобы не терять ему времени, не глотать пыль архивную, поведаю я ему, а заодно и другим, повесть о "красном кисете".

В ту пору власть, именующая себя советской, была моложе наполовину. Полстраны лежало в развалинах. Всюду на месте руин возникали

”сталинские” стройки. Как тогда говорили: ”Даешь стране угля, мелкого, но до х...!”

Родина требовала лес. И пилили его от Москвы до Владивостока: Буреполом, Сухобезводное, Ветлаг, Вятлаг, Усольлаг, Озерлаг, Тайшетлаг... лаг, лаг, лаг. Пилили, катили, тащили, юзили баланы-пиловочник, рудстройка, тарник, дрова.

Уходили из бараков эки затемно, в темноте возвращались. Валились на сплошные нары, бушлатами прожженными-продранными, замызганными-затасканными, частенько промокшими укрывались. Но били в рельс на вахте — подъем, врывались в барак надзиратели-вертухай, мордоворот-нарядила*.

— Выходи без последнего!

И выскакивали, давясь в дверях, протискивались, бушлаты на ходу одевая. Замешкавшегося последнего выносили на пинках-кулаках вертухай и нарядила.

— Что ждешь, падло?!

Нарядило одергивал лежащего за ногу. Одно-го, другого. Со стуком глухим падали они на пол. Дубари. И был уже не страшен развод — ”освободились” досрочно.

Рядом с живыми лежали умершие. Каждую ночь.

Стоил тогда в зоне спичечный коробок махорки дневную пайку хлеба.

А ”Родина” требовала лес. Нормы были высокими, миллионы эков валили лес, а ”Родина” требовала... Вот тогда-то и родился новый способ

* Нарядчик.

поощрения производительности труда — ”красный кисет”.

В дальнейшем конце демянки вешали на сук (символически) кисет с махоркой. Выпилишь демянку за день — а в ней процентов на 150—200 нормы — получишь кисет. Рвали зэки жилы, из шкуры вылезали и порой добирались до заветного кисета.

У вахты в зоне встречал бригаду рекордистов оркестр — баян, корнет да геликон. Дудели в том оркестре инвалид и пара придурков* из КВЧ**.

Садились рекордсмены за отдельный стол, по лишней миске каши каждому; и на глазах у всей зоны начальник КВЧ иль ”кум”, иль сам ”хозяин” вручал кисет с махоркой. Один на всю бригаду — человек на двадцать. Был кисет тот красным, как... Нет, не кровь, была она у зэков, что водица — бесцветной. Красной, как косынки у ткачих, ударниц коммунистического труда.

А утром нарядила в бригаде той сдергивал за ноги на одного-другого поболее, чем обычно.

...Сочетайте моральное с материальным, но где новизна?!

15 апреля 1980 г.

* Администратор из зэков.

** Культурно-воспитательная часть.

ЭТИ ДОБРЫЕ ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ УСТОИ

Женщина и Россия. Живая актуальность для наших дней активного утверждения прав разума побуждает нас обратиться к этой наболевшей теме. В наш век глобальной феминизации мужчин и маскулинизации женщин, т.е. смещения привычного центра тяжести, пересмотра старых позиций и переоценки ценностей, в России происходят свои специфические процессы, которые мы и намерены осветить. Положение женщины в обществе — узловым вопросом современности. Если в Европе он близок к разрешению — в частности, во Франции кабинет министров включает четырех женщин и немало женщин вошло сейчас в Европейский парламент, — то у нас этот вопрос остается крайне острым. Основная масса женщин настроена пессимистически, мужчины же индифферентны или же цинично утверждают незначительность проблемы. Хотя она столь же "мала", как зерно, из которого вырастает дерево...

Насущные проблемы жизни зашли у нас в такой тупик, что скепсис становится привычным состоянием, "нормой". В первую очередь это отражается на женщине, как на самом чувствительном элементе общества. Эффективный идеал, рожденный в славной патриархальной старине: покорная жена, безропотная мать, ангел домашнего очага — не существует уже, но традиционный уклад, косность сознания делают женщину

кариатидой собственного дома, а вернее, коммунальной квартиры... Женщина не в состоянии отвергнуть нечеловеческого насилия над собой, ибо если она высвободит руки, то дом рухнет. Однако миф о ее "слабости" невероятно живуч. В результате женщина, выйдя за рамки своего дома, сама должна и заплатить за это. Так как на ней лежит обязанность воспроизведения непосредственной жизни и ответственность за нее, участие в общественном труде и труд домашний, который до сих пор безмятежно именуют "женским", понятно, что подобная перегруженность вызывает у женщин фрустрации, и таким образом, второстепенность ее — понятие, культивируемое в патриархальном обществе, — лишь закрепляется за ней. Формально давно провозглашено равноправие, но на деле права женщины называют ее притязаниями. Страх конкуренции (особенно это касается высоких постов, которыми женщину явно обделяют), боязнь потерять престиж руководит мужчинами, односторонне восхваляющими роль матери и жены. Эти фарисеи как будто не замечают, что женщина тянет воз, на котором восседает мужчина, понукающий ее. В лихорадке неостановимого конвейера быта происходит подспудное подавление личности женщины. Рабская психология ее не исчезает, а приобретает искаженное выражение, более скрытую уродливую форму. Унизительные условия в родильных домах, абортариях, коммунальных квартирах и т. д. препятствуют развитию ее человеческого достоинства. Мерки остаются мужскими, женщина

оценивается обществом и вынуждена оценивать себя по той степени, в какой она походит на мужчину. Ложная сущность такого подхода к женщине требует от нее все новых и новых жертв, хотя жертвы ожидались от общества, ибо так называемый "женский" вопрос — это существеннейшая часть общей борьбы за обновление мира. Нельзя отрицать, что культурный уровень женщины повысился, но она осталась в прежних допотопных условиях существования. Не поверхностная, а истинная эмансипация является важнейшим социальным требованием времени. Необходимо определить особенности положения женщины в семье и на производстве. Чтобы она не совмещала домашний труд с трудом общественным ценой неописуемых жертв, а почувствовала бы себя, наконец, полноправным человеком.

Патриархат давно выродился в фаллократию. Понятно, почему образованные женщины ищут индивидуальный выход и находят его в отказе от деторождения. Сознательное материнство не может произрастать на бесплодной почве. Протест женщины против произвола мужчины выражается не только в отказе от деторождения, но все чаще — в парадоксальном отказе от самой себя. Этот побег в абсурдность закономерен, ибо негативная оценка всего женского — негласная сексистская установка в официозе. Конформизм ее, увы, не преодолен и неконформистами... Извращенный (узко половой) подход к женщине ведет к полному уничтожению ее в нижних слоях общества, где вековое терпение

женщин вылилось уже в патологию, а беспробудное пьянство мужчин в озверение их. Но феодальные отношения и безотцовщина наблюдаются и в интеллигентных семьях, хотя в этой среде чаще идет соревнование: кто — кого. Борьба эгоизмов. Женщины тут так же, как мужчины, оперируют высокими материями, так же курят, пьют, сквернословят, как они. Интеллигентные женщины не хотят чувствовать себя жертвами, но мужская культура отторгает женщину, насаждая женоненавистничество (понятия "мужененавистничество", кстати, нет). Жестокое давление на женщину этой фаллократической "культуры" угнетает в ней женское начало и толкает ее тоже к женоненавистничеству. Эта нелепость цветет у нас все более пышно. Женщина, лишенная здоровой информации, начиненная лжеучениями, не видит истинного своего врага и, убегая от себя, тычется в темные углы чуждой ей "культуры".

Пренебрежение женским способствует распаду семьи, все большему отдалению одного пола от другого и разобщению женщин между собой. Столь низкая степень самосознания отражает внутренние противоречия нашего общества. Прошлый опыт женской половины человечества не учитывается и новый не создается. Предельное развитие умственных способностей ведет женщину, как и раньше, к одиночеству. Ибо мужчина привык, чтобы женщина жертвовала для него развитием своей личности.

В огромной запущенной стране трудно проследить нюансы деградации. Мелкие разоблаче-

ния редко идут дальше газетной полосы. Дискредитация свежих идей происходит на корню. Голос правды едва слышен среди парадной шумихи. У нас много говорят об обороне, но прежде, чем кого-то оборонять, нужно обеспечить жизнеспособность общества в самом себе. То есть сначала женщина, дающая жизнь, а потом ее защитники, — не наоборот! Чтобы уравнивать женщину в правах фактически, общество должно платить ей больше, чем мужчине, а не меньше. Ведь тут не арифметические задачи. Еще ГОРЬКИЙ предлагал за каждого ребенка начислять 5 лет стажа женщине. Были неоднократные предложения давать женщине на каждого ребенка полноценное пособие. Надо заметить, что Советская Россия, в своих лучших выразителях находила верный, объективный подход к "женскому вопросу". ЛЕНИН, обращаясь к массе, никогда не забывал о женщине. Требование равенства для всех людей не могло исключить половину человечества. Революция в самом деле вызвала не только кровопролитие, но и подъем народа (и отдельных личностей). Энтузиазм 20-х годов в России известен и понятен. Надежда на новые времена, на новые взаимоотношения, на новую семью была полнокровной. Русская революция имела резонанс во всем мире, и мир трансформировался через нее. Либерализация общества в целом либерализовала постепенно и женщину. В России этот процесс приостановился в период культа личности СТАЛИНА...

Война же выявила небывалое мужество женщин, способных, как оказалось, не только давать

жизнь, кормить, но и воевать (с фашизмом). Потом период восстановления страны и наконец вспышка оттаивания снегов (после десталинизации) в 60-е годы, когда распадается "железный занавес", когда в правительство входит ткачиха ФУРЦЕВА, а ТЕРЕШКОВА летит в космос. Можно было бы пойти дальше (известно, что общество определяет положение женщины в нем), но... Маргарет ТЭТЧЕР, нынешний премьер-министр Великобритании — это логическое следствие опыта Индиры ГАНДИ, Сирамаво БАНДАРАНАЙКЕ и других женщин в правительствах разных стран.. Хотя и там поговаривают об опасности "мультивагинальной тирании" (у нас пишут в ЛГ о новой тенденции "Да убойтся муж"), однако рискуют. Ну что ж, риск — дело благородное. Шутливо, но симптоматично говорит об этом венгерский писатель МОРИЦ: "Если женщины возьмут власть в свои руки, тогда только мы поймем, что такое решительность... Никаких сантиментов, никаких шуток — только женщины могут разговаривать так с женщинами". Выходит, власти женщин боятся, но на них уповают. Потенциальное тяготение к природному альтруизму женщины заложено в людях, но навязанный патриархатом стереотип отчуждает. Одни опасаются насмешек, т. к. женское движение якобы скомпрометировано — а не скомпрометирован ли акт деторождения, однако люди рождаются! Не скомпрометирована ли церковь? Однако обаяние проповедей ХРИСТА находит новые и новые ряды сторонников... Другие опасаются локализованности

женского движения, утверждая, что мужчины тоже страдают и нельзя, мол, заниматься только женскими проблемами, однако гинеколога ведь не осуждают за то, что он лечит именно женские болезни, ибо отрицать специфику их нелепо. Третьи говорят об абсолютной надуманности женского движения, есть-де недостатки, но, когда мы построим коммунизм, все вопросы, и женский тоже, отпадут сами собой. Четвертые впадают в такую крайность, что обвиняют лидеров женского движения в собирании грязи...

И все же движение это, являясь средоточием самых злободневных, носящихся в воздухе идей, растет. И каменное безразличие к нему большинства мужчин лишь способствует его гипертрофии. Шумят на тему "Берегите мужчин" (которые гибнут от вина, сигарет и злоупотребления сексуальными экспериментами) и спокойно смотрят на женщин, мостящих улицы или ворочающих шпалы на ж/д. Спокойно слушают повсеместный мат, который является несомненной дискриминацией женщин на уровне языка. Никому не приходит в голову ругать хлеб за то, что он нас кормит, — порочить же самой низменной руганью женщину, дарящую обществу жизнь, считается в порядке вещей. Консерватизм опустившейся (донельзя) массы алкоголиков, глухая недоброжелательность по отношению к женщине этого разросшегося одноклеточного организма, этой безвольной гигантской амебы — вот жестокий тормоз социального прогресса!

*Инициативная Группа
защиты прав инвалидов в СССР*
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГРАЖДАНАМ СССР

О ПОЛОЖЕНИИ ИНВАЛИДОВ

На основании своего печального опыта и опыта предыдущих поколений инвалидов, ставших таковыми на наших исторических стройках, Инициативная группа по защите прав инвалидов в СССР обращается ко всем труженикам Советского Союза с призывом беречь себя и свое здоровье на работе и на улице, тщательно соблюдать технику безопасности, действовать расчетливо, не рисковать.

Знайте, что если произойдет несчастье и вы станете инвалидами трудового увечья или, что еще хуже, инвалидами случая, инвалидами 1 группы, вы сразу окажетесь в положении изгоев, каждое движение которых напоминает о своей беспомощности.

Заступиться за вас будет некому. У нас, в отличие от развитых в правовом и нравственном отношении стран и даже от таких социемократических стран, как Польша и Чехословакия, категорически запрещены инвалидные союзы и общества, т. е. организации, защищающие права своих членов. Если же кто-нибудь из вас захочет напомнить о своем человеческом достоинстве и попробует настаивать на своих широко декларируемых правах, на деле не существующих, то будет преследоваться не только он сам,

но и его родители и друзья, помогающие ему в повседневной жизни.

Что же касается "заботы" государства, то вместо ног вам предложат плохие протезы на техническом уровне 20-летней давности и, по постановлению Совета Министров СССР, только мотоколяску. На обслуживание этого мотоурода у вас будет уходить значительная часть пенсии, которая сама по себе будет равняться при 1 группе от 70 до 120 рублей, исключая увечья на особо тяжелых работах по специальному списку министерства СССР.

Вы будете ограничены в передвижении по километражу пробега так называемой "компенсацией" за повышение цен на бензин, которая равняется 48 руб. в год, что эквивалентно 3000 км для мотоколясок в год. Инвалидам же случая и детства полагается "компенсация" только в исключительных случаях.

Если же вам по инвалидности будет нужна комнатная или уличная велоколяска, то, во-первых, вы замучаетесь, добываясь ее, а во-вторых, вам будет страшно на нее садиться.

Ни один архитектор в СССР никогда не проектировал жилищ для инвалидов, поэтому вы на своих комнатных велоколясках не сможете ни развернуться в коридорах, ни въехать в туалет, ни в ванную комнату. Вам придется ползать по своей квартире. На улицу вас будут выносить на руках, поскольку ваша велоколяска в лифт не влезет, а по ступенкам она ехать не может. Если же в исключительном случае вы построите свой небольшой дом по индивидуальному проек-

ту, приспособленный для жизни инвалида, его снесут, т. к. у нас принят госстандарт, неприемлемый для инвалидов.

Скорее всего большинство из вас будет узниками своих квартир, т. к. в Советском Союзе не выпускаются механические помощники и приспособления, позволяющие инвалиду развитых стран с известной долей самостоятельности обслуживать себя дома и на улице. Не выпускается у нас и такое количество вариантов управления инвалидным транспортом, как в развитых странах.

Знайте, что общественный транспорт совершенно не приспособлен для инвалидов: они не могут ни войти в него, ни выйти. На такси у вас не хватит средств.

Случаи, когда инвалиды не получают путевки в специализированные санатории в течение 6 и более лет, закономерны, так как количество людей, нуждающихся в санаторном лечении, и количество имеющихся в наличии санаторных койкомест несопоставимы.

Кстати, необходимые для вас лекарства будут слишком дороги.

Питаться вы будете гораздо хуже, и это никого не удивит.

К тому же в нашей стране очередей вы ничего и нигде не получите без общей очереди, так как только инвалиды войны имеют на это право. Об этом во всех общественных местах объявляют вывески, навязывающие нашему обществу официальную аморальность.

Стремиться в высшие учебные заведения вам не стоит, поскольку трудоустройство инвалидов 1 группы с высшим образованием почти невозможно.

Трудоустройство в СССР возможно только в крупных городах, где выбор работ, а тем более надомных, достаточно ограничен. Да и заработаете вы надомной работой едва ли больше 30—60 рублей.

Собственно говоря, вы будете лишены личной жизни. Кому вы будете нужны с вашей нищенской пенсией, беспомощные, зажатые в своих четырех стенах?

Из-за ограниченности в передвижении и в средствах не сможете вы пользоваться и достижениями культуры. Книги у нас фактически распределяются, и если даже у вас будет возможность их достать, они будут недоступны по ценам. В отличие от развитых стран у нас нет доставки библиотечных книг на дом. Читальни из-за лестниц и ступеней недоступны. Так же недоступны кино и театры, не говоря уже о музеях.

Не сможете вы поддерживать и свои физические силы, как это делают даже инвалиды ЧССР и Польши, тренируясь в специальных спортивных инвалидных комплексах, которые есть в других странах в отличие от нашей страны.

Так будьте же бдительны, берегите себя и свое здоровье, дорогие сограждане!

*От Инициативной группы
инвалид 1 группы тр. ув.
Ю. Киселев*

декабрь 1978 г.

*В парткомиссию при МГК КПСС
от члена КПСС с 1926 г. Лерт Р.Б.
(партбилет № 0933150)*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я не могу явиться на ваш вызов прежде всего потому, что я серьезно больна. Но, если бы даже не было этого существенного обстоятельства, вы сами освободили меня от морального обязательства явиться на ваш суд. Освободили тем, что возбудили мое "персональное дело", как сообщил мне тов. Иванов, по "данным органов КГБ", т. е. по секретному, необоснованному и непроверенному доносу. При этом, само собой, нарушаются все этические, юридические и уставные нормы: обвинители — тайные, неизвестные, обвинение — не сформулировано, первичная парторганизация устранена от разбора дела и т. д.

Но суть, в конце концов, не в этом. В моем малом "персональном деле" хорошо просматривается общая ситуация: в партии и в стране успешно восстановлены сталинские нормы "презумпции виновности". В ведении органов КГБ — тайных, неподконтрольных и ненаказуемых — снова, как при Сталине, оказываются судьбы людей и решение идеологических вопросов. И они, эти органы, решают их своими тайными полицейскими методами.

Все это значительно шире и глубже, чем мой малый случай. Но в моем случае действуют те же законы беззакония. Возбуждая мое персо-

нальное дело, парткомиссия способствует узаконению бесправия. Вместо того чтобы призвать к ответу тех членов КПСС, которые незаконно снабдили ордером Моспрокуратуры ворвавшихся ко мне на квартиру 25 января этого года тайных агентов КГБ, вы призываете к ответу меня. Вместо того, чтобы потребовать объяснения от этих агентов, которые, скрыв свои имена, рылись в моем белье и в моих письмах, подняли меня, больную, с постели, унесли с собой весь мой личный и литературный архив, мои книги и мою пишущую машинку, — вместо этого вы требуете объяснений и оправданий от меня.

В чем?

Тов. Иванов не сумел сформулировать обвинение. Из его сбивчивых объяснений я поняла, что мне инкриминируется общение с людьми, которые по тем или иным причинам не устраивают органы КГБ. Но, вступая в 1926 году в партию, я не передоверяла свой разум, душу и совесть этим органам — даже тем, каковы они были тогда и как бы они тогда ни назывались. А с тех пор я (как и многие из вас) пережила тридцатые годы, когда эти "органы" уничтожили цвет партии. И если десятилетия сталинизма не вытравили у меня стремления самостоятельно размышлять над тем, что происходило и происходит в партии и в стране, то теперь, к концу жизни, этого уже не вытравить никакими угрозами.

Не со вчерашнего дня, и не с 1976 года, а гораздо раньше я думаю и пишу о том, что тревожит меня, и пытаюсь, путем обмена мыслями с другими, искать выход из бед и болей, пережи-

ваемых нашей страной. Излагать все эти мысли в коротком заявлении невозможно, но если вы хотите составить о них представление, вам следовало бы запросить у соответствующего ведомства изъятые им у меня мои статьи. Они, кстати, все подписаны моей фамилией, и многие из них в свое время были адресованы партийным органам и органам печати, пока я не потеряла надежду на способность работающих там людей прислушиваться к тем мнениям и соображениям, которые не совпадают с газетными передовицами. Это, впрочем, участь не только моя, человека вполне рядового: наши власти безрассудно и упрямо отказались вступить в диалог с такими достойными людьми, как академик А. Д. Сахаров, Ю. Ф. Орлов и многие другие. Вместо диалога с инакомыслящими к ним применяются жесточайшие репрессии, вместо споров и дискуссий — клевета и обливание грязью.

И я позволю себе высказать здесь мое глубочайшее убеждение человека, посвятившего всю свою сознательную жизнь (с 16 лет) делу создания коммунистического общества: не деятельность Хельсинкской группы, не выступления академика А. Д. Сахарова, даже не выступления или статьи действительных идейных противников социализма, — не это все следует считать антисоветскими или антикоммунистическими акциями. Наибольший вред идеалам социализма и коммунизма — и внутри страны, и на международной арене — наносит репрессивная политика наших властей. В этом смысле наиболее последовательным антисоветчиком и антикоммунистом

был Сталин, а сегодняшняя практика наследует сталинскую политику.

Разделяя взгляды ряда западных компартий, осуждающих репрессивные меры, к которым прибегают наши власти для подавления мысли, я считаю, что не может быть социализма там, где люди не могут свободно обсуждать любые политические, идейные, философские, религиозные, экономические и другие проблемы. И не только *обсуждать*, но и *осуждать* (если они считают необходимым) деятельность своего правительства, партии, любого, самого высокопоставленного деятеля, любую, самую признанную и распространенную доктрину.

Без свободы мысли, слова и совести нет социализма — и нет выхода. Идеологическая монополия, вооруженная бичом полицейских репрессий, физически хлещет прежде всего по инакомыслящим, но идейно она разрушает именно тех, кто этим бичом орудует. Если на 62-м году после Октябрьской революции власть, называющая себя социалистической, партия, называющая себя коммунистической, противопоставляют чужой мысли полицейские меры подавления, — я не могу объяснить это иначе, чем нравственным и интеллектуальным бессилием тех, у кого нет других аргументов, кроме репрессий.

Я считаю, что подлинные социалисты, подлинны коммунисты должны обладать другими аргументами, должны уметь выслушивать мыслящих людей разных взглядов, прислушиваться к чужим мнениям, искать истину в диалогах, спорах, дискуссиях, ведущихся в нормальных

условиях и на равных правах. И свое участие в журнале "Поиски" (не антисоветском и не антикоммунистическом, но свободном и бесцензурном) я рассматриваю как слабую, начальную попытку явочным порядком завязать на этом крохотном, рукописном пяточке тот доброжелательный диалог, который, я считаю, нужен нашей стране.

5 марта 1979 г.

Вячеслав Чорновил
Министру внутренних дел ЯАССР

О МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ В ЯКУТИИ

С наличием острых национальных (точнее, расовых) конфликтов в Якутии я столкнулся на этапе в ссылку. Помещенный ко мне в камеру Якутской тюрьмы бывший официант местного ресторана, русский по национальности, пытался пояснить мне, что именно якуты хуже других людей, и с явным удовлетворением рассказывал мне про своего знакомого "дюжего парня", который при всяком удобном случае избивал встречных якутов, узнавая их по их монгольской внешности и по их языку. Правда, в конце концов якуты поймали этого куклуксклановца-одиночку и, собравшись вместе, порядком его избили, после чего он стал действовать более осторожно.

Можно было бы думать о какой-то психической особенности этого типа, если бы, попавши в Ленинский район со смешанным населением (в селах — якуты, а в районах — население наполовину русское), я не увидел, что тут все не так просто. В первый же день моего пребывания в Нюрбе я увидел на стене переговорного пункта написанное крупными буквами "объяснение в любви" (кстати, оно сохранилось и до сих пор): "Якуты — суки, маугли", а ниже ответ: "Рус-

ские — хамы”. Буквально с первых же дней я слышал от случайных встречных, что якуты ”обезьяны”, ”чернож....”, что от них воняет, что все они, даже начальники в своих кабинетах, ”сморкаются в руку”, что они ленивы, бездарны, и что если бы не русские, то они до сих пор ходили бы в шкурах или вообще бы вымерли (как будто нигде в мире нет прогресса, как будто лапландцы в Скандинавии или эскимосы на Аляске до сих пор ходят в шкурах и вымиряют, а не ездят на собственных автомашинах и не живут в коттеджах).

Я узнал также, что бедняги якуты -- ”страшные националисты”. Такие общие суждения мне случалось слышать на самых различных уровнях, начиная от пьяного ”бича” и кончая некоторыми районными начальниками среднего уровня, которые были недовольны тем, что желаемые ими посты заняты национальными кадрами.

А вот несколько примеров из практики. На дороге из Чапанды в Нюрбу в сильный холод сначала мимо моей поднятой руки автомашина промчалась, потом резко затормозила, подбегая: ”Извини, земляк, сразу не разглядел, думал, что ты якут. Садись”. Видя мое удивление, шофер пояснил: ”Раньше они были бедны и некультурны, ну и к русским относились лучше. А теперь зажрались и обнаглели”.

В районной гостинице русифицированный земляк из Киева, который каждый год приезжает в Якутию ”шабашить”, гордо демонстрирует свой палец, поврежденный в драке с якутами, и знакомит меня с расистским фольклором: ”Всякий русский, у кого глаз не узкий”.

В одном из отделов кадров во время безуспешного поиска работы я услышал: "Так вас поселили в Чаппанде среди якутов? Ну, я вам не завидую. Они ведь такие националисты! Будет всего два якута среди группы наших — и все равно по-своему говорят". И так далее и так далее.

Чтобы не быть односторонним, я должен признать, что со стороны якутов также бывают злые взгляды, резкие реплики и даже нападения, особенно, если они выпьют.

Я не имею оснований утверждать, что все русские относятся враждебно к якутам (и наоборот). Люди вместе работают, иногда дружат, бывают смешанные семьи. И все-таки проявления враждебности часты, слишком часты (выше я привел лишь незначительную часть моих наблюдений), и часто они принимают немирную форму. Так было в Якутске. Я имею в виду массовую драку между русскими и якутами с сотнями участников (в их числе были студенты Якутского университета), с людскими жертвами и разрушениями, с привлечением войск для разгрома. Понятно, Вы лучше знаете все детали этого страшного инцидента, который имел место, как мне кажется, 11 июня. Рассказывают даже, что при попытке прекратить побоище был избит даже Ваш защитник... (?)

Почему я пишу об этом Вам, а не в партийно-советские инстанции? Потому, что после шумного побоища в Якутске некоторые меры воспитательного или организационного характера планируются и без моей подсказки, которая могла бы быть тенденциозно истолкована как злост-

ность сосланного диссидента. Здесь мной руководит только инстинкт самосохранения. Район ссылки мне назначили именно органы МВД. Несмотря на мое законное право поселиться в любом месте в районе, Ленинский райотдел МВД произвольно загнал меня в якутское село, в отделение совхоза, кстати говоря, на работу, которая не отвечала моему состоянию здоровья. Установить дружеские отношения с местным населением мешает "профилактика" властей, которая проводится постоянно и которая началась еще до моего приезда в село, то есть нарушение моего законного права поселиться в любом месте было запланировано еще до моего прибытия в район.

За год с лишним моего пребывания в ссылке в селе Чаппанда Ленинского района произошло уже несколько неспровоцированных мною инцидентов. Некоторые из них могли окончиться трагически. До сих пор меня спасало лишь мое положение политссыльного, естественное сочувствие человеку, которого преследуют, который является подневольным. Так, например, 2 октября 1978 г., когда я из-за отсутствия транспорта шел пешком в районный центр для очередной отметки в милиции, на полпути в глухом месте мне встретилась толпа (12 человек) — допризывники из замархинских сел, которые возвращались из райвоенкомата, часть из них была пьяна. С криками "ууча, нууча!" (то есть "русский") они окружили меня, стали стаскивать с меня одежду, пытались побить. Может быть, дело не кончилось бы только избиением и при-

шлось бы мне сгнить в болоте тайги, но меня спасло разъяснение, кто я такой, и то, что один из них видел меня раньше и теперь узнал. Большинство голосов решили "ссылного не трогать" и оттащили от меня тех, кто был несогласен с таким решением. Про этот случай я сообщил милиции в тот же день и при этом просил не назначать мне точных дней для месячной отметки, чтобы я смог связывать поездки в район с наличием транспорта, но мне этого не позволили.

Через несколько дней после этого случая в тайге на меня напал при свидетелях в Чаппанде какой-то только что выпущенный на волю уголовник, который грозил зарезать меня за то, что я не понял его, когда он обратился ко мне по-якутски. Об этом случае я также сообщил милиции.

В течение прошлой зимы несколько раз ночью в двери и окна моей квартиры ломались неизвестные люди, осыпали меня оскорблениями, грозили убить, застрелить и тому подобное. Боясь выстрела в окно, я был вынужден в те ночи ложиться на пол; при этом должен сказать, что у меня не было ни одного конфликта с жителями села. Личных врагов здесь у меня нет. Об этих ночных визитах я уведомил милицию и председателя сельсовета.

Теперь, после побоища в Якутске, расовые трения в Ленинском районе усилились. Драки между якутами и русскими, которые имели место и раньше, участились (мне говорили даже о случаях убийства, но этого я еще не проверил). От якутов я слышал заявление, что зарвавшихся

русских в Якутске хорошо проучили, следовало бы проучить их и в Нюрбе.

20 июля с. г. на меня снова пробовали напасть, на этот раз — в Нюрбе. Ожидая автобуса, я сидел над Вилюем, недалеко от речного порта, и читал газету. Меня окружили трое выпивших якутов средних лет и начали задираться (чего тут расселся, чего тебе здесь надо? — и т. п.). Меня снова выручило слово "политический ссыльный", от меня отстали, но дали совет: "Ты. мужик, быстрее мотай отсюда. Там ждут наши молодые. Они с тобой объясняться не станут, а хорошо отлупят". Пришлось "мотать" в сторону Амакинской геолог. экспедиции, где было безопаснее (кстати, я обнаружил в Нюрбе наличие своего рода расовых "гетто").

Поразительно, что после побоища в Якутске значительно ухудшилось отношение ко мне низовой администрации якутов. Это проявилось как в отделении совхоза, где необоснованными придирками меня вынудили уволиться, так и в раймилиции.

Поскольку после годичного общения с якутами я не обнаружил у них никаких комплексов неполноценности, которые отличали бы якутов от других советских граждан, и не разделяю расистских взглядов части бледнолицых братьев по славянству. Мне меньше всего хочется стать случайной жертвой существующих в Ленинском районе межнациональных трений. А как видно из приведенных примеров, такая возможность для меня возникает ежедневно, поскольку меня насильно поместили в иную расовую среду и отпугивают от меня остальных граждан.

Статья 80 ИТК РСФСР гласит, что "в случае болезни, а также при наличии иных исключительных обстоятельств, препятствующих дальнейшему отбыванию ссылки в данном месте, осужденный по мотивированному постановлению Министра внутренних дел автономной республики... может быть переведен в другое место ссылки".

Считая изложенное выше "обстоятельствами исключительными", прошу вынести постановление о переводе в другой административный район, где нет таких угрожающих личной безопасности расовых конфликтов, как в Ленинском районе. При этом прошу учесть плохое состояние моего здоровья (наличие хронических заболеваний, в том числе заболеваний дыхательных путей) и перевести меня в район с более умеренным климатом. В случае перевода меня именно в такой район (в ЯАССР такими районами являются Алдан, Ленск, Олекминск) я согласен, в соответствии с п. 8 статьи 80 ИТК РСФСР, направиться на новое место ссылки за свой счет, а не за счет государства.

30 августа 1979

*45 жителей
прибалтийских республик*

О Б Р А Щ Е Н И Е

**в связи с 40-й годовщиной подписания
советско-германского пакта**

Советская юридическая наука под национальным суверенитетом понимает полновластие нации, ее политическую свободу, обладание реальной возможностью целиком и полностью распоряжаться своей судьбой, в первую очередь — способностью самоопределиться, включая отделение и образование самостоятельного государства. Национальный суверенитет характеризует собой политическую, территориальную, культурную, языковую самостоятельность нации, которая проявляется в полноте суверенных прав в указанных областях социальной жизни нации, обеспечивая их наиболее полное осуществление.

Национальный суверенитет нельзя ни придать, ни упразднить; его можно нарушить или восстановить.

В 1919 г. Ленин признал существование де-факто отделившихся от Российской империи Эстонии, Латвии и Литвы. В 1920 г. советская Россия заключила с этими государствами мирные договоры, означавшие признание Прибал-

тийских стран со стороны России де-юре. Ленин от имени советского правительства на вечные времена отказался от суверенных прав на Эстонию, Латвию и Литву. Однако через 19 лет Сталин и Гитлер совершили свое посягательство на суверенитет этих государств. 23 августа с.г. исполняется 40 лет со дня подписания так называемого пакта Молотова-Риббентропа, реализация которого означала конец независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

23 августа 1939 г. был заключен договор о ненападении между Германским Рейхом и Советским Союзом. К нему был приложен совершенно секретный Дополнительный протокол о разделе Восточной Европы на так называемые сферы влияния. Объектом конфиденциальных переговоров между народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом были Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Бессарабия и Северная Буковина. Смысл Дополнительного протокола заключался в том, что судьба Финляндии, Эстонии и Латвии доверялась СССР, а Литвы — Германскому Рейху.

28 сентября 1939 г. был заключен договор о дружбе и границах между СССР и Германией.* Этим договором тайный Дополнительный про-

* Текст договора и секретного протокола к нему см. "Советско-германские отношения. 1939-1941 гг.", Сб. документов. Chaldize Publications. (Готовится к печати).

токол от 23 августа 1939 г. был изменен так, что Литва "доверялась" СССР, за исключением левобережной территории по реке Шешупе, которую, в случае "специальных мероприятий", должна была оккупировать немецкая армия.

15-17 июня 1940 г. по приказу правительства СССР Красной Армией были осуществлены "специальные мероприятия" на территории Литвы, Латвии и Эстонии. Присоединена была и та территория Литвы, которую по договоренности между Сталиным и Гитлером немецкая армия должна была присоединить к Германии.

10 января 1941 г. посол Германии в СССР доктор фон Шуленбург, с одной стороны, и Председатель Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотов, с другой, подписали новый секретный протокол, в котором объектом торга стала упомянутая литовская территория. Правительство Германии отказалось в пользу СССР от территории к западу от реки Шешупе за денежную компенсацию в сумме 7,5 млн. золотых долларов или 31,5 млн. рейхсмарок.

Пакт Молотова-Риббентропа явился заговором двух величайших тиранов истории — Сталина и Гитлера — против мира и человечности, положившим начало Второй мировой войне. Мы считаем день 23 августа днем позора.

14 августа 1941 г. президент США Ф.Д. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль подписали так называемую Атлантическую Хартию, состоящую из 6 пунктов. Пункт II этой Хартии провозглашал, что США и Ан-

глия "не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов". Пункт III: "Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем". 24 сентября 1941 г. к Хартии присоединился СССР.

В декларации СССР было сказано: "Советский Союз в своей внешней политике ... будет руководствоваться принципом самоопределения наций... Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны".

Следует напомнить, что согласно международному праву, осуществление права народов на самоопределение невозможно при размещении на территории этих народов оккупационных войск. Это подчеркивается и в ленинском Декрете о мире, в котором говорится, что если нации "не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой

нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием”.

Последствия пресловутого Мюнхенского соглашения от 29 сентября 1938 г. были ликвидированы самим фактом военного поражения Германии во Второй мировой войне. Представитель ФРГ под нажимом чехословацкого общественного мнения признало Мюнхенское соглашение недействительным с момента его подписания.

Однако пакт Молотова-Риббентропа до сих пор, по-видимому, сохраняет юридическую силу. Мы считаем, что молчание мировой общественности поощряет прошлых, настоящих и будущих агрессоров.

Мы обращаемся:

— к правительству СССР с просьбой опубликовать полный текст пакта Молотова-Риббентропа и все дополнительные секретные протоколы к нему. Напоминаем, что Декрет о мире декларировал отказ советского правительства от тайной дипломатии. Одновременно просим объявить пакт Молотова-Риббентропа недействительным с момента его подписания;

— к правительствам ФРГ и ГДР с просьбой публично объявить пакт Молотова-Риббентропа недействительным с момента его подписания и помочь правительству СССР ликвидировать последствия упомянутого пакта — вывести иноземные войска с территории Прибалтики. Для осуществления этой задачи следовало бы создать из представителей СССР, ФРГ и ГДР комиссию по ликвидации последствий пакта Молотова-Риббентропа;

— к правительствам стран, подписавших Атлантическую Хартию, с просьбой, чтобы они с позиции своей моральной ответственности высказали бы свое решительное осуждение пакта Молотова-Риббентропа и его последствий. Напоминаем, что, согласно международному праву, не считаются внутренним делом такие действия, которые по своей сущности и целенаправленности представляют угрозу миру и безопасности, грубо попирают общепризнанные международные нормы. Принцип самоопределения народов и наций предполагает правомерность любых форм и методов борьбы против колониализма, являющегося международным преступлением. С этим связана правомерность международной поддержки освободительной борьбы. Более того, согласно Декларации о принципах международного права, каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов;

— к Генеральному секретарю ООН с напоминанием, что эта международная организация является правопреемником Лиги Наций, членами которой до проведения "специальных мероприятий" были Эстония, Латвия и Литва. Поэтому на Вас лежит юридическая ответственность за судьбы этих стран.

Мы просим поднять на ближайшей сессии Ассамблеи ООН вопрос о ликвидации последствий пакта Молотова-Риббентропа.

Напоминаем, что принцип самоопределения наций был закреплён в современном международ-

ном праве. Это произошло в результате утверждения принципа самоопределения наций в таких наиболее важных международных документах, как Устав ООН (ст.ст. 1, 13, 55, 76); Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятая XV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1960 г.; Резолюция Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1965 г., признавшая законность борьбы колониальных народов; Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, утвержденная XX сессией Генеральной Ассамблеи 21 декабря 1965 г.; Международные пакты о правах человека, принятые XXI сессией Генеральной Ассамблеи 16 декабря 1966 г.; Декларация о принципах международного права, принятая XXV юбилейной сессией Генеральной Ассамблеи 24 октября 1970 г. В этих и других международно-правовых актах ООН раскрывается современное содержание принципа равноправия и самоопределения народов. Он означает:

— право всех народов свободно распоряжаться своей судьбой, т.е. в условиях полной свободы определять свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие;

— право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами;

— обязанность всех государств содействовать путем совместных и самостоятельных действий

осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава ООН.

Равноправие и право распоряжаться своей судьбой провозглашены в качестве важнейшего принципа международного права в Заключительном Акте общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

И Вам, господин Генеральный секретарь, известно, что вышеуказанные международные документы, имеющие обязательную силу, нарушаются некоторыми государствами-членами ООН. Нам хотелось бы, чтобы на следующей сессии Ассамблеи ООН был рассмотрен вопрос о положении Латвии, Эстонии и Литвы, поскольку народы этих стран лишены права и возможности распоряжаться своей судьбой.

23 августа 1979 г.

*45 подписей
жителей Прибалтики*

Прибалтийские республики — Литва, Эстония, Латвия — оказались включенными в состав СССР, независимо от волеизъявления народов этих стран, по существу — в результате оккупации войсками СССР.

Будучи приверженными принципу равноправия и самоопределения народов, уважая право каждого народа самостоятельно распоряжаться своей судьбой, мы считаем, что в данной исторической обстановке вопрос о самоопределении

Литвы, Латвии, Эстонии должен быть решен путем референдума, проведенного в каждой из этих стран в условиях, обеспечивающих свободное волеизъявление народа.

Мы поддерживаем призыв представителей Литвы, Эстонии, Латвии о рассмотрении нарушения права народов этих стран на самоопределение и на независимое, самостоятельное решение своей судьбы.

23 августа 1979 г.

*Мальва Ланда, Виктор Некипелов,
Татьяна Великанова, Андрей Сахаров,
Арина Гинзбург*

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Никита Хрущев, Воспоминания, карманный формат, цена -- 12.00

Никита Хрущев, Воспоминания, книга вторая, карманный формат, цена -- 12.00

Валерий Чалидзе, Победитель коммунизма. (Мысли о Сталине, социализме и России), цена -- 7.00

Коран. Перевод Крачковского, карманный формат, цена -- 20.00

Пакты о правах человека, карманный формат, цена -- 5.00

Николай Евреинов, История телесных наказаний в России, цена -- 15.00

Николай Валентинов, Встречи с Лениным, карманный формат, цена -- 12.00

Валерий Чалидзе, Иностранец в России, юридическая памятка, карманный формат, цена -- 6.00

Законодательство о религии в СССР, цена -- 9.00

Петр Гарви, Профессиональные союзы в России после революции, цена — 7.50

Хельсинкское движение, цена — 7.50

Николай Новиков, Эрнст Неизвестный: искусство и реальность, цена — 10.00

Серан Киркегор, Наслаждение и долг. Репринт, 420 стр., цена — 15.00

З. Авалов, Присоединение Грузии к России, репринт, 320 стр., цена — 15.00

СССР: внутренние противоречия, редактор В. Чалидзе; цена выпуска — 15.00

Зимин, Социализм и неосталинизм, цена — 9.00

Петр Кушников, Военный дневник 1917 года, цена — 10.00 (малотиражное издание)

Цыганско-русский словарь, репринт, цена — 25.00 (малотиражное издание)

\$ 15.00